

О Э. ЛЕЙСТ

Олег Эрнестович Лейст

О. Э. ЛЕЙСТ

ВОПРОСЫ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
В ТРУДАХ
СОЦИАЛИСТОВ-УТОПИСТОВ
XVI—XVII ВЕКОВ

Веб-публикация: *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2014
<http://istmat.info/vive-liberta>

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1966

1279 283

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1966

История общественной и социально-политической мысли раздел библиотеки Vive Liberta <http://istmat.info/node/29200>

Печатается по постановлению
Редакционно издательского совета
Московского университета

В работе рассматриваются взгляды на государство и право Томаса Мора, Кампанеллы, Уинстенли, Вераса, излагается критика социалистами-утопистами XVI—XVII вв. современного им эксплуататорского государства и права, их представление об организации будущего государства и принципах права, о путях перехода к социализму

Работа рассчитана на студентов, аспирантов преподавателей высших учебных заведений, а также на широкие круги читателей, интересующихся историей социалистических идей и политических учений

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Политические идеи в «Утопии» Томаса Мора

Государство Солнца Томмазо Кампанеллы

Воззрения диггеров на государство и право

Государство и право в утопии Дени Вераса

Заключение

ВВЕДЕНИЕ

Вступление нашей страны в период строительства коммунистического общества закономерно повышает значение ряда проблем истории политической мысли. Такова, в частности, история идей предшественников научного социализма, великих социалистов-утопистов

Утопический социализм предвосхитил, хотя и в фантастической форме, условия освобождения пролетариата и всего общества от эксплуатации человека человеком, подверг острой критике эксплуататорский строй. Разумеется, утопический социализм был далек от науки «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям, — писал Ф. Энгельс, характеризуя утопический социализм, — соответствовали и незрелые теории»¹ В трудах социалистов-утопистов много было наивного, фантастического, нереального. Они совершенно не видели путей ликвидации частной собственности и перехода к социализму

В. И. Ленин писал: «В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимали основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение совершилось.»²

Изучение предшественников марксизма, их вклада, внесенного в историю мировой общественно-политической мысли, и вместе с тем показ коренного отличия научного коммунизма от домарксистских теорий — важная задача исторической науки, в том числе и истории политических учений.

За последние годы наша литература значительно пополнилась исследованиями по истории социалистических идей.

¹ К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 19, стр 194

² В И. Ленин. Полн собр соч, т 45, стр 369

К их числу относятся в первую очередь труды академика В. П. Волгина (удостоенные Ленинской премии в 1961 г.). К заслугам В. П. Волгина относится как опубликование ряда ценных исследований по истории утопического социализма, так и издание серии первоисточников «Предшественники научного социализма». Это издание по своей научной ценности и полноте выше того, что создано в этой области в других странах. В. П. Волгин по праву может считаться основателем советской школы в изучении истории социалистической мысли. Большое число специальных исследований по узловым проблемам истории социализма опубликовано учениками и последователями академика В. П. Волгина. Пополняется и учебная, а также научно-популярная литература по утопическому социализму³.

История социалистической мысли разработана в нашей литературе преимущественно как история мысли общественной. Основное внимание исследователей привлекает критика социалистами-утопистами эксплуататорского строя, обоснование общности имуществ, описание основных особенностей будущего общества. Это закономерно, ибо обоснование нового общественного устройства — основное содержание социалистических теорий. Однако упор только на общественные, социологические взгляды социалистов-утопистов был оправдан лишь тогда, когда история социалистической мысли вообще не подвергалась изучению. В настоящее время социологические учения утопического социализма изучены довольно глубоко и многосторонне. В связи с этим ощущается необходимость специального исследования политических взглядов социалистов-утопистов, их учений о государстве и праве.

Необходимость такого исследования обуславливается уже тем, что, уделяя основное внимание изложению общественных взглядов социалистов-утопистов, многие авторы нередко допускают ошибки при изложении их взглядов на государство и право. Эти ошибки, в ряде случаев заимствованные из старой буржуазной литературы, тенденциозно освещавшей историю социалистической мысли, иногда некритически воспроизводятся нашими исследователями.

Почти традиционными, например, стали утверждения, что «Томас Мор был сторонником рабства», что «Утопия по форме правления является конституционной монархией», что государственный строй Города Солнца Кампанеллы — «теократическая олигархия», что диггеры — «принципиальные противники власти и принуждения» и т. п. Суждения такого

³ Обзор литературы по указанной проблематике см в ст. В. А. Дунаевский, Б. Ф. Поршнев. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963). Сб. «История социалистических учений». М., «Наука», 1964, стр. 3—91

рода, зачастую спорные или вообще необоснованные, переходят из одной работы в другую. Попытки их критической проверки не предпринимаются хотя бы по той причине, что соответствующие вопросы не стоят в центре внимания исследователей. Приведем здесь лишь один пример, свидетельствующий о том, что освещение вопросов теории государства в пособиях по истории социалистических идей не всегда безукоризненно. В курсе лекций С. Б. Кана «История социалистических идей», подготовленном к печати рядом специалистов, Утопия Т. Мора характеризуется как ограниченная монархия, во главе которой находится пожизненно избираемый властитель. Через несколько страниц идеальное государство Морелли, также имеющее пожизненного главу государства, характеризуется как демократическая республика⁴. Почему же, спрашивается, в одном случае наличие пожизненно избираемого правителя рассматривается как признак монархии, в другом — как атрибут демократической республики? Логическая неувязка этих противоречивых характеристик очевидна; а таких неувязок при изложении политических и правовых взглядов социалистов-утопистов допускается, к сожалению, немало.

Не может подвергаться сомнению, что недостаточное и неточное освещение взглядов социалистов-утопистов на государство и право не только снижает уровень соответствующих исследований, но и принижает в известной мере значение идей утопического социализма в целом. Вряд ли надо доказывать, например, что почерпнутое из устаревшей литературы представление об основоположнике утопического социализма — Томасе Море — как о «стороннике рабства и монархии»⁵, представление необоснованное, в какой-то мере снижает значение его знаменитой «Утопии».

Необходимость специального рассмотрения взглядов на государство и право социалистов-утопистов определяется и тем, что изучение истории социалистической мысли в настоящее время стало одним из участков острейшей идеологической борьбы между марксизмом и антикоммунизмом.

Трудно себе представить, к сколь причудливым ухищрениям прибегают современные буржуазные авторы для того, чтобы опорочить, например, «Утопию» Томаса Мора. Здесь и отрицание социалистического характера Утопии, и попытки вывести идеи Мора из учения Платона, священного писания и монастырских уставов, и рассуждения о том, что мысли Мора вообще не получили в его книге адекватного выраже-

⁴ См. С. Б. Кан. История социалистических идей. М., «Высшая школа», 1963, стр. 22, 44.

⁵ Такое мнение высказывал Карл Каутский в кн. «Томас Мор и его Утопия». М., 1924, стр. 240, 243, 270.

ния, и потуги вообще отмахнуться от «Утопии», назвав ее «шуткой, пустой фантазией». Но основным является домысел о «деспотическом» и «корпоративном» характере государства Утопии. «Разве имеется еще государство, — рассуждает один из «специалистов», — которое когда-либо доводило терроризм до такой степени?»⁶. Все эти измышления, разумеется, строятся не на объективном анализе источника, а вопреки ему. Одержимые идеями антикоммунизма, реакционные авторы стремятся лишь к тому, чтобы тем или иным образом опорочить социалистические идеи прошлого и возвести поклеп на страны социализма.

Тщательный и объективный анализ источников опровергает буржуазные фальсификации истории социалистической мысли. Разумеется, это отнюдь не означает, что должны замалчиваться ошибки, имевшиеся у самих социалистов-утопистов. Признавая заслуги утопического социализма, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин вскрыли его ненаучный характер, показали качественное отличие научного социализма от предшествующих ему теорий.

Но классики марксизма-ленинизма высоко ценили гениальные догадки, содержащиеся в произведениях социалистов-утопистов. Эти догадки относятся как к вопросам общественного строя (критике частной собственности и основанной на ней эксплуатации и др.), так и к вопросам государства и права. Социалисты-утописты, выражая чаяния предшественников современного пролетариата, по-новому ставили вопросы политической теории своего времени. Так, например, итальянский утопист XVII в. Т. Кампанелла не только обосновал преимущества коммунистического строя, но и одним из первых, как указывал К. Маркс, стал рассматривать государство не с религиозных позиций, а выводить его естественные законы из разума и опыта⁷.

Утопический социализм возник одновременно с буржуазной политической идеологией. Многочисленные буржуазные мыслители XVI—XVII вв. по-разному формулировали и обосновывали интересы своего класса. Но суть их учений одна: обоснование незыблемости частной собственности как основного принципа права и объекта охраны государством, защита буржуазного «равенства» и «свободы». Это объединяет их в единое течение буржуазной политической мысли.

Но одновременно с буржуазным требованием равенства (как равенства всех перед законом, ликвидации феодальных сословий) возникает пролетарское понятие равенства.

⁶ См. изложение и критику буржуазных авторов в ст.: И. Н. Осиповский. Томас Мор в английской историографии XX в. «Средние века», вып. XXI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 262—274.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 111.

«Буржуазное равенство (уничтожение классовых привилегий), — писал Ф. Энгельс, — весьма отличается от пролетарского равенства (уничтожения самих классов)»⁸. Пролетарское требование равенства нашло свое выражение в теориях утопического социализма, появившихся в XVI—XVII вв.⁹

Утопический социализм, выражавший интересы зарождающегося пролетариата, противостоял буржуазной политической мысли уже в том отношении, что подверг острой критике общество, основанное на частной собственности, и обосновывал преимущества бесклассового коммунистического общества. Новый взгляд социалистов-утопистов на наилучший общественный строй порождал и новый взгляд на государство и право.

В XVI—XVII вв. появляется самостоятельное течение политической мысли — политическая идеология утопического социализма, течение, противостоящее политической мысли эксплуататорских классов, радикально отличающееся от нее как в постановке, так и в решении многих вопросов теории государства и права.

В советской литературе по истории социалистических идей правильно освещен ряд вопросов о взглядах на государство и право социалистов-утопистов. Так, например, в исследованиях В. Стального о диггерах — утопических коммунистах Англии XVII в. — дается обоснованная критика утверждений буржуазных авторов о «непротивленческом» характере учения идеолога диггеров Уинстенли¹⁰; Ю. М. Сапрыкин правильно подчеркивает огромное значение ряда идей диггеров для истории политических учений¹¹. Но взгляды на государство и право утопических социалистов все же не стоят в центре внимания многих авторов; они освещаются лишь наряду с другими вопросами и, как отмечено, не всегда безошибочно¹².

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 638; см. также стр. 106—108.

⁹ Говоря о самостоятельных движениях «того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата», Ф. Энгельс указывает: «Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя ...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 191).

¹⁰ См. В. Стальной. Уинстенли — идеолог коммунизма в Великой английской революции. «Известия АН СССР», 1935, № 1, стр. 65; В. Стальной. Утопия Джерарда Уинстенли «Исторический журнал», 1942, № 3—4, стр. 96.

¹¹ См. Ю. М. Сапрыкин. Социально-политические идеи диггеров. «Вестн. Моск. ун-та», филол. серия, 1959, № 2, стр. 204.

¹² Как например, сошлемся на указанную выше статью Ю. М. Сапрыкина, где наряду с правильными и ценными выводами воспроизводится ошибочная мысль о «непротивленчестве» диггеров (см. там же, стр. 203, 207).

Специальные исследования учений социалистов-утопистов о государстве и праве немногочисленны. К их числу относятся соответствующие разделы в учебниках и учебных пособиях по истории политических учений¹³. Имеются и отдельные исследования юридического профиля, весьма немногочисленные и небольшие по объему¹⁴.

* * *

Изложение взглядов социалистов-утопистов методологически требует обязательного освещения вопроса о классовой основе и основном содержании их социально-политических теорий.

Классики марксизма указывали на неразрывную связь идей утопического социализма с появлением предшественников современного пролетариата. В XVI в. возникает пролетарское требование равенства, действительное содержание которого сводится к требованию уничтожения классов. Участие в Крестьянской войне в Германии (1524—1525) плебейских элементов города, являвшихся «зародышем пролетариата»¹⁵, обусловило появление идей утопического социализма в программе Томаса Мюнцера. «...Немецкая Крестьянская война, — писал Ф. Энгельс, — пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом уже не было ничего нового, — но за ними показались предшественники современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах»¹⁶.

Требование общности имущества и лежит в основе теорий утопического социализма; последними признаются те, которые призывают к созданию строя, основанного на общественной собственности (*omnia sunt communia* — отсюда и само название коммунизма)¹⁷.

¹³ «История политических учений», под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Фелькина, изд. 2. М., Госюриздат, 1960; «История политических учений», под ред. К. А. Мокичева. М., «Высшая школа», 1965.

¹⁴ См. И. Е. Фарбер. Утописты-социалисты XVI—XVII вв. о праве. Уч. зап. Саратовского юрид. ин-та им. Д. И. Курского», 1957, вып. V.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 413.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 345 (см. также стр. 508).

¹⁷ Требование замены частной собственности собственностью общественной в учениях отдельных социалистов-утопистов выражено недостаточно четко. Так, Сен-Симон, в учении которого, как указывал Ф. Энгельс, «рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 191), высказывал мысль не о ликвидации частной собственности, а о плановом управлении организованным хозяйством при сохранении частной собственности. Вполне логичным, однако, был вывод последователей Сен-

По указанному признаку (требование общности имущества, как выражение пролетарского требования равенства) теории утопического социализма ограничиваются от «уравнительных» (эгалитарных) теорий, выражавших интересы крестьянства, борющегося против феодализма. По вопросу о соотношении утопического социализма и эгалитаризма высказываются различные точки зрения¹⁸. Наиболее убедительным является мнение академика В. П. Волгина. Как отмечают исследователи творчества В. П. Волгина, «...он в высшей степени отчетливо и тонко сумел провести разграничение утопического социализма и эгалитаризма (уравнительства)... Эгалитаризм не поднимался до идеала общественной собственности на средства производства, он видел идеал справедливого общественного устройства не в «общности имущества», а в «равенстве имущества». Однако социалистические учения, даже самые неразвитые, выступали за установление общественной собственности в тех или иных формах. Это и являлось демаркационной линией между социалистической утопией и любой формой уравнительства»¹⁹.

Эгалитарные теории, выражая интересы крестьянства, борющегося против феодального строя, неполно и недостаточно определяют цели борьбы против эксплуататорского строя, поскольку не видят, что развитие частной собственности, хотя бы и «уравненной», неизбежно приводит к возрождению имущественного неравенства, эксплуатации и классов. Утопизм эгалитарных теорий отличен от утопизма ранних социалистов: если последние в общих контурах правильно определяли основные черты общества будущего, но не видели путей его достижения, то многие эгалитаристы в основном верно формулировали конкретные задачи антифеодальной борьбы, но в то же время глубоко заблуждались, полагая, что общество, основанное на мелкой «трудовой» собственности, явится чем-то непреходящим и неизменным. Идеологи

Симона — Базара, Родрига и других, что осуществление идей их учителя о ликвидации эксплуатации и организации планового хозяйства возможно лишь при отмене частной собственности, замене ее собственностью общественной. Можно поэтому сказать, что учение Сен-Симона о собственности по тенденции социалистично, но носит незавершенный характер. (См. В. П. Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 83). Что касается учения Фурье, сохранявшего в фаланстере распределение по капиталу, внесенному в общий фонд вступившими в фаланстер имущими, то, во-первых, распределение части доходов по внесенному капиталу отнюдь не равноценно сохранению частной собственности (внесенный капитал входит в фонд общей собственности), во-вторых, разделение по капиталу потеряет свое значение и исчезнет с переходом общества к более высоким фазам развития (гармонизм и другие)

¹⁸ «История социалистических учений». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 5.

¹⁹ В. А. Дунаевский, Б. Ф. Поршнев. Ук соч., стр. 11.

мелкобуржуазной демократии выдвигали порой реакционные взгляды, осуждая развитие крупной промышленности и торговли; не требуя ликвидации частной собственности, они в то же время предлагали регламентировать ее таким образом, чтобы увековечить патриархальное хозяйство крестьянина и ремесленника (Руссо, Мабли, позже Сисмонди).

«Идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции, — писал В. И. Ленин. — Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобществленного производства»²⁰.

В истории общественной мысли эгалитаризм развивался рядом с утопическим социализмом, элементы того и другого иной раз сочетались в учениях отдельных мыслителей.

Такого рода сочетание имеет ряд причин. Во-первых, выражая интересы предшественников современного пролетариата, борющегося против всякого эксплуататорского строя, утопический социализм отражал в то же время и интересы широких крестьянских масс, отнюдь не отделенных от зарождавшегося пролетариата китайской стеной.

Во-вторых, в эпоху зарождения и развития утопического социализма первоочередной задачей общества было осуществление ликвидации феодального строя. Контуры будущего коммунистического общества нередко преломлялись в сознании творцов теорий утопического социализма через призму антифеодальной борьбы крестьянства; отсюда — убеждение отдельных представителей социалистических теорий, что именно крестьянство, борющееся против феодального строя, явится силой, которая осуществит социалистические идеи. Убеждение такого рода присуще было Томасу Мюнцеру — одному из первых утопических социалистов, выступавшему одновременно руководителем Великой крестьянской войны в Германии 1524—1525 гг.; аналогичных идей придерживались диггеры в период Английской буржуазной революции XVII в.²¹ В период кризиса феодального строя во Франции

²⁰ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 15, стр. 225—226

²¹ Некоторые авторы, правильно оценивая диггеров, как поборников интересов предпролетариата города и деревни, предшественников научного социализма (см. В. М. Лавровский, М. А. Барг. Английская буржуазная революция XVII века. М., Соцэкгиз, 1958, стр. 332; Ю. М. Сапрыкин. Ук. соч., стр. 183 и др.), в то же время усматривают в их программе «эгалитарные» идеи, в основе которых лежала «уравниловка», крестьянский образ мышления «о дележке всех благ поровну». Последнее представление необоснованно. Движение диггеров было тесно связано с антифеодальным крестьянским движением, но программа диггеров лишена каких-либо «крестьянски-уравнительных» мотивов. Те высказывания диггеров, на которые ссылаются как на выражение «крестьянски-уравнительных идей» (см., например, Ю. М. Сапрыкин. Ук. соч., стр. 194—195; М. А. Барг. Генезис идеологии истинных левеллеров. Сб. «История социалистических учений». М., «Наука», 1964, стр. 136—197), можно найти

в XVIII в. на крестьянскую социалистическую революцию уповал Жан Мелье в своем знаменитом «Завещании».

Особо тесно антифеодальные лозунги крестьянства и пролетарское требование равенства переплетались в теориях русских революционных демократов и социалистов-утопистов середины XIX в. В ту эпоху, как указывал В. И. Ленин, о выделении пролетариата в качестве самостоятельного класса России не могло быть и речи, поскольку развитие капитализма тормозилось феодально-крепостническим строем. Но борьба крестьянства России против самодержавия и крепостничества шла на общем фоне бурного развития капитализма в странах Западной Европы. Герцен, Чернышевский и другие защитники интересов крепостного крестьянства критиковали уже не только феодально-крепостнический строй, но и вскрывали язвы капитализма. Русские революционные демократы XIX в. проповедовали утопический социализм. Однако их социалистические взгляды в значительной мере основывались на критике буржуазных порядков Запада с пролетарских позиций и испытали на себе несомненное влияние идей критически-утопического социализма Запада, развившегося на пролетарской основе. Что касается реального содержания их теорий, то, как отмечал В. И. Ленин, утопический социализм великих русских революционных демократов был неразрывно связан с решительной борьбой против феодально-крепостнического строя, сводился в конечном счете к последовательному осуществлению крестьянского «права на землю». В эпоху кризиса феодально-крепостнического строя в России вера в «крестьянскую социалистическую революцию» была утопична; Маркс и Энгельс прямо указывали, что без помощи победившего пролетариата развитых стран Запада Россия не сможет миновать путь капиталистического развития²². В. И. Ленин писал, что в «теории русского социализма» Герцена, как и во всем русском народничестве, не было «ни

у Мора и Кампанеллы, в учении которых никто не усматривает «крестьянскую психологию дележки всех благ поровну».

Указанные авторы, на наш взгляд, смешивают два различных понятия «уравнительности». Крестьянское требование «уравнительности» сводится к лозунгу равномерного распределения земли на основе мелкой частной собственности или общей собственности при индивидуальном землепользовании. Диггерам такое требование не присуще. Второе понятие — «всеобщий аскетизм и грубая уравнительность» — присуще, как указывают Маркс и Энгельс, всем ранним движениям пролетариата (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 455). «Уравнительность» в последнем понимании как уравнивание потребностей членов общества (удовлетворяемых за счет общественных фондов) в конечном счете вытекала из непонимания материально-технических основ коммунизма. Это было присуще идеям диггеров в той же мере, как и другим теориям утопического социализма.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 305.

грана социализма»²³. Но классики марксизма-ленинизма подчеркивали одновременно громадное прогрессивное значение революционно-демократических идей Герцена, Чернышевского и других социалистов-утопистов России середины XIX в., выражавших интересы крестьянства, борющегося против феодального строя.

Известны также многочисленные указания классиков марксизма-ленинизма на необходимость учитывать и осуществлять в процессе развития пролетарской революции антифеодальные требования крестьянства, в том числе «эгалитарные».

Так, на V съезде РСДРП В. И. Ленин, критикуя рассуждения меньшевиков, указывал на недопустимость игнорирования крестьянских аграрных утопий: «...крестьянские идеи об уравнительности — реакционные и утопичные с точки зрения социализма — революционны с точки зрения буржуазного демократизма»²⁴.

«Утопична мысль, — писал В. И. Ленин, — будто «уравнительность» может удержаться при товарном производстве и даже послужить началом полусоциализма. Не утопично, а революционно в самом полном, в самом строгом, научном смысле слова стремление крестьян теперь же отнять у помещиков земли и разделить их поровну»²⁵.

Таким образом, пролетарское требование равенства отнюдь не противостоит антифеодальным лозунгам крестьянства как нечто им «противоположное». И в истории социалистической мысли, и в практике строительства социализма пролетариат выступает как класс, тесно связанный с трудящимся крестьянством, придающий последовательный и целенаправленный характер антифеодальной борьбе, доводящий ее до требований уничтожения всякой эксплуатации вообще.

Необходимо, наконец, затронуть вопрос о соотношении теорий утопического социализма с различными учениями докапиталистической эпохи, содержащими идеи, аналогичные социалистическим или эгалитарным. Таковы древние мифы о «государстве солнца», «золотом веке», некоторые идеи ранних христиан, средневековых ересей и т. п. Здесь можно обнаружить элементы «потребительского коммунизма», требования всеобщей обязательности труда, осуждение индивидуальной частной собственности и другие идеи, созвучные утопически-социалистическим. Но их социальная база отлична от классовой основы пролетарского требования равенства; различны и тенденции их развития.

Так называемые «элементы социализма» в докапиталистическую эпоху имеют различные источники.

Это — унаследованные мечты античного крестьянства и городских низов об утраченном «золотом веке», смутные предания о первобытном коммунизме. С развитием классового общества соответствующие мифы (Эвгемер, Ямбул) приобретали все более легендарный характер, предавались забвению.

Идеи «потребительского коммунизма» нередко возникали в ходе развития движений угнетенных масс, в процессе их борьбы с эксплуататорами (таковы «общность имущества» у ранних христиан, «хилиастическая общность имущества» таборитов и т. д.). Эти идеи воплощались в чисто практических мерах, надобность в которых отпадала в связи с изменением характера движения или его прекращением.

Наконец, вполне отвечают духу социалистических идей элементарные нормы нравственности, выработанные трудящимися в процессе их борьбы с эксплуататорским строем; такова прежде всего известная норма: «кто не работает, тот не должен есть». Социалистические системы, как правило, усваивают эти нормы, но дают им новое, более глубокое обоснование, увязывая с требованием ликвидации частной собственности.

В ходе развития социалистической мысли нередко ссылки на указанные выше идеи, созвучные социалистическим. Это объясняется преемственностью в истории развития мировой общественно-политической мысли, стремлением авторов новых социальных систем подкрепить свои идеи ссылками на признанные авторитеты. «Как всякая новая теория, — писал Ф. Энгельс, — социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах»²⁶.

Социалисты-утописты XVI—XVII вв. часто ссылались на «общность имущества» ранних христиан, на античных авторов, осуждавших имущественное неравенство, на мифы о «золотом веке» и др. Однако их теории качественно отличны от предшествующих идей.

Буржуазные авторы, как правило, стремятся смазать различие между мыслителями различных эпох, высказывавших идеи «общности имущества». «Социалистами» в их представлении оказывались Платон, основатели христианства, церковные деятели²⁷. К. Каутский подчеркивал отличие социалистических систем нового времени от предыдущих учений; но и он считал возможным говорить о «греческом (плато-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 189.

²⁷ См., например, Туган-Барановский. Современный социализм в своем историческом развитии. М., 1906; Зомбарт. Социализм и социальное движение. СПб., 1906; Пельман. История античного социализма и коммунизма СПб., 1910.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257—258.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 340.

²⁵ Там же, стр. 339.

новском и пифагорейском) коммунизме, «древнехристианском коммунизме», «монастырском» и «еретическом коммунизме»²⁸.

Совершенно иначе этот вопрос решает Ф. Энгельс. Рассматривая коммунистические идеи как выражение пролетарского требования равенства, Ф. Энгельс ставит их в прямую связь с возникновением предшественников современного пролетариата. Ф. Энгельс указывает, что идеи коммунизма развиваются на пролетарской основе. «...Предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в *Германии у Томаса Мюнцера* и его партии. Правда, у таборитов уже существовала своего рода хилиастическая общность имущества, однако лишь в качестве чисто военной меры. Только у Мюнцера эти проблески коммунистических идей впервые становятся выражением стремлений реальной общественной группы, только у него впервые они формулируются с известной определенностью и, начиная с него, мы встречаем их снова в каждом великом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением...»²⁹.

Исходя из сказанного совершенно недопустимо стирать грани между теориями, выражавшими пролетарское требование равенства, и учениями докапиталистической эпохи, изображать утопический социализм как простое повторение идей, высказанных еще античными авторами. К сожалению, в нашей литературе иной раз встречаются попытки представить социалистов-утопистов как «подражателей» древнегреческого философа-идеалиста Платона³⁰. Однако проект Платона «Государство» представлял собой, по определению К. Маркса, «афинскую идеализацию египетского кастового строя»³¹. Ничего общего с идеями утопического социализма взгляды Платона не имеют. Что касается платоновской идеи «общности имущества» господствующей верхушки общества (правителей и воинов), то она вполне обоснованно оценивается

²⁸ См. К. Каутский. Предшественники новейшего социализма, ч. I. От Платона до анабаптистов. М., 1919.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 364. Характеризуя названную выше (см. предыдущее примечание) книгу К. Каутского, Ф. Энгельс отмечал ту главную ошибку Каутского, что в книге, посвященной истории социалистических идей, автор весьма недостаточно исследовал развитие предпролетариата, смешал предпролетариат с элементами феодально-сословной структуры. Ф. Энгельс указывал также, что Платон и раннее христианство Каутским разобраны еще слишком недостаточно (см. письмо Ф. Энгельса К. Каутскому 21 мая 1895 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., Госполитиздат, 1948, стр. 489—490).

³⁰ Так, характеризуя сочинение Платона «Государство», С. И. Радциг пишет, что это сочинение «вызвало много подражаний, в том числе в 1516 г. «Утопию» Томаса Мора, отсюда у нас принято фантастические проекты называть «утопиями» (С. И. Радциг. Античная литература. Изд-во МГУ, 1962, стр. 65).

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 379.

как идея коллективной частной собственности, существовавшей в древних рабовладельческих государствах. «Предлагая установить совместную частную собственность, — пишет профессор С. Ф. Кечекьян, — Платон отнюдь не ставил своей задачей облегчить положение масс, поднять жизненный уровень неимущей бедноты. Его задача — укрепить существующую форму эксплуатации, сделать возможно более прочным рабовладельческий строй. Поэтому фальсификаторскими, антинаучными являются попытки буржуазных ученых затушевать эту важнейшую черту учения Платона и представить его учение без всяких оснований как своего рода коммунизм»³².

При изложении идей утопического социализма следует учитывать их неразрывную связь с зарождением и развитием пролетариата, их качественное отличие от всех предшествующих им теорий, наконец, тенденцию развития этих идей, накопивших тот материал, который стал одним из источников марксизма.

Разумеется, при этом нельзя забывать и о качественном отличии научного социализма от социализма утопического. «Социалистические мечтания, — указывал В. И. Ленин, — превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание»³³.

Учения социалистов-утопистов о государстве и праве охватывают в основном три группы вопросов: это, во-первых, критика эксплуататорского государства и права, во-вторых, вопрос о государстве и праве в будущем обществе, в-третьих, представление о роли государства и права в период перехода от старого общества к новому.

Все эти вопросы в той или иной степени нашли свое решение уже в произведениях социалистов-утопистов XVI—XVII вв. Эпоха первоначального накопления капитала в Англии, сопровождавшегося экспроприацией крестьянства, отразилась в знаменитой «Утопии» Томаса Мора. Острые классовые битвы Английской буржуазной революции XVII в. были по-новому осмыслены Джерардом Уинстенли, призывавшим в «Законе свободы» к завершению этих битв социалистическим переустройством общества. Мечту о наилучшем общественном строе выразил итальянский монах Томмазо Кампанелла в книге «Город Солнца». Наконец, француз Дени Верас

³² «История политических учений». Под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина, стр. 70.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 45.

д. Алле ту же тему затронул в «Истории севарамбов». Все эти авторы ставили по-новому не только вопрос о наилучшем устройстве общества, но и о его государственном строе, а также о современном им государстве и праве. Последующие социалисты-утописты в основном исходили из тех идей, которые были высказаны еще в XVI—XVII вв.

Социалистическая мысль XVI—XVII вв. не исчерпывается перечисленными именами.

В ряду социалистов-утопистов этого периода почетное место принадлежит вождю Крестьянской войны в Германии 1524—1525 гг. Томасу Мюнцеру; Ф. Энгельс писал: «Подобно тому как религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму... Эта программа, которая представляла собой не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавших тогда развиваться среди этих плебеев пролетарских элементов, требовала немедленного установления царства божьего на земле... Но под царством божьим Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, в случае если они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство. Для того чтобы осуществить все это не только во всей Германии, но и во всем христианском мире, нужно основать союз; князьям и дворянам следует предложить присоединиться к нему; если они этого не сделают, союз должен при первом удобном случае свергнуть их с помощью оружия или уничтожить»³⁴.

Значительное место в политической программе Мюнцера занимало требование установления верховенства народа. Наряду с требованием установления общности имущества Томас Мюнцер впервые выдвинул требование единой и неделимой германской республики³⁵. Ф. Энгельс указывал на преемственность между республиканской тенденцией таборитов и политическими идеями представителей плебеев в Германии³⁶.

Приводя рассуждения Мюнцера: «Если князья не истребят безбожников, то господь отнимет у них меч, — Ф. Энгельс подчеркивает следующую часть этого рассуждения, — *ибо сила меча принадлежит всей общине*»³⁷.

Но Ф. Энгельс указывает одновременно, что программа Мюнцера по условиям того времени носила фантастический отпечаток, отличалась очень большой неопределенностью способа выражения своих требований, что относительно коммунистических и других радикальных идей у самого Мюнцера возникало лишь смутное предчувствие. Попытки осуществить идею новой власти в Мюльгаузене привели только к демократизации конституции этого города³⁸. Ф. Энгельс называл Мюнцера «славным вождем крестьянского восстания 1525 г., который был подлинным демократом, насколько это было возможно в то время...»³⁹.

Попытку конкретизировать фантастический идеал «царства божьего», который у Томаса Мюнцера не имел конкретных очертаний⁴⁰, сразу после подавления Крестьянской войны в Германии предпринял нюрнбергский владелец типографии и книготорговец Иоганн Герготт, поплатившийся жизнью (1527 г.) за свой памфлет, содержащий коммунистические и революционные идеи. В религиозной оболочке, типичной для периода Реформации, Герготт вслед за Мюнцером развивает в этом памфлете идеи демократической организации власти и правосудия⁴¹.

Несколько раньше Кампанеллы (но менее ярко и последовательно) идеи утопического социализма развивал итальянец Антонио Франческо Дони. В своем произведении «Миры» он описывал идеальное общество равных людей: управление этим обществом осуществляют «мудрецы-священники»⁴².

Изучение истории Английской буржуазной революции показывает, что движение диггеров имело более широкий харак-

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 363—364, 423—424.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 572.

⁴⁰ См. М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 15.

⁴¹ См. В. Е. Майер. Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии. Сб. «Средние века», вып. XX. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 151—164.

⁴² См. В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. I М.—Л., 1928, стр. 157, Л. С. Чиколини Социальная утопия Антонио Франческо Дони. Сб. «Средние века», вып. XVII М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 196—223.

Вряд ли, однако, можно относить к числу социалистов-утопистов этого периода Фабио Альбергати, как это делает Л. С. Чиколини в статье «Социально-политические взгляды Фабио Альбергати — итальянского утописта конца XVI — начала XVII в» («Средние века», вып. XIV М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 69—90). Изложенные в указанной статье идеи Альбергати, содержащиеся в его произведении «Королевское государство», в подавляющем большинстве заимствованы из «Политики» Аристотеля и приспособлены для защиты «средних классов» Италии XVI—XVII вв. Нет никаких оснований ставить рядом с Мором и Кампанеллой мыслителя, чуждого и даже враждебного идеям социализма.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 371—372.

³⁵ См. там же, стр. 382.

³⁶ См. там же, стр. 363.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 372.

тер, чем считалось до сих пор, и, в частности, еще до Уинстенли классовый характер феодального государства и права Англии был подвергнут острой критике в памфлетах первых «истинных левеллеров»⁴³.

Данная работа не может претендовать на исчерпывающее и всестороннее изложение социалистических учений XVI—XVII вв. Здесь рассматриваются только взгляды социалистов-утопистов указанного периода на государство и право и соответственно анализируются лишь те произведения утопически-социалистической литературы, где эти взгляды нашли достаточно обстоятельное выражение.

---

⁴³ См. М. А. Барг. Ук. соч., стр. 149—198

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В «УТОПИИ» ТОМАСА МОРА

Знаменитое сочинение английского гуманиста и государственного деятеля Томаса Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», написанное и опубликованное в 1516 г., положило начало литературе утопического социализма. В этом произведении впервые нашло воплощение пролетарское требование равенства, заключающееся в уничтожении классов. Выражая смутные чаяния предшественников современного пролетариата, Томас Мор подверг уничтожающей критике общество, основанное на частной собственности, и первым в истории социалистической мысли дал описание строя, основанного на общественной собственности и всеобщем труде¹.

Сочинение Томаса Мора написано в форме диалога между автором, Петром Эгидием и путешественником Рафаилом Гитлодеем, посетившим ряд стран и в их числе сказочный остров Утопия в южном полушарии. Описанию Утопии, не знающей частной собственности, посвящена вторая книга сочинения Т. Мора; первая книга содержит острую критику общества и государства современной Мору Англии². Показывая бедственное положение английского народа, Мор доказывает, что коренной причиной пороков существующего общества является частная собственность; описание учреждений и нравов утопийцев во второй книге служит обоснова-

---

¹ См. В. П. Волгин. Историческое значение «Утопии». В кн.: Томас Мор. Утопия. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 7 (в дальнейшем это издание обозначается «Утопия»).

² В письме Эразма Роттердамского Ульриху фон Гуттену говорится, что Мор первоначально написал вторую книгу, а затем уже первую. Цель этого сочинения — «показать, по каким причинам приходят в упадок государства; но, главным образом, он (Т. Мор. — О. Л.) имел в виду Британию, которую глубоко изучил и знал» («Утопия», стр. 244).

нию той основной мысли Мора, что лишь утверждение общности имущества и всеобщей обязательности труда может устранить эти пороки, создать коммунистическое общество, отвечающее интересам трудящихся.

Мор отчетливо сознавал, что учреждения и обычаи, подобные утопийским, еще нигде и никогда не существовали. Он довольно ясно давал понять читателю, что описывается вымышленная страна; об этом свидетельствуют уже те иронические названия, которые Мор дает Утопии, ее городам и рекам. Первоначально мифическую страну Мор хотел назвать по-латыни «Нусквама», т. е. «Нигдея»; затем он взял греческое слово «Утопия», т. е. «место, которого нет». Рассказ ведется от имени «Гитлодея», т. е. «сведущего в пустой болтовне». Столица Утопии называется «Амаурот», т. е. «непознаваемый, темный» (по первоначальному замыслу «Ментиран», т. е. «ложный»); река «Анидр», на которой стоит столица, — «река без воды». Иронически названы страны и народы, упоминаемые в «Утопии»: «Полилериты» — многовздорные, «Ахорийцы» — народ несуществующей страны, «Анемолийцы» — ветреные, мнимые, «Нефелогеты» — жители облаков, «Алаополиты» — слепые граждане, «Заполеты» — вполне продажные и др.

Как идеал для подражания «Утопия» и была воспринята достаточно проникательными читателями³. Но в то же время Мор намекал, что учреждения и обычаи Утопии вполне возможны в Англии; в Утопии — 54 города, т. е. столько же, сколько было в тогдашней Англии и Уэльсе; многие черты столицы Утопии напоминают Лондон⁴, Анидр похож на Темзу. Остро и довольно откровенно критикуя порядки современной ему Англии в первой части сочинения, Мор во второй части дает понять, что Англия могла бы выглядеть иначе при разумных учреждениях и обычаях.

Отчетливо понимая, что им описывается новый, еще не существовавший в истории общественный и политический строй, Томас Мор пытался опереться при обосновании этого строя на признанные «авторитеты». Таковы Платон, ранние христиане, отцы церкви с их высказываниями, осуждающими индивидуальную частную собственность или неравенство имущества. Но ссылки Мора на предшествующих авторов немногочисленны. Он охотнее оперирует «доводами разума», логической и моральной аргументацией. Главным же доводом для Мора чаще всего служат ссылки на бедственное положение трудящихся масс в обществе, основанном на частной собст-

³ См. ниже о Кампанелле. Вместе с тем некоторые современники считали Утопию реально существующей страной; сохранился рассказ о монахе, добывавшемся посылки миссионеров для обращения утопийцев в христианство («Утопия», стр. 36—37).

⁴ «Утопия», стр. 277, прим. 111, 113.

венности, обоснование практических преимуществ коммунистического строя.

Подвергая острой критике пороки феодальной Англии периода первоначального накопления капитала, обосновывая преимущества коммунистического строя, Томас Мор значительное внимание уделял вопросам государства и права.

«Утопия» — не только первое произведение социалистической литературы, но и важная веха в истории учений о государстве и праве, политический трактат, содержащий ряд новых взглядов, выражающих отношение зарождающегося пролетариата к эксплуататорскому государству и праву, его представление об основных чертах и задачах будущего государства. Взгляды Томаса Мора на государство и право содержат принципиально новое для своего времени решение ряда проблем политической науки, неразрывно связанное с его учением о социалистическом строе. Последующая литература утопического социализма во многом исходила из этих взглядов.

* *
*

Громадной заслугой Томаса Мора является критика эксплуататорского государства и права.

Томас Мор близко подошел к пониманию классовой антинародной сущности современного ему государства. «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств, — писал Томас Мор, — я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах»⁵.

В этом выводе Томас Мор поднимается выше всех предшествующих и современных ему политических мыслителей, далеких от понимания сущности эксплуататорского государства.

Так, например, современник и близкий друг Мора гуманист Эразм Роттердамский в известной книге «Похвала глупости», написанной в доме Томаса Мора и опубликованной в 1511 г., рассматривает современные ему государства прежде всего как воплощение «глупости», непросвещенности: «Глупость, — пишет Эразм, — создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд»⁶. Давая довольно острую критику монархов, вельмож и юристов, Эразм Роттердамский видит в них в основном глупцов, людей тупых и не-

⁵ «Утопия», стр. 218

⁶ Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М., Гослитиздат, 1960, стр. 34

просвещенных; пороки современного ему политического строя он склонен выводить из «природы» людей, состояния их умов. Весьма остро критикуя церковь и духовенство и многократно отмечая связь корыстных интересов церковников («интересы кармана») с их духовной властью, Эразм Роттердамский почти не делает этого при описании политических учреждений, связь которых с материальными интересами имущих классов осталась ему неизвестной⁷. Не удивительно в связи с этим, что Эразм уповает на «просвещение» монархов⁸, проповедует в своей книге «Похвала глупости» приспособленческую теорию «малых дел», подвергнутую впоследствии острой критике в «Утопии» Томаса Мора (см. ниже).

Не видел связи отношений частной собственности с сущностью современного ему государства и один из наиболее радикальных защитников демократии и обличителей тирании французский мыслитель XVI в. Ла Бюэси. В его произведении «Рассуждение о добровольном рабстве» (написанном около 1548 г.) дается острейшая критика тирании и деспотизма; но при описании причин политического рабства народов Ла Бюэси не идет далее анализа чисто политических форм этого рабства. Государство, по теории Ла Бюэси, это некая иерархия тиранов, из которых высшие опираются на низших и в то же время при случае грабят их; тирания, по этой концепции, даже в известной мере опасна для собственников, ибо «ничто так не подвергается жестокому преследованию тирана, как богатство... он любит только богатство и грабит только богатых...»⁹.

Таким образом, современники Томаса Мора, критиковавшие пороки современных им государств, не шли далее противопоставления «правлящих» и «управляемых». Обличая тиранию лиц, стоящих у власти, они отнюдь не были склонны связывать эту тиранию с интересами имущих классов. Эта позиция во многом объясняется интересами буржуазии, чьи идеологами были указанные мыслители: их критика не

шла далее обличения пороков феодального абсолютизма. Одним из этих пороков признавалось отсутствие гарантий незыблемости частной собственности¹⁰. К этому надо добавить и то, что для буржуазных гуманистов XV—XVI вв., уповавших в основном на просвещение, простой народ существовал лишь в качестве «тупой, невежественной черни»¹¹.

Совершенно иную концепцию выдвигает Томас Мор, рассматривавший государство с иных классовых позиций. Разделяя критику отдельных пороков современного государства, данную его другом Эразмом Роттердамским¹², Томас Мор в то же время идет гораздо дальше буржуазных гуманистов; он отмечает связь государства с интересами имущих классов («заговор богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах») и показывает, что богачи используют государство «во-первых, для того, чтобы удерживать без страха потери то, что стяжали разными мошенническими хитростями, а затем для того, чтобы откупить себе за возможно дешевую плату работу и труд всех бедняков и эксплуатировать их, как вьючный скот»¹³.

Вместе с тем, следуя в известной мере гуманистической традиции, Томас Мор в ряде мест «Утопии» изображает государство как некий результат договора между народом и государем, где народ имеет право низложить тирана, правящего в своих собственных интересах и нарушающего общее благо¹⁴. Еще острее, чем Эразм Роттердамский, Томас Мор обличает пороки монархов и окружающей их знати, дает острую критику политики современных ему монархов, помышляющих лишь о захватнических войнах и умножении казны. Монархов, которые «с гораздо большим удовольствием, гораздо больше заботятся о том, как бы законными и незаконными путями приобрести себе новые царства, не-

¹⁰ Ла Бюэси писал о том, что тираны расхищают достояние подданных, разоряют их поля, обкрадывают дома, отнимают лучшую часть плодов (ук. соч. стр. 13); Эразм Роттердамский описывал, как монархи «ежедневно измышляют новые способы набивать свою казну, отнимая у граждан их достояние» («Похвала глупости», стр. 85).

¹¹ См. Ла Бюэси. Ук. соч., стр. 28 и сл.; Эразм Роттердамский. Ук. соч., стр. 33 и др.

¹² Некоторые страницы «Утопии» Т. Мора в известной мере созвучны «Похвале глупости» Эразма Роттердамского. Можно заметить сходство мыслей Мора и Эразма в обличении тупости монархов и вельмож («Похвала глупости», стр. 46—47, 84—85; «Утопия», стр. 54 и сл.), в их насмешках над «благородным искусством» охоты («Похвала глупости», стр. 50—51; «Утопия», стр. 155—156), над золотыми цепями, камнями и иными внешними знаками знатности и власти («Похвала глупости», стр. 85—86, «Утопия», стр. 139—144). В то же время по ряду принципиальных вопросов в «Утопии» дается косвенная критика некоторых положений «Похвалы глупости». Таков, прежде всего, вопрос о «мудром советнике» при государе (см. ниже).

¹³ «Утопия», стр. 218—219.

¹⁴ См. там же. стр. 84, 88—91 и др.

⁷ Государство, для Эразма, — прежде всего воплощение глупости, порождение чепухи (см. Эразм Роттердамский. Ук. соч., стр. 28, 33—34). Обогащение юристов, чиновников, монархов — производно от той же глупости (там же, стр. 43, 64, 85), дело, вообще говоря, случайное, зависящее от того, что благодаря господству глупости к дуракам, как пишет Эразм, «плывут деньги, они держат в руках кормило государственного правления и вообще всячески процветают» (там же, стр. 93).

⁸ Надежды на «просвещенного монарха» Эразм высказывал в сочинении «Христианский государь», опубликованном одновременно с «Утопией» Т. Мора (Эразм Роттердамский. Ук. соч., стр. 114—115).

⁹ Этьен де Ла Бюэси. Рассуждение о добровольном рабстве. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 33 и др. Наличие в трактате Ла Бюэси двух различных концепций политического рабства народов правильно отмечает Ф. Коган-Бернштейн (см. там же, стр. 81—82). Мы излагаем здесь вторую, более радикальную концепцию.

жели о том, как надлежало управлять приобретенными. Томас Мор противопоставляет массе простых людей, которые «идут на войну не по своей воле, а гонимые безумием государей»¹⁵.

Обличая пороки современного ему общества, Томас Мор ставит вопрос о том, можно ли исправить эти пороки. Обсуждение этого вопроса дается в первой части «Утопии» в форме диалога Рафаила Гитлодея и самого Мора. Решая здесь проблему реформ, проводимых по инициативе «мудрого советника при государе», Мор ведет скрытую полемику с Эразмом Роттердамским и другими гуманистами, уповавшими на постепенное просвещение монархов¹⁶.

Позиция Эразма Роттердамского такова: государство порождено глупостью людей; все его недостатки проистекают из того же источника. Глупость непреодолима, как неизменная человеческая природа; монархи так же глупы, как и другие люди; поэтому «ненавистна истина царям». Монархам всегда ненавистны и подозрительны чрезмерно благоразумные люди и желанны люди невежественные и тупые¹⁷. Особенно ненавистны им мудрецы, которые, по мнению Эразма Роттердамского, скорее вредны, чем полезны для человечества: «Справься у историков — и увидишь, что ничего не бывало для государства пагубнее, нежели правители, которые баловались философией или науками»¹⁸. Поэтому мудрец не должен навязывать монархам свои советы; лучшее, что можно здесь сделать, — это не кичиться своей мудростью, понять, что «вся жизнь человеческая есть не иное что, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль», и, в лучшем случае, исправлять по возможности частные пороки, применяясь к обстоятельствам жизни. «Как ничего нет глупее непрошеной мудрости, так ничего не может быть опрометчивее сумасбродного благоразумия, — пишет Эразм. — Сумасбродом называю я всякого не желающего считаться с установленным положением вещей и применяться к обстоятельствам, не помнящего основного закона всякого пиршества: либо пей, либо — вон, и требующего, чтобы комедия не была комедией. Напротив, истинно рассудителен тот, кто, будучи смертным, не стремится быть мудрее, чем подобает смертному, кто снисходительно разделяет недостатки толпы и вежливо заблуждается заодно с нею. Но ведь в этом

¹⁵ «Утопия», стр. 55, стр. 186. Эразм Роттердамский писал о Томасе Море, что «ему всегда была особенно ненавистна тирания, а равенство чрезвычайно привлекательно» («Утопия», стр. 233).

¹⁶ При этом точка зрения гуманистов в сочинении Мора защищается самим «Томасом Мором, гражданином и виконтом славного британского города Лондона», а подлинные мысли автора «Утопии» отстаиваются Рафаилом Гитлодеем.

¹⁷ См. Эразм Роттердамский. Ук. соч., стр. 47, 102—103.

¹⁸ Там же, стр. 31.

и состоит глупость, скажут мне. Не стану спорить, но согласитесь и вы, что это как раз и значит играть комедию жизни»¹⁹.

Аналогичные рассуждения о «наилучшей игре в той пьесе, которая у тебя под рукою», о необходимости, не навязывая государям высокой философии, попытаться осуществиться с их помощью «философию более житейскую», содержатся и в «Утопии». Но Мор приводит эти рассуждения лишь для того, чтобы показать их несостоятельность.

«Я не постигаю, — говорит Рафаил Гитлодей, выражающий точку зрения автора «Утопии», — что значит тот окольный путь, которым. надо стремиться к тому, чтобы, если нельзя всего сделать хорошим, то хоть удачно повернуть это и превратить, насколько возможно, в наименьшее зло»²⁰. В «Утопии» доказывается, что тот «окольный путь», который Эразм Роттердамский считал единственно возможным и приемлемым, может привести только к тому, что честный человек, желающий исправить зло в частностях, либо принесет пользу лишь дурным людям, либо сам под влиянием среды станет порочным²¹.

Томас Мор прямо показывает источник всех зол в государстве: «Где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те содержатся отнюдь недостаточно, остальные же решительно бедствуют».

Томас Мор ясно видел и неоднократно отмечал в «Утопии» деление общества на две части: богатых, живущих в роскоши и не только не приносящих обществу никакой пользы, но и вредящих ему, и простых людей, занятых повседневным трудом, без которого ни одно общество не просуществует и года; Мор пишет, что по сравнению с жизнью этих людей положение скота представляется более предпочтительным.

Мор понимал, что пока остается частная собственность, деление общества на богатых и бедных неизбежно. «Каково бы ни было имущественное изобилие, — пишет он, — все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою, оставляют прочим одну нужду». Пока существует частная собст-

¹⁹ Эразм Роттердамский Ук. соч., стр. 36—37. Исходя из этой «теории приспособления», Эразм впоследствии порицал поведение Мора, приведшее его на плаху.

²⁰ «Утопия», стр. 91—92, 94—95.

²¹ Эразм Роттердамский в ряде писем восхвалял блестяще написанное произведение Т. Мора. Но когда один из его друзей почему-то заподозрил, что первая книга «Утопии» написана Эразмом, последний в большой тревоге писал Мору: «Я не хочу, чтобы это подозрение, при всей его крайней нелепости, прокралось бы далее.» («Утопия», стр. 228).

венность, «у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное время скорбей»²².

Общество, где существует частная собственность, не заслуживает названия «общества» (в оригинале «*reipublicae*», т. е. «дела народного»), ибо здесь каждый «в силу необходимости должен предпочитать собственные интересы интересам народа, потому что в противном случае он, как бы общество ни процветало, все равно умрет с голоду, если не позаботится о себе лично»²³. Что касается правителя государства, которое основано на частной собственности, то Мор уподобляет его «сторожу не королевства, а тюрьмы». В письме к Эразму Роттердамскому Мор писал, что он не смеет надеяться, чтобы «Утопия» была одобрена лицами, занимающими высшие должности в их государствах; ведь в Утопии не будет подчиненных и подданных, как теперешние цари называют народ, — то есть хуже, чем рабов²⁴.

Большое место уделено в «Утопии» критике политики монархов и современного ему законодательства.

Закон для Мора — выражение справедливости, а справедливость — «крепчайший нерв государства». Справедливость — общая для всех добродетель, она одинакова и для государей, и для народа; Мор резко отрицательно отзываясь о тех, кто считает, что добродетель, присущая простому народу, не обязательна для царей²⁵. Где же критерий справедливости? Вслед за стоиками Мор определяет добродетель как «жизнь, согласную с законами природы»²⁶. Соответственно законы природы, а также в некоторых случаях заповеди священного писания используются Мором для оценки действующего права.

Давая оценку действующему праву, Мор исходит из моральных критериев. Понятие справедливости он конкретизирует как выражение интересов большинства народа, трудящихся, угнетенных и эксплуатируемых имущими классами.

Современное ему право Англии он называет ухищрениями богачей, пекущихся о своей выгоде. Единственно справедливыми законами Мор называет законы Утопии; все другие народы не знают справедливости. «Да провалиться мне, — пишет Мор, — если я найду у них какой-нибудь след справедливости и беспристрастия!»

Справедливости нет там, где есть частная собственность, обуславливающая господство богатых; дела не меняет и то, что свой корыстный интерес богачи выражают в законе, лицемерно прикрывая его личиной «справедливости». Мор пишет:

²² «Утопия», стр. 97

²³ Там же, стр. 215—216, 290, прим. 213.

²⁴ Там же, стр. 89, 225—226

²⁵ Там же, стр. 178—180.

²⁶ Там же, стр. 148

«...Из поденной платы бедняков богачи ежедневно урывают кое-что не только личными обманами, но также и на основании государственных законов. Таким образом, если раньше представлялось несправедливым отплачивать черной неблагодарностью за усердную службу на пользу общества, то они извратили это так, что сделали справедливостью путем обновления особых законов».

Мор подчеркивает, что современные ему законы лишь считаются, но не являются выражением воли народа: богачи постановляют выгодные им законы «от имени государства, значит также и от имени бедных».

Стержнем законодательства Мор считает законы о собственности; там, где существует частная собственность, богачи с помощью государства и законов стремятся, во-первых, сохранить свою собственность, во-вторых, приумножить ее за счет эксплуатации бедняков²⁷.

Для этого, указывает Мор, требуется очень обширное и сложное законодательство; но и оно не обеспечивает достижения порядка: «...каждый день издаются там многочисленные законы, но они бессильны обеспечить достижение, или охрану, или отграничение от других того, что каждый, в свою очередь, именует своей собственностью, а это легко доказывают бесконечные и постоянно возникающие, а с другой стороны — никогда не оканчивающиеся процессы»²⁸.

Сверх того, существование частной собственности и денег порождает преступления, «...которые подвергаются ежедневной каре, но не обузданию, а именно: обманы, кражи, грабежи, ссоры, восстания, споры, мятежи, убийства, предательства, отравления»²⁹.

Много внимания Мор уделяет критике уголовного законодательства и правосудия современной ему Англии. Он возмущается «суровым правосудием, которое применялось в то время по отношению к ворами; их.. вешали иногда по двадцати на одной виселице».

Несмотря на жестокость «кровавого законодательства», оно не достигает цели, ибо само общество порождает воров и бродяг. Мор вскрывает социальные причины преступности в современной ему Англии и других странах Европы. При существующем общественном строе неизбежно имеются люди, перед которыми стоит «жесточайшая необходимость сперва воровать, а потом погибать»³⁰. Не считая солдат, которые возвращаются калеками с войн, в обществе много людей, которые либо не умеют, либо не могут найти себе пропитания. Аристократы выбрасывают на улицу больных слуг либо рас-

²⁷ «Утопия», стр. 218—219

²⁸ Там же, стр. 96

²⁹ Там же, стр. 219

³⁰ Там же стр. 57—58

считывают всех, не имея средств их прокормить. Не умея трудиться, дворовые становятся ворами и разбойниками. В Франции, пишет Мор, подлинной язвой являются наемные солдаты, разоряющие поля и города.

Что касается Англии, то специфическая для нее причина преступности — огораживание.

Томас Мор дал непревзойденную критику огораживания и кровавого законодательства периода первоначального накопления капитала. На крылатые слова «овцы пожрали людей» ссылался К. Маркс в «Капитале», где приводится обширная цитата из «Утопии»³¹. «Ваши овцы, — пишет Мор, — обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Ненасытная алчность знатных аристократов и аббатов, праздная и роскошная жизнь которых не приносит никакой пользы обществу, а пожалуй, даже и вредит ему, побуждает их обращать в пастбища возделанные земли. С гневом пишет Мор как «всего один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров...», выбрасывая вон арендаторов с их семьями. «...Что им остается другое, как не воровать и попадать на виселицу по заслугам или скитаться и нищенствовать? Впрочем, и тут, как бродяги, они попадают в тюрьму за свое праздное хождение, — никто ведь не нанимает их труд, хотя они самым пламенным образом предлагают его»³².

Мор настойчиво подчеркивает, что воровство и бродяжничество неизбежны при существующих общественных отношениях; многочисленные законы, издаваемые против воров и бродяг, ничего не достигнут, пока само общество порождает преступления.

Вскрывая социальные причины преступлений, Мор одновременно доказывает несправедливость и нецелесообразность применения смертной казни за кражи. «Такое наказание воров, — пишет Мор, — заходит за границы справедливости и вредно для блага государства. Оно слишком ужасно для кары за воровство и все же недостаточно для его обуздания».

Смертная казнь не достигает цели уже потому, что «ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удерживать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание».

Мор порицает бессмысленную жестокость кровавого законодательства. «...Простая кража не такой огромный проступок,

чтобы за него рубить голову... Совершенно несправедливо отнимать жизнь у человека за отнятие денег».

Требую соразмерности преступления и наказания, Мор критикует теорию, согласно которой «наказание есть возмездие не за деньги, а за попрание справедливости, за нарушение законов...»³³.

Такое высшее право с полным основанием можно назвать высшей несправедливостью (*summum ius—summa iniuria*); Мор отвергает также положения стоиков, признающих «все прегрешения до такой степени равными, что, по их мнению, нет никакой разницы между убийством человека и кражей у него гроша...»³⁴. Между кражей и убийством, рассматриваемыми сколько-нибудь беспристрастно, нет никакого сходства и родства; соответственно должны различаться и наказания за эти преступления.

Вывод о недопустимости применения смертной казни за кражу Мор пытается подкрепить также ссылкой на заповедь «не убий» (одна из редких ссылок на священное писание в «Утопии»). Ход его рассуждений таков: если допустить, что право человеческое может делать исключения из божьей заповеди, запрещающей лишать человека жизни, то не будет препятствий для разрешения разврата, предлюбодеяния, клятвпреступления и вообще от соглашения людей будет зависеть исполнение предписаний бога.

Чувствуя, очевидно, неубедительность этих рассуждений (сам Мор не возражал против применения смертной казни за убийство: смертная казнь за отдельные преступления существовала и в Утопии), Мор ссылается на законодательство Ветхого завета, которое, при всей его суровости, карало воровство не смертью, а штрафом; христианский закон, как закон милосердия, не должен отягощать ветхозаветных наказаний³⁵. Эта ссылка на священное писание, отнюдь не характерная для автора «Утопии», является лишь свидетельством того, насколько жестокие репрессии возмущали Мора, побуждая его использовать для осуждения кровавого законодательства все возможные аргументы.

Наряду со ссылками на «справедливость» и «заповеди божии» Мор выдвигает и весьма интересные, чисто практические соображения против применения смертной казни за кражу. Нелепо и даже губительно для государства карать одинаково вора и убийцу, ибо «если разбойник видит, что при осуждении только за кражу ему грозит не меньшая опасность,

³³ «Утопия», стр. 58, 68.

³⁴ Там же, стр. 69 «Все грехи равны между собой, все преступления нечестивы, — писал Цицерон, — одинаково виновен тот, кто без нужды задушил петуха, как и тот, кто задушил отца» (там же, стр. 270, прим. 483)

³⁵ Там же, стр. 69—70.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 746, прим. 221а; стр. 731, прим. 193.

³² «Утопия», стр. 62—64

как за уличение еще и в убийстве, то этот один расчет побуждает его к убийству того, кого при других обстоятельствах собирался только ограбить. Действительно, в случае опасности для него несколько не увеличивается, а при убийстве она даже уменьшается, так как с уничтожением доказательств преступления можно иметь большую надежду скрыться. Поэтому, стремясь чересчур сильно устроить воров, мы подстрекаем их к уничтожению хороших людей»³⁶.

Обличение кровавого законодательства неразрывно связано с осуждением строя, основанного на частной собственности. В пороках законодательства виноваты в конечном счете те же богачи, пекущиеся о своем имуществе.

«Вышвырните эти губительные язвы, — пишет Мор, — становите, чтобы разрушители ферм и деревень или восстали новилы их или уступили желающим восстановить и строить. Обуздайте скупки, производимые богачами, их своевольные переходящее как бы в их монополию. Кормите меньше дармов. Верните земледелие, возобновите обработку шерсти, да станет она почетным делом! Пусть с пользой занимается эта праздная толпа: те, кого до сих пор бедность сделала ворами, или те, кто является теперь бродягами, либо празными слугами, то есть в обоих случаях будущие воры. Если вы не уврачуете этих бедствий, то напрасно станете хвастаться вашим испытанным в наказаниях воровства правосудием, скорее с виду внушительным, чем справедливым полезным»³⁷.

Мор остро критикует также обширность и запутанность современного ему законодательства. Автор «Утопии» одним из первых показал, что форма права, соответствующая интересам трудящихся, должна быть предельно проста. После Мора требование простоты законодательства становится традиционным для социалистической литературы.

Утопийцы, пишет Мор, «особенно не одобряют другие народы за то, что им представляются недостаточными бесчисленные томы законов и толкователей на них.

Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими законами, численность которых превосходит возможность их прочтения или темнота — доступность понимания для всякого».

Критикуя английскую систему права, Мор подчеркивает, что запутанность законодательства ударяет прежде всего по простому народу: «.. для него безразлично — или вовсе не издавать закона, или издавать его в таком изложении, что до смысла его никто не может добраться иначе, как при помощи большого ума и продолжительных рассуждений».

³⁶ «Утопия», стр. 70.
³⁷ Там же, стр. 66—67

При этом Мор отмечает, что уже сами условия жизни простого народа, его приниженное положение не дают возможности разобраться в сложном законодательстве, истолковать его запутанные положения: «...да ему и жизни на это не хватит, так как она занята у него добыванием пропитания».

В результате запутанность законодательства используется адвокатами, хитроумно ведущими дела и лукаво толкующими законы; в проигрыше оказываются простодушные люди. Бедствие усугубляется тем, что в судах процветают пристрастие и корыстолюбие, которые «нарушают всякую справедливость, этот крепчайший нерв государства»³⁸.

Запутанность законодательства используется королями и для того, чтобы через посредство верных им судей изыскивать в процессах шель, «через которую могла бы проскользнуть какая-нибудь кляуза», это дает повод для решения дел в пользу короля.

Используется и такой прием, как запрет, под угрозой больших штрафов, чего-либо, идущего вразрез с выгодами народа, а затем продажа по дорогой цене привилегий лицам, для которых соответствующее занятие выгодно (такие манипуляции проводились в Англии с продажей соли).

Разоблачая антинародный характер современного ему государства и права, описывая бедственное положение трудящихся, Мор излагает в «Утопии» проект реформ, которые могли бы до известной степени облегчить положение народа.

«Например, — пишет Мор, — можно установить следующее: никто не должен иметь земельной собственности выше известного предела; сумма денежного имущества каждого может быть ограничена законами; могут быть изданы известные законы, запрещающие королю чрезмерно проявлять свою власть, а народу быть излишне своевольным; можно запретить приобретать должности подкупом или продажей; прохождение этих должностей не должно сопровождаться издержками, так как это представляет удобный случай к тому, чтобы потом наверстать эти деньги путем обманов и грабежей, и возникает необходимость назначать на эти должности людей богатых, тогда как люди умные выполнили бы эти обязанности гораздо лучше». Но тут же Мор уподобляет эти меры «постоянным припаркам, которые подкрепляют тело безнадежного больного», и указывает, что они даже были бы вредны, ибо «заботясь об исцелении одной части общественного организма, растравляют раны в других частях»³⁹.

Мор настойчиво подчеркивает, что только установление общности имущества и всеобщей обязательности труда спо-

³⁸ «Утопия», стр. 176—178
³⁹ Там же, стр. 97—98

можно исцелить болезни общественного организма. Создание коммунистического строя по образцу Утопии приводит, мысли Мора, к коренному преобразованию государства и права. Политические и правовые учреждения Утопии, связанные с общественной собственностью, основываются совершенно иных принципах, чем государство и право Англии.

*

Описанию политического строя Утопии Томас Мор уделяет большое внимание. Он излагает новые принципы государства и права, связанные с его концепцией утопического социализма.

Функции государства Утопии, основанного на общности имущества и всеобщей обязательности труда, весьма широки: оно руководит развитием народного хозяйства, процессом труда, воспитанием граждан, осуществляет охрану общественного и государственного строя.

Все должностные лица Утопии выборны и ответственны перед народом. Высшие должностные лица избираются из числа ученых, занятых исключительно изучением наук для блага общества.

Учреждения и законы каждого из пятидесяти четырех родов Утопии совершенно одинаковы.

В городе шесть тысяч семейств; во главе семейства стоит старейший из родственников. Каждые тридцать семейств избирают ежегодно должностное лицо, именуемое «филархом» (сифогрантом); во главе десяти филархов стоит «протофиларх» (транибор).

Все филархи (сифогранты) города, числом двести, избирают князя из четырех кандидатов, предложенных народом. Должность князя несменяема в течение всей его жизни, если этому не помешает обвинение в тирании. Другие должностные лица избираются на один год; но траниборы, избираемые ежегодно, не меняются зря; это можно объяснить тем, что траниборы, как и князь, избираются из немногочисленного сословия ученых⁴⁰.

Выборы всех должностных лиц осуществляются тайным голосованием «во избежание пристрастия». «Кто путем прокуров добивается получить какую-либо должность, лишается надежды на достижение всех»⁴¹.

Из траниборов (протофилархов) города образуется городской сенат; раз в три дня, в случае надобности и чаще, сенат совещается с князем. На заседаниях сената присутствуют два сифогранта (филарха), каждый день разные (это связано, по-видимому, с опасением, что князь траниборы могут вступить в заговор против народной свободы).

Имеется собрание сифогрантов. Оно избирает князя, составляет список ученых, освобожденных от физического труда. Любое дело, представляющее значительную важность, докладывается собранию сифогрантов, которые сообщают его семействам своего отдела, а затем совещаются между собой и свое решение сообщают сенату.

Ежегодно собирается общеутопийский сенат, состоящий из представителей всех областей. В него посылаются по три старых и опытных гражданина от каждого города. Сенат заседает в Амауроте, находящемся в центре страны; Амаурот, как место пребывания общеутопийского сената, считается столицей Утопии. Этот сенат обсуждает общие дела острова; к числу таких дел относится перераспределение продуктов, которые в одной местности имеются в большом количестве, в другом — в недостаточном.

Общеутопийский сенат специально собирается и для приема иностранных посольств, прибывших в Утопию с какой-либо важной целью⁴².

Ряд вопросов решается народными собраниями. Таковы, помимо избрания должностных лиц, утверждение списка ученых, смягчение или прекращение рабства для исправившихся преступников и др. «Иногда, — пишет Мор, — дело переносится на собрание всего острова»⁴³.

Одним из должностных лиц является князь (princeps). Надо отметить, что вопрос о князе в литературе, посвященной «Утопии» Томаса Мора, освещается не всегда правильно. Общепраспорным является представление, что в Утопии князь, управляющий совместно с сенатом. В связи с этим высказывается мнение, что «Утопия — это своеобразная ограниченная монархия, во главе которой находится избираемый народом и зависимый от него властитель»⁴⁴.

С этим мнением нельзя согласиться уже потому, что государственный строй Утопии никак не может считаться монархическим; известно, что В. И. Ленин определял республику как «отсутствие какой-либо невыборной власти...»⁴⁵.

⁴² «Утопия», стр. 109, 112, 136—137, 141.

⁴³ Там же, стр. 123, 174, 117.

⁴⁴ С. Б. Кан. История социалистических идей. М., «Высшая школа», 1963, стр. 22.

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 442.

⁴⁰ «Утопия», стр. 116, 123

⁴¹ Там же, стр. 206, 175

Сам Томас Мор называл Утопию истинной республикой (respublica)⁴⁶. Он писал, что с величием правителя утопийцев «не сравнится никакой царской власти»⁴⁷.

Князь утопийцев — это, по сути дела, избираемый пожизненно президент с весьма ограниченными полномочиями.

К тому же вряд ли может считаться обоснованным мнение, что в Утопии — один-единственный князь, стоящий во главе государства. По ряду мест сочинения Томаса Мора можно полагать, что князь, о котором идет речь в этом сочинении, рассматривается как глава каждого города Утопии⁴⁸ в Утопии, таким образом, не один, а 54 князя, а утопийское государство представляет собой своеобразную федерацию государств-городов, возглавляемую общеутопийским сенатом.

В обоснование такого представления можно сослаться прежде всего на порядок избрания князя, изложенный в «Утопии». Князя избирают «все сифогранты, числом двести». Учитывая, что сифогрант стоит во главе тридцати семейств а в каждом городе Утопии помимо его округа — шесть тысяч семейств⁴⁹, очевидно, что князь избирается сифогрантами одного города. Поскольку Томас Мор оговаривает, что учреждения и законы всех пятидесяти четырех городов Утопии совершенно одинаковы, естествен вывод, что князь избирается и имеется в каждом из этих городов. Правда, Томас Мор описывает здесь учреждения столичного города Утопии; но он тут же отмечает, что все города одинаковы, а Амаурот отличается от других только как «местопребывание сената». По сенатом же здесь разумеется не городской сенат, а именно общеутопийский сенат, составляемый из представителей всех городов, которые собираются в Амауроте потому, что «находясь в центре страны, он по своему расположению удобен для представителей всех областей»⁵⁰.

Этот вывод можно подкрепить и тем, что вряд ли Томас Мор, неоднократно подчеркивающий демократизм учреждений Утопии, полагал возможным избрание общеутопийского князя только населением столицы, а не населением всего острова. Ведь Мор специально оговаривает, что для решения вопросов, касающихся всей Утопии, собирается общеутопийский сенат, а также собрание всего острова (см выше)

Сомнительно также, чтобы другие города, кроме Амаурота, не имели собственных князей. Как, в таком случае, строится управление ими? Томас Мор указывает, что трианборы, составляющие городской сенат, раз в три дня, а по надобности и чаще, ходят на совещания с князем⁵¹. Здесь, очевидно, речь идет о трианборах (сенате) и князе Амаурота, ибо трианборы других городов не могут так часто встречаться с амауротским князем, как же, спрашивается, проходят заседания сенатов других городов, если там нет своих князей?

Наконец, если допустить, что в Утопии — один князь, нельзя объяснить ряд частных деталей жизни утопийцев. Жители Утопии с разрешения должностных лиц путешествуют по стране, имея письмо (грамоту) от князя⁵². Поскольку такие путешествия совершаются часто, а население Утопии довольно многочисленно⁵³, трудно представить, чтобы каждый желающий путешествовать должен был запрашивать письмо от князя из столицы, а князь должен был бы в каждом отдельном случае составлять грамоту для жителя любого города, желающего путешествовать.

Изложенное показывает, что нет достаточных оснований утверждать, что в Утопии существует один князь, правитель острова; Томас Мор мыслил себе Утопию как союз 54 городов, составляющих «как бы одно семейство»⁵⁴. В каждом из этих городов имеются свой князь и сенат, стоящие во главе управления.

Права князя не очень обширны. Мора более беспокоит вопрос об исключении возможности превращения власти князя в тираническую, чем вопрос о содержании этой власти. Говоря о несменяемости князя, Томас Мор тут же оговаривает, что помехой этому может стать «подозрение в стремлении к тирании». Для того «чтобы нелегко было переменить государственный строй путем заговора князя с трианборами и угнетения народа тиранией», запрещено принимать решения по общественным делам помимо сената и народного собрания. В целях предупреждения такого заговора каждое важное дело через собрание сифогрантов сообщается народу; кроме того, двое сифогрантов, всякий день разные, присутствуют на заседаниях сената.

Князь и сенат осуществляют правосудие; они рассматри-

⁴⁶ См латинское название книги Мора, см также «Утопия», стр 215 290, прим 213

⁴⁷ «Утопия», стр 227

⁴⁸ Как отмечают переводчики и издатели «Утопии», Томас Мор употреблял термин «civitas» как для обозначения государства, общества граждан, так и для обозначения отдельного города Утопии («Утопия», стр 277, прим 112)

⁴⁹ Там же, стр 116, 127

⁵⁰ Там же, стр. 109, 112.

⁵¹ «Утопия», стр 116

⁵² Там же, стр 135

⁵³ В Утопии 54 города, в каждом городе (помимо его округа) 6000 семейств, семья включает в себя от 10 до 16 взрослых. Подсчет показывает, что население городов Утопии, не считая сельских областей, составляет от 3 до 5 с лишним миллионов взрослых.

⁵⁴ «Утопия», стр 137 Федерацией городов называет государство Утопии и В. П. Волгин (см там же, стр 16)

вают частные споры, которых, оговаривает Мор, в Утопии, «чрезвычайно мало». При рассмотрении дел о расторжении брака сенаторы заседают совместно с женами. Князю принадлежит право помилования исправившихся преступников.

По всей видимости, князь столицы (Амаурота) выполняет некоторые, только ему присущие, почетные функции, к которым относится, в частности, представительство в международных отношениях. В письме к Эразму Роттердамскому Томас Мор шутливо замечает: «...мне до такой степени все время представляется, что мои утопийцы назначили меня своим несменяемым правителем, что уже теперь я вижу себя шествующим в их почетной диадеме из пшеницы, облеченным во францисканскую рясу, держащим пред собою скипетр из пучка хлебных колосьев, окруженным блистательной свитой амауротов; и в такой торжественной процессии я встречаю полков и правителей других народов...»⁵⁵.

Должностные лица (сифогранты) имеют право не заниматься физическим трудом; тем не менее, пишет Мор, они работают вместе со всеми, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд⁵⁶.

Основной заботой должностных лиц является руководство общественным производством и воспитание граждан. «Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом...» (при этом Томас Мор подчеркивает, что утопийцы трудятся только по шесть часов в день). Должностные лица определяют, какие из ремесел, если в этом возникает нужда у государства, должны заниматься утопийцы, знающий несколько ремесел. Сенаторы поручают определенным лицам изучать для государственных нужд какой-либо язык или искусство. Государственные органы освобождают от физического труда ученых (и число, пишет Томас Мор, не превышает 500 в целом городе и прилегающим к нему округом)⁵⁷. Филархи деревенских семейств, работающих в сельской местности, в случае необходимости (уборка урожая) сообщают городским властям, сколько работников нужно прислать им на подмогу; благодаря этому сельскохозяйственные работы заканчиваются в срок.

Хозяйство Утопии — плановое и регулируемое государством хозяйство; утопийцы определяют (и делают это весьма точно), сколько хлеба потребляет город и прилегающий к нему округ; они делают запасы для помощи соседям, на случай неурожая и для внешней торговли.

Обязанностью должностных лиц является также воспитание граждан. Сифогранты и священники наставляют граждан в правилах добродетели.

Томас Мор подчеркивает демократизм учреждений утопийцев: «Между собой они живут дружно, так как ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно. Должный почет им утопийцы оказывают добровольно, и его не приходится требовать насильно»⁵⁸.

Утопийцы пользуются весьма широкой свободой.

«Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам». Когда оказывается возможным, государство сокращает и без того короткий (шестичасовой) рабочий день, чтобы обеспечить всем гражданам наибольшее количество времени для образования. Досуг утопийцы используют по своему усмотрению — занимаются науками, разумными развлечениями (азартные игры в Утопии неизвестны; имеются игры, подобные шахматам и шашкам)⁵⁹.

В Утопии существует самая широкая веротерпимость. Там много сект и религий. Запрещено лишь возбуждать религиозный фанатизм, осуждать верования других: «...среди древнейших законов утопийцев имеется такой, что никому его религия не ставится в вину».

Однако атеистам не доверяют никакой должности и запрещают выступать перед народом с защитой своих взглядов. Мор обосновывает это тем, что человек, не верящий в посмертное воздаяние за пороки и добродетели, не должен считаться гражданином, ибо не боится ничего, кроме законов, которые при случае обходит хитростью или силой. «Но его, — пишет Мор, — не подвергают никакому наказанию в силу убеждения, что никто не волен над своими чувствами»⁶⁰.

Всюду, где можно, утопийцы стремятся обойтись без мер, ограничивающих свободу граждан. Есть общественные больницы, но «никого не посылают туда насильно». Имеются общественные столовые, но можно приносить пищу на дом: «...хотя никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во

⁵⁸ «Утопия», стр. 175

⁵⁹ Там же, стр. 126, 119—120

⁶⁰ Там же, стр. 199, 201 «Такое отношение Мора к атеизму — результат ложной идеи о несовместимости морали с атеизмом. В разной форме эту идею разделяли все передовые мыслители XVI—XVII вв. Лишь в самом конце XVII в. французский просветитель Пьер Бейль высказает смелую идею о совместимости безупречно морального поведения с атеизмом» (В. В. Соколов. Очерки философии эпохи Возрождения. М., «Высшая школа», 1962, стр. 151).

⁵⁵ «Утопия», стр. 226—227

⁵⁶ Там же, стр. 123.

⁵⁷ Там же

дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обширная» Государство имеет несметные сокровища (на случай войны) и, боясь развращающего воздействия драгоценности на граждан, делает из золота и серебра ночные горшки и цепи для рабов, драгоценные камни используются как детские игрушки

В случае необходимости утопийцы ведут войны, но в армию набирают лишь добровольцев (всеобщая воинская обязанность вводится только при вторжении врага на территорию Утопии)⁶¹

Не стесняя без особой надобности свободу граждан, государство Утопии широко использует меры поощрения лиц совершающих полезные для общества действия. В Утопии окружены всеобщим почетом граждане, добровольно исполняющие особо трудные или грязные работы. Государством поощряются лица, использующие досуг для совершенствования в каком-либо ремесле. Лица, оказавшие важные услуги государству, окружаются почетом, им воздвигают на площади статуи для побуждения других к добродетели⁶²

В целом демократизм учреждений Утопии включает самую широкую, для XVI в просто поразительную (например, в отношении свободы совести) свободу граждан. Нельзя поэтому назвать иначе, как клеветническими, домыслы современных буржуазных авторов о «казарменном, террористическом, корпоративном» характере идеального государства Томаса Мора, домыслы, сочетающиеся с выпадами против социалистических стран (хотя при этом социалистическая природа самой Утопии нередко отрицается теми же буржуазными авторами)⁶³.

* * *

Весьма интересно решает Мор вопрос о праве в Утопии «Законов у них очень мало, — пишет Мор, — да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих»⁶⁴

Подчеркивая немногочисленность законов в Утопии, Томас Мор опирается на представление, что причиной большого количества законов у ряда народов является несовершенство учреждений, это представление существовало еще до Мора,

⁶¹ «Утопия», стр 130—131, 139, 189—190

⁶² Там же, стр 120, 175, 204—205

⁶³ См И Н Осиповский Томас Мор в английской историографии XX в «Средние века», вып XXI М—Л, Изд во АН СССР стр 263—264

⁶⁴ «Утопия», стр 96, 176

придерживались его и современники Мора⁶⁵ Но Мор впервые связал чрезмерную сложность и обширность законодательства с существованием частной собственности, показал, что именно она, порождая споры и преступления, вызывает необходимость в громоздком законодательстве, которое при всем этом не обеспечивает порядка в обществе

Законов в Утопии мало именно потому, что здесь нет частной собственности, поэтому споры между утопийцами редки, преступления немногочисленны и для борьбы с ними не требуется развращенной системы уголовного законодательства

Обширному и запутанному законодательству современных ему государств Мор противопоставляет простое и несложное законодательство утопийцев « У утопийцев законоведом является всякий, — пишет он — Ведь, как я сказал, у них законов очень мало, и, кроме того, они признают всякий закон тем более справедливым, чем проще его толкование По словам утопийцев, все законы издаются только ради того, чтобы напомнить каждому об его обязанности Поэтому более тонкое толкование закона вразумляет весьма немногих, ибо немногие могут постигнуть это, между тем более простой и доступный смысл законов открыт для всех»

Поэтому утопийцы «решительно отвергают всех адвокатов, хитроумно ведущих дела и лукаво толкующих законы»⁶⁶. Каждый сам излагает дело перед судьей, так проще добиться истины

Споры между гражданами, а также вопрос о наказании преступников решает сенат

Законы, определяющие преступность деяний, немногочисленны Преступлением является путешествие без грамоты князя, лицо, повинное в этом, возвращают в свой город, как беглого, и жестоко наказывают, вторичное совершение этого проступка карается рабством Рабством, а при рецидиве смертью, карается прелюбодеяние⁶⁷ Смертью или рабством карается разжигание религиозного фанатизма, возбуждение смуты в народе, насилия и оскорбления инаковерующих, это — древнейший закон Утопии Впрочем, виновные в этом преступлении могут быть осуждены к изгнанию⁶⁸

Лицо, добывающееся получить путем происков какую-либо должность, лишается права на занятие государственных должностей вообще⁶⁹

⁶⁵ Тацит писал «В наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов» (Летопись III 27) «Утопия», стр 287 прим 183

⁶⁶ «К чему знание законов при отсутствии дурных нравов, от которых, — в том нет сомнения, — родились хорошие законы?» (Эразм Роттердамский Ук соч, стр 42)

⁶⁷ «Утопия», стр 176—177

⁶⁸ Там же, стр 135, 172—173

⁶⁹ Там же, стр 198—199

⁶⁹ Там же, стр 175

«За прочие преступления, — пишет Мор, — никакой закон не устанавливает никакого определенного наказания, но за всякий ужасный и злодейский проступок кару назначает сенат». При этом сенат руководствуется правилами общественной нравственности, которая требует публичного наказания за преступление (позорное деяние). Попытку совершить преступление утопийцы карают, как самое преступление⁷⁰.

Таким образом, в Утопии, хотя и существуют законы, определяющие наказуемость преступных деяний, нет развернутой системы уголовноправовых норм⁷¹. Объясняется это тем, что в Утопии отсутствуют социальные корни преступлений, порождаемых частной собственностью; преступления очень редки и нет надобности в обширном уголовном законодательстве. Новые социальные учреждения обусловили столь высокий нравственный уровень населения Утопии, что любому утопийцу ясна преступность деяния, позорного с точки зрения общества. Поэтому сенат может назначать наказания, руководствуясь не законом, а нравственными принципами, ясными каждому члену общества.

Наконец, говоря об уголовном праве Утопии, Мор исходил из присущего ему взгляда, что следует «правильным наставлением подданных скорее предупреждать злодеяния, чем давать им усиливаться с целью потом карать их»⁷².

Предупреждению злодеяний служит прежде всего сам строй Утопии.

Сверх того, большое внимание уделяется правильному наставлению граждан. «Мужья наставляют на путь жен, родители — детей...». Большую роль в воспитании и наставлении граждан играют священники. Это — особо добродетельные люди, избранные тайным голосованием. Они являются «так сказать, блюстителями нравов», заботятся о том, чтобы еще с ранних лет в умы граждан запали мысли «добрые и полезные для сохранения государства».

«Увещание и внушение лежат на обязанности священников, а исправление и наказание преступных принадлежит князю и другим чиновникам». Того, кто ведет недостаточно нравственную жизнь, священники вызывают к себе или делают ему выговор; это считается большим позором. Безнадежно испорченных священники отлучают от участия в богослужении; и если эти лица «не поспешат доказать священникам свое раскаяние, то подвергаются аресту и несут от сената кару за свое нечестие»⁷³.

⁷⁰ «Утопия», стр. 173—174.

⁷¹ Это правильно отмечает И. Е. Фарбер (См. И. Е. Фарбер. Утописты-социалисты XVI—XVII вв. о праве. «Уч. зап. Саратовского юридич. ин-та им. Д. И. Курского», 1957, вып. V, стр. 114).

⁷² «Утопия», стр. 90.

⁷³ Там же, стр. 206—207.

Как отмечалось, в качестве наказания за наиболее тяжкие преступления в Утопии применяется рабство.

В литературе существование рабства в Утопии часто объясняется неумением Мора решать проблему «грязных работ» (убой скота и другие)⁷⁴. На наш взгляд, генезис идеи Мора о необходимости рабства несколько иной, хотя проблема «грязных работ», несомненно, сыграла в этом известную роль.

Обосновывая применение рабства за наиболее тяжкие преступления, Мор пишет: «По мнению утопийцев, оно является достаточно суровым для преступников и более выгодным для государства, чем спешить убить виновных и немедленно устранить их. Труд этих лиц приносит более пользы, чем их казнь, а с другой стороны, пример их отпугивает на более продолжительное время других от совершения подобного позорного деяния».

Рабство — более полезная для государства и более гуманная мера наказания, чем смертная казнь — такова основная мысль Мора. Рабство, о котором идет речь в «Утопии», — это совсем не то рабство, которое было известно античному миру, а нечто вроде исправительных работ — оно не пожизненно, так как князь или народ могут смягчить или прекратить рабство раскаявшихся и исправившихся преступников⁷⁵, а не наследственно⁷⁶.

Нельзя не заметить, и это главное, что рассуждения Мора о рабах в Утопии логически продолжают и завершают его мысли об уголовном законодательстве современной ему Англии (см. выше). Высказываясь против применения смертной казни за кражу, Мор противопоставлял суровому законодательству Англии законодательство «народа полилеритов», живущего «где-то в Персии». Полилериты не казнят воров, а присуждают их к общественным работам; осужденные называются рабами, они обязаны постоянно трудиться по указанию властей. Принимаются меры, предупреждающие их бегство, бунт, уклонение от труда. Терпеливым рабам возвращается свобода по мере их исправления.

Мор пишет, что законы полилеритов «человечны и удобны. Гнев проявляется настолько, чтобы уничтожить пороки; но люди остаются в целостности и встречают такое обхождение, что им необходимо стать хорошими и в остальную часть жизни

⁷⁴ См. С. Б. Кан. История социалистических идей, стр. 21; И. Е. Фарбер. Утописты-социалисты XVI—XVII вв. о праве, стр. 110.

⁷⁵ «Утопия», стр. 173—174.

⁷⁶ Там же, стр. 167. Правильно отмечает прогрессивный английский историк А. Л. Мортон, что в «Утопии» рабы «не образуют отдельного класса, во всяком случае, это не более, чем каторжники в современном обществе» (А. Л. Мортон. Английская утопия. М., ИЛ, 1956, стр. 70).

искупить все то количество вреда, какое они причинили раньше».

Мор предлагал предпринять попытку ввести в Англии аналогичное законодательство. Его рассуждения о рабстве в Утопии являются логическим завершением этих мыслей, происхождение которых отнюдь не связано с проблемой «грязных работ» (ведь осуждение преступников на принудительные работы впредь до исправления вовсе не обусловлено существованием указанной проблемы!)⁷⁷.

Вполне справедливо поэтому английский прогрессивный историк А. Л. Мортон первой причиной существования рабства в Утопии называет стремление Томаса Мора решить проблему преступности, заменить распространенную в его время смертную казнь более гуманной и полезной для общества мерой наказания⁷⁸.

Однако, развивая далее эту тему, Томас Мор видит в рабстве не только способ исправления преступников, но и средство решения проблемы «грязных работ». Если уж в Утопии появились рабы, почему бы не возложить на них исполнение тех работ, которые неприятны для утопийцев? А коль скоро преступления в Утопии редки, необходимы еще какие-то источники рабства.

В результате рабами становятся не только утопийцы, совершившие тяжкие преступления. В рабство обращают военнопленных, взятых утопийцами в бою, а также осужденных на казнь преступников, добытых в других странах. Людей этого сорта, подчеркивает Мор, гораздо больше (этим он еще раз дает понять, что преступления в Утопии редки). Тем более тяжела ответственность утопийцев, осужденных за позорные преступления; обращение с ними «более сурово на том основании, что они усугубили свою вину и заслужили худшее наказание, так как прекрасное воспитание отлично подготовило их к добродетели, а они все же не могли удержаться от злодеяния»⁷⁹.

Рабы-преступники постоянно заняты работой; эта работа скорее «грязна», чем тяжела. Так, например, они заняты охотой, убоем и свеживанием скота, делом позорным и отвратительным, поскольку оно противоречит милосердию. Использование труда рабов избавляет утопийцев от этих «грязных работ» и помогает укоренить всеобщее отвращение к жесто-

⁷⁷ «Утопия», стр. 71, 74, 75—76. Этого не заметил Карл Каутский; существование «рабства» в Утопии он выводил исключительно из проблемы «грязных отвратительных работ». См. К. Каутский. Томас Мор и его Утопия. М., 1924, стр. 243.

⁷⁸ См. А. Л. Мортон Ук. соч., стр. 69—70. Аналогичный взгляд в советской литературе еще в 20-х годах высказывал М. Н. Гернет. См. А. Гернет. От Томаса Мора до У.К. М., 1928, стр. 19—22.

⁷⁹ «Утопия», стр. 168.

кости. Рабы-преступники в «Утопии» Мора несут и ту «полезную нагрузку», что помогают воспитывать у жителей острова презрение к драгоценным металлам: они, и только они, носят массивные золотые цепи и обручи как знак позорного рабства⁸⁰.

От рабов-преступников отличны «рабы», которые, вообще говоря, не имеют ничего общего с институтом рабства, — это бедняки, приглашенные из других стран; с ними обращаются, как с гражданами, «за исключением того, что налагают несколько больше работы, так как те к ней привыкли»⁸¹. В любое время такие «рабы» могут покинуть Утопию, увозя с собой щедрое вознаграждение.

Существуют и лица из среды самих утопийцев, которые добровольно выполняют тяжелые и грязные работы. «Чем более несут они рабский труд, тем больший почет получают от остальных»⁸². Вводя в Утопии категорию «добровольных рабов-аскетов» и окружая их почетом, Мор стремится парализовать тот моральный урон, который мог проистечь из взгляда на тяжелый труд, как на «рабское дело».

«Рабство» в Утопии, таким образом, существует в различных видах: это, во-первых, мера наказания тяжких преступников, заменяющая смертную казнь (именно эта категория рабства связана с лишением свободы и ношением знаков позора — золотых цепей). Во-вторых, способ использования труда бедняков, приехавших из других стран (эта категория «рабов» ничем не отличается по образу жизни от полноправных граждан Утопии, кроме несколько более продолжительного труда). В-третьих, наконец, «иго рабства» добровольно возлагают на себя некоторые утопийцы, желающие послужить обществу (такая категория «рабов» окружена особым почетом). Ни одна из этих категорий не является рабством в собственном смысле слова, второй и третий вид из перечисленных вообще не заслуживают этого названия. Первый же вид рабства можно трактовать в основном как меру наказания, заменяющую смертную казнь; учреждение этой меры обусловлено главным образом гуманизмом автора «Утопии», его отрицательным отношением к смертной казни и попыткой обосновать целесообразность применения принудительного труда в целях общего предупреждения преступле-

⁸⁰ «Утопия», стр. 129, 155—156. Надев на осужденных преступников золотые цепи в знак позора, Мор блестяще осуществил замысел его друга Эразма Роттердамского «сделать предметом посмеяния» знаки достоинства царей и вельмож (см. Эразм Роттердамский. Ук. соч., стр. 85—86).

⁸¹ Там же, стр. 168.

⁸² Там же, стр. 205. Очевидна необоснованность утверждения С. Б. Кана, будто, по мысли Томаса Мора, никто добровольно не согласился бы выполнять неприятные работы (см. С. Б. Кан. История социалистических идей, стр. 21).

ний, перевоспитания и исправления осужденных, использования их труда в интересах общества⁸³.

Поэтому совершенно необоснованны утверждения некоторых исследователей, что «Мор как типичный гуманист из среды высших классов XVI в. просто не верит, что без рабства части трудящихся можно обойтись»⁸⁴. Рабство вовсе не является основой общественного строя Утопии; оно, как было показано, вовсе не аналогично античному рабству. К тому же проблема «грязных работ» в Утопии решается не только рабами, но и окруженными всеобщим уважением добровольцами из среды утопийцев, исполняющими эти работы.

* *
*

Значительный интерес представляют взгляды Мора на отношения между народами.

Утопийцы охотно общаются с другими странами. Они продают в большом количестве излишки имеющихся у них продуктов; причем седьмую часть вывозимых товаров дарят немущим жителям стран, ведущих торговлю. Товары они обычно вывозят сами, так как желают ближе узнать окружающие их народы и не забыть опыта и навыка в мореплавании. Утопийцы благосклонно принимают и иностранцев, посещающих их страну.

Утопийцы не вступают ни с одним народом в договоры, считая, что природа сама по себе достаточно связывает человека с человеком. Отрицательное отношение утопийцев к международным договорам Мор объясняет тем, что «в тех странах (т. е. в южном полушарии, где находится Утопия. — *О. Л.*) договоры и соглашения государей соблюдаются не особенно добросовестно». Вот в Европе, иронически замечает Мор, договоры святы и нерушимы, что объясняется справедливостью и добротой государей, а также уважением и страхом перед папами.

Тут же под видом критики порядков, существующих в южном полушарии, Мор бичует вероломство внешней политики современных ему правителей. Они находят каверзы в словах договора, хитро его перетолковывают, изыскивают лазейки для увертки от договора и от верности. Мор как будто забывает, что, описывая вероломство «государей южного по-

лушария», он по сути дела воспроизводит то, что говорится в первой части «Утопии» о политике монархов Западной Европы.

Описывая ухищрения советников монархов, изыскивающих лазейки для нарушения договоров, Мор замечает: «А окажись такое лукавство, или скорее обман и коварство, в соглашении частных лиц, то эти же самые лица стали бы весьма высокомерно кричать, что это — святотатство и заслуживает виселицы»⁸⁵.

Здесь Мор предвосхищает требование, выдвинутое Марксом и Энгельсом в «Учредительном манифесте» Международного товарищества рабочих (I Интернационала), «чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»⁸⁶. Это требование, как известно, воспроизводится и в Программе КПСС, где говорится: «Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами»⁸⁷.

Весьма показательным, что уже первый представитель утолического социализма дал решение вопроса о принципах отношений между народами, диаметрально противоположное идеям его современника, идеолога итальянской буржуазии Макиавелли (1469—1527). В знаменитом «Князе» Макиавелли писал, что «разумный правитель не может и не должен быть верным данному слову, когда такая честность обращается против него и не существует больше причин, побудивших его дать обещание». Заверяя, что князь всегда может изыскать «законные причины, чтобы скрасить нарушение обещания», Макиавелли считал необходимым для князя «уметь вступить на путь зла, если это необходимо»⁸⁸. Эти рассуждения Макиавелли в то время в какой-то мере объяснялись необходимостью объединения Италии, борьбы против многочисленных феодальных правителей отдельных частей страны. Но впоследствии буржуазные политики возвели в принцип вероломство, оправдывая нарушение договоров «соображениями государственной необходимости», утверждая, что в политике «цель оправдывает средства ее достижения».

⁸³ Правильно отмечает В. П. Волгин, что утопийские «рабы» — это по существу люди, приговоренные к принудительным работам, что утопийское «рабство» Томас Мор противопоставляет жестокости судебных приговоров современной ему Англии («Утопия», стр. 21).

⁸⁴ С. Б. Кан. История социалистических идей, стр. 21. См. также В. А. Новиков. Утопический социализм в Западной Европе. М., Изд-во ВПШ, 1961, стр. 6.

⁸⁵ «Утопия», стр. 81, 178, 179.

⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 11.

⁸⁷ «Программа КПСС». М., «Правда», 1961, стр. 119.

⁸⁸ Никколо Макиавелли. Соч., т. I, М.—Л., «Academia», 1934, стр. 286—289.

Не зная сочинений Макиавелли, Мор тем не менее полемизирует с основной идеей этих сочинений. Мор писал, что постоянное нарушение правителями договоров, прикрытое различными лукавыми ухищрениями, может означать, что «или вся справедливость представляется только презренной и низменной, сидящей далеко ниже высокого трона царей или существуют по крайней мере две справедливости: одна из них приличествует простому народу, ходящая пешком и ползающая по земле, спутанная отовсюду многими оковами, чтобы она нигде не могла перескочить ограды; другая — добродетель государей; она — величественнее предшествующей народной, а вместе с тем и значительно свободнее ее, поэтому ей все позволено, кроме того, что ей не угодно»⁸⁹.

Отрицательное отношение утопийцев к договорам объясняется и тем, что по укоренившейся привычке народы часто причиняют друг другу вред, если между ними не заключен соответствующий договор, либо в существующем договоре имеются пробелы; поэтому лучше полагаться не на договор, а на узы природы; «и лучше и сильнее взаимно объединять людей расположением, а не договорными соглашениями сердцем, а не словами».

В целом отрицательное отношение Мора к договорам (высказанное довольно осторожно) вытекало как из того, что государства, не связанные договорами, часто относились одно к другому враждебно, так и из вероломного отношения монархов к договорам; Мор полагал, что обеспечение мира достигается прежде всего не договорами, а укреплением дружеских связей между народами. Впрочем, отрицательное отношение утопийцев к договорам вовсе не препятствует им заключать в случае необходимости соглашения и соблюдать их. «Заключенное с врагами перемирие они соблюдают свято, так что не нарушают его даже и тогда, когда их к тому вынуждают»⁹⁰.

Весьма радикально для своего времени Мор решал проблему отношения к населению осваиваемых земель. Современник великих географических открытий, когда проникновение европейцев в страны Азии и Нового Света сопровождалось агрессивными войнами, массовым уничтожением туземцев, порабощением коренного населения открытых стран, Мор защищал принципы гуманизма и равноправия в отношениях между европейцами и туземцами. Уже в начале «Утопии» Рафаил Гитлодей повествует, как он и его спутники, оставленные Америго Веспуччи в Бразилии, «начали мало-помалу, путем встреч и ласкового обхождения, приобретать себе расположение жителей той страны. В результате они не только

жили среди них в безопасности, но чувствовали себя с ними по-приятельски...»⁹¹.

Вполне человеческое отношение к туземцам, населявшим полуостров Абракса (затем — остров Утопия), проявил основатель Утопии; проводя работы, необходимые для основания нового государства, Утоп позаботился о том, чтобы эти работы не считались позорными; для этого он привлек к ним не только местных жителей, но и своих солдат. В конце концов Утоп довел грубый и дикий народ до высочайшей степени культуры и образованности.

Сами утопийцы свои отношения с окружающими странами строят на началах дружбы и равноправия. Многих своих соседей они освободили от тирании. Этим народам по их просьбе утопийцы дают на время должностных лиц, помогающих в управлении. Народы, получающие должностных лиц в Утопии, утопийцы называют союзниками, прочих, облагодетельствованных ими соседями они называют друзьями.

В случае необходимости утопийцы устраивают свои колонии (поселения) на ближайшем материке (речь идет о Юго-Восточной Азии). У туземцев, имеющих излишек земли, свободной от обработки, утопийцы испрашивают согласия на заселение этих земель. В случае согласия утопийцы-колонисты легко сливаются с туземным населением, приучая его жить по законам и обычаям Утопии; это служит к благу того и другого народа.

При отказе, пишет Мор, утопийцы отгоняют туземцев от избранных ими пределов, а в случае сопротивления — начинают войну.

Это на первый взгляд весьма странное рассуждение Мора имеет веские причины. Мор пишет здесь отнюдь не о завоевании населенной территории с целью порабощения туземного населения, что было обычным явлением в его эпоху; речь идет об освоении пустующих земель, никем вообще не используемых: «Утопийцы признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея попусту и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам, отказывает все же в пользовании и обладании ею другим, которые по закону природы должны питаться от нее»⁹². В этом, несомненно, отразилось отвращение Мора к такому порядку вещей, когда земля, являющаяся общей сокровищницей, пустует, и в то же время имеются люди, не находящие себе ни работы, ни пропитания. Картины такого рода Мор наблюдал в Англии в период «огораживания», по поводу которого он писал, что аристократы «обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли,

⁸⁹ «Утопия», стр. 179—180

⁹⁰ Там же, стр. 180, 194.

⁹¹ «Утопия», стр. 49.

⁹² Там же, стр. 128.

как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами дичи и зверинцами»⁹³.

К войнам Мор относится резко отрицательно. Агрессивной политике абсолютных монархов, помышляющих в основном о завоеваниях и военной славе, он противопоставляет миролюбие утопийцев. «Утопийцы сильно гнушаются войною как деянием поистине зверским; ...вопреки обычаю почти всех народов, они ничего не считают в такой степени бесславным, как славу, добытую войной». Они воюют «только в тех случаях, когда защищают свои пределы или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей, или сожалеют какой-либо народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана и от рабства; это делают они по человеколюбию»⁹⁴.

Во время военных действий они не опустошают вражеской страны, не сжигают посевов, не грабят городов, не обижают мирное население; бегущих врагов они охотнее берут в плен, чем убивают.

Вместе с тем утопийцы считают почетным победить врага искусством и хитростью. Они обещают огромные награды тому, кто погубит вражеского государя и второстепенных виновников войны, разжигают в стане врага междоусобия, побуждая брата государя или кого-нибудь из вельмож к захвату власти, натравливают на врагов их соседей.

Оправдание этих приемов войны весьма своеобразно. Утопийцы «называют такой образ действий и человечным, и милосердным. Действительно, смерть немногих виновных искупает жизнь многих невинных, обреченных на смерть в сражении, как из среды самих утопийцев, так и их врагов. Массу простого народа утопийцы жалеют почти не меньше, чем своих граждан. Они знают, что эти люди идут на войну не по своей воле, а гонимые безумием государей»⁹⁵.

Таким образом, так называемое «коварство» утопийцев состоит в том, что они начинают войну прежде всего против правителей, действительно виновных в войне; видя противоположность интересов правящих и управляемых в современных ему государствах, Мор считал гуманным и справедливым уничтожение антинародных правительств в целях пресечения войны и сохранения жизни простых людей.

* * *

Взгляды Мора на пути ликвидации частной собственности и создание нового строя темны и неопределенны.

⁹³ «Утопия», стр. 63.

⁹⁴ Там же, стр. 181.

⁹⁵ Там же, стр. 186.

Томас Мор не теряет надежды на то, что обычаи и учреждения утопийцев будут восприняты другими странами; но это, как он пишет, произойдет нескоро: «И как они сразу после одной встречи усвоили себе все то, что нами было хорошо придумано, так, думаю, пройдет много времени, прежде чем мы узнаем какое-либо из их учреждений, превосходящее наши. Причиной этого, полагаю, служит одно то, что, хотя мы не стоим ниже их ни по уму, ни по средствам, все же их государство имеет более разумный по сравнению с нами способ правления и процветает среди большого счастья»⁹⁶.

Среди препятствий, мешающих введению строя общности, Мор, следуя в известном смысле многим гуманистам, называет консерватизм мышления, приверженность людей к обычаям предков. В связи с этим в «Утопии» ведется полемика с мнением, согласно которому опытом человечества уже создано все, необходимое для удобств жизни, что нельзя окантоваться умнее предков⁹⁷.

Но более важное, главное препятствие на пути строя общности Мор усматривает все же в другом: «Мне и в голову не приходит сомневаться, что весь мир легко и давно уже принял бы законы утопийского государства... Но этому противится одно чудовище, царь и отец всякой гибели, — гордость. Она меряет благополучие не своими удачами, а чужими неудачами»⁹⁸.

Чтобы это было яснее, пишет Мор, представим себе бесплодный и неурожайный год, когда много тысяч людей погибло от голода. В конце этого бедствия, если порастрасти житницы богачей, можно найти там огромное количество хлеба, достаточное для прокормления голодавших. Что произошло? Деньги одни только и загородили дорогу к пропитанию неимущих. И сами богачи, пишет Мор, чувствуют это; они отлично знают, что лучше ни в чем не нуждаться и избавиться от многочисленных бедствий, чем иметь в изобилии много лишнего. Но гордость меряет свое благополучие не своими удачами, а чужими неудачами; богатство доставляет удовольствие его владельцу именно потому, что дает возможность властвовать и издеваться над несчастными, противопоставлять свое счастье их бедствиям, терзать и разжигать их недостаток. У других живых существ, пишет Мор, жадность и хищность возникают из боязни нужды, у человека же «от гордости, вменяющей себе в достоинство превзойти прочих излишним хвастовством своим имуществом». «Эта адская змея, — пишет Мор, — пресмыкается в сердцах людей и, как рыба подлипало, задерживает и замедляет избрание ими

⁹⁶ «Утопия», стр. 100—101.

⁹⁷ Там же, стр. 56, 99.

⁹⁸ Там же, стр. 220.

пути к лучшей жизни... Она слишком глубоко внедрилась в людей, чтобы ее легко можно было вырвать...»⁹⁹.

На первый взгляд Мор бичует «гордость» лишь как общепорок «человеческой природы». На деле его критика обращена только против частной собственности и богатых. Именно они препятствуют введению строя общности и поддерживают порядки, порождающие их собственную «гордость».

«Гордость» вовсе не является общечеловеческим пороком. Она совершенно чужда утопийцам¹⁰⁰. Почему? Потому что, полагает Мор, характер и склонности человека определяются учреждениями, обычаями, воспитанием, свойственными его стране.

В известной мере Морю присуща переоценка действительного значения законов и политических учреждений в истории человечества. Он пишет, что «заблуждения» городов, народов, племен и царств исправляются с помощью законов, благоденствие и гибель государств зависят от характера должностных лиц, правильные воззрения утопийцев внушены им образованием и прекрасным государственным строем¹⁰¹ и т. д. С другой стороны, характер законов и государственного строя ставится им в зависимость от «нравов» и «мыслей» людей; Мор пишет, что государственный строй «распадается только от пороков, возникающих от превратных мыслей», что государственный строй Утопии прочен и вечен именно потому, что в Утопии истреблены вместе с прочими пороками корни честолюбия и раздора, и поэтому утопийцы не страдают от внутренних раздоров, «исключительно от которых погибли многие города с их прекрасно защищенными богатствами»¹⁰².

Вместе с тем Мор приближается к истине, рассматривая собственность как основу политических учреждений, законов и обычаев. Красной нитью через все сочинение Мора проходит мысль, что все дело — в отношениях собственности.

Где существует частная собственность, там в силу необходимости человек должен предпочитать собственные интересы интересам народа¹⁰³. Мор указывает, что частная собственность неизбежно порождает неравенство имуществ, деление общества на богатей и неимущих; отсюда же проистекают и пороки политических учреждений попадающих в руки богатей.

Говоря в ряде мест «Утопии» о всеилии законов, Мор в то же время неоднократно и настойчиво подчеркивает, что при частной собственности бесчисленные законы бессильны

искоренить преступность, бродяжничество, утвердить общественный порядок. Тут же Мор говорит, что отдельные реформы при сохранении частной собственности не могут устранить существующих пороков строя, что только коренная ломка, утверждение общности имуществ может привести к благодетельному результату.

Каким образом может быть достигнута общность имуществ? Мор этого не знал. Он, как показано выше, в принципе отрицал возможность проведения нужных для этого реформ «мудрым государем». Не рассчитывал Мор и на возможность революционного перехода от частнособственнического строя к строю общности. Правда, в «Утопии» Мор сочувственно говорил о «благородном духе восстания», присущем угнетенным, одобрял поведение подданных, изгоняющих неугодных им правителей¹⁰⁴. Одной из причин справедливых войн утопийцев может служить, как отмечено выше, просьба народа, угнетенного тиранией, свергнуть ненавистное иго. Но на революционные движения угнетенных масс Мор все же не полагался и относился к ним с недоверием¹⁰⁵.

Историей, по мысли Мора, движут ум и случай. Ум должен показать, каков должен быть строй, наиболее разумный и соответствующий благу людей. Здесь, полагал Мор, особенно полезно знакомство с теми правильными и мудрыми мероприятиями, которые существуют где-либо у народов, живущих в гражданском благоустройстве; таким образом для подражания и являются обычай и учреждения утопийцев, описанные в сочинении Мора¹⁰⁶.

По мысли Томаса Мора, замена частной собственности собственностью общественной возможна на любой стадии истории человечества. Необходимости материально-технических предпосылок этой замены Мор не понимал. Достаточно, полагал он, привлечь всех членов общества к полезному труду и упразднить вредные и не необходимые профессии, и общество сможет удовлетворить насущные потребности каждого в пище и одежде. Нужно только рационально организовать труд и распределение; способ же такой организации должен быть придуман, открыт разумом.

Случай же, как полагает Мор, необходим для претворения в жизнь открытий, сделанных разумом. В сочинении Мора

¹⁰⁴ «Утопия», стр. 88, 84.

¹⁰⁵ Одной из причин отрицательного отношения Мора к Реформации в последующие годы было и его осуждение Крестьянской войны в Германии. См. И. Н. Осинковский Томас Мор и реформация Генриха VIII (к вопросу о противоречиях идеологических взглядов Т Мора) «Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XIV вв», изд МГПИ им В. И. Ленина, М, 1960, стр. 84 и сл.

¹⁰⁶ «Утопия», стр. 51—52

⁹⁹ «Утопия», стр. 129, 220—221.

¹⁰⁰ Там же, стр. 129.

¹⁰¹ Там же, стр. 52, 177, 191.

¹⁰² Там же, стр. 207, 221.

¹⁰³ Там же, стр. 216.

случай выступает в виде Утопа, создавшего 1760 лет назад новое государство, воспитавшего Утопийцев, составившего план их городов, учредившего основные законы Утопии. Единственно созданное, государство утопийцев сохранится вечно, ибо ему не страшны ни внутренние потрясения, ни нападения других государств¹⁰⁷. Так же, как Мору остались неясны экономические основы социализма и коммунизма, так неведомы были ему и классовые силы, способные осуществить его идеал. Отсюда — надежда на «случай» в виде того самого «философа на троне», возможность появления которого Мор подвергал сомнению в первой части своего сочинения.

¹⁰⁷ «Утопия», стр. 108—109, 115, 199—200, 221.

ГОСУДАРСТВО СОЛНЦА ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛЫ

Значительную роль в развитии идей утопического социализма сыграли произведения Томмазо Кампанеллы (1568—1639) — доминиканского монаха, заключенного в тюрьму за участие в подготовке восстания в Калабрии, находившейся под испанским игом. В тюрьме, где Кампанелла провел более 25 лет, он пишет, в числе других произведений, «Город Солнца» (издано в 1623 г.) и «О наилучшем государстве» (издано в 1637 г.).

Выражая смутные мечты угнетенных масс о лучшем, справедливом строе, Кампанелла описывает сказочный Город Солнца, находящийся на острове Тадробада на экваторе (разумеется Цейлон или Суматра). Взгляды Кампанеллы на наилучший общественный строй во многом близки взглядам Томаса Мора. «Полное отсутствие частной собственности, всеобщий обязательный труд, признаваемый делом почетным, общественная организация производства и распределения, трудовое воспитание граждан — таков основной комплекс социальных идей Кампанеллы»¹.

«Город Солнца» посвящен в основном описанию идеального строя; его философское обоснование и критика возможных возражений дается в трактате «О наилучшем государстве»².

Перу Кампанеллы принадлежат и другие произведения; в них обосновываются порой противоречивые политические идеалы (мысль о всемирной монархии во главе с папой рим-

¹ В. П. Волгин. Коммунистическая утопия Кампанеллы. В кн.: Кампанелла. Город Солнца. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 9.

² Русский перевод частей трактата, наиболее важных для понимания «Города Солнца», опубликован в приложении в издании: Кампанелла. Город Солнца. М., Изд-во АН СССР, 1954 (в дальнейшем обозначается «О наилучшем государстве»).

ским, об усилении испанской монархии и т. д.). Но слава Кампанелле принесли лишь сочинения, вошедшие в историю утопического социализма. «Из всего написанного Кампанеллой, — пишет В. П. Волгин, — сохранил свое значение на долгие годы лишь «Город Солнца» — небольшая книга, в которой он изложил свои взгляды на справедливое устройство человеческого общества»³.

В отличие от Мора, пользовавшегося в основном моральной и чисто практической аргументацией при обосновании преимуществ коммунистического строя, Кампанелла часто охотно ссылается на предшествующие «авторитеты». Таковы Платон, раннехристианские авторы и другие.

По мнению ряда исследователей, взгляды Кампанеллы на организацию управления Города Солнца испытали особенно сильное влияние идей Платона⁴. Однако сопоставление взглядов Платона и Кампанеллы не дает достаточных оснований для такого мнения и во всяком случае исключает вывод, будто Кампанелла в этой части «прямо повторял рассуждения древнегреческого философа-идеалиста Платона — автора первой реакционной утопии»⁵. Разумеется, влияние отдельных идей Платона на утопию Кампанеллы в целом вообще не может отрицаться; ссылки на Платона встречаются в сочинении Кампанеллы неоднократно⁶, что можно объяснить стремлением всех ранних авторов систем утопического социализма подкрепить свои новые идеи ссылками на признанные авторитеты⁷.

Но сверх этого можно заметить и более глубинное сходство идей Кампанеллы и Платона, не исключаяющее принципиальной противоположности этих идей. Это сходство относится к взгляду на общество как на единое целое, части которого неразрывно связаны между собой общественным разделением труда⁸.

³ В. П. Волгин. Ук. соч., стр. 9.

⁴ См. там же, стр. 10—11.

⁵ С. Б. Кан. История социалистических идей. М., «Высшая школа» 1963, стр. 28.

⁶ См. Кампанелла. Город Солнца, стр. 38, 62, 63, 64, 106 (в дальнейшем обозначается «Город Солнца»).

⁷ Важно отметить, что первоначальный итальянский текст, написанный Кампанеллой в 1602 г., до латинского перевода «Города Солнца» обходился без ссылок на церковные авторитеты (см. Н. Е. Застенкер, С. Б. Кан, Я. А. Левицкий, Ф. В. Пютемкин, В. И. Рутенбург, Ю. М. Сапрыкин, С. Д. Сказкин. Предшественники научного социализма. «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 123).

⁸ К. Маркс, в целом отрицательно оценивая учение Платона, отмечает одновременно, что изображение разделения труда Платоном как естественной основы города (который у греков был тождествен с государством) для своего времени было гениальным (см. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 20, стр. 239).

Кампанелла является сторонником «органической теории общества». Жители Города Солнца — солжарии — «по своим взаимоотношениям... представляются совершенно как бы членами одного и того же тела». «Они считают, что в первую очередь надо заботиться о жизни целого, а затем уже его частей». В трактате «О наилучшем государстве» Кампанелла неоднократно уподобляет Город Солнца семейству пчел или журавлей, живущих единой семьей⁹. Отсюда же проистекает представление Кампанеллы о единстве человечества, которое в конце концов должно объединиться в новую монархию, основанную на принципах Города Солнца¹⁰.

Взгляд на общество, как на целостный организм, высказывал и Платон; однако конкретизация этого взгляда у Кампанеллы диаметрально противоположна. Идеолог рабовладельческой аристократии Платон мыслил осуществление «справедливости» как строгое разделение общественных функций между философами-правителями, воинами и трудящейся массой крестьян и ремесленников; проект «идеального государства» Платона имел целью укрепить и увековечить господство немногочисленной касты аристократов-рабовладельцев над трудящимися. «Поскольку в республике Платона, — писал К. Маркс, — разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя...»¹¹.

Совершенно иные цели ставил перед собой Кампанелла. Все солжарии равны; среди них нет какой-либо замкнутой касты «избранных». Кампанелла подчеркивает коренное отличие общественной организации Города Солнца, основанной на принципах всеобщей обязательности труда и равного отношения всех к общественной собственности, от той общественной организации, где часть общества живет за счет труда народных масс¹².

Коренная противоположность между взглядами Платона и Кампанеллы проявляется и в их отношении к основе общественного разделения труда.

Основным для Платона является разделение функций между правящими и подвластными; при этом производительный труд считается исключительно уделом низшей, управляемой касты крестьян и ремесленников, совершенно не принимающей участия в управлении. Иначе этот вопрос решается Кампанеллой. Для Кампанеллы проблема разделения труда — это проблема распределения членов общества в системе общественного производства соответственно их склонностям и

⁹ «О наилучшем государстве», стр. 150, 155 и др.

¹⁰ «Город Солнца», стр. 80, 109—110.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 23, стр. 379.

¹² «Город Солнца», стр. 61—62.

способностям, причем труд признается всеобщей обязанностью, а все члены общества в равной степени пользуются общественными богатствами и в той или иной форме принимают участие в управлении делами общества.

Кампанелла уделяет большое внимание проблеме воспитания всех членов общества в духе уважения к общественному труду, превращению его во всеобщую привычку и потребность. Этой цели подчинено воспитание подрастающего поколения в Городе Солнца. Кампанелла, как известно, одним из первых высказал мысль о необходимости соединения обучения с производительным трудом¹³, создания системы поощрения лиц, показавших выдающиеся успехи в той или иной отрасли общественного производства¹⁴. Той же цели по мнению Кампанеллы, должны служить, наконец, организация брака и меры, принимаемые для «улучшения человеческой природы»¹⁵.

В процессе обучения раскрываются таланты и склонности каждого. «Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, — каждый по указанию своего вождя или руководителя»¹⁶.

Все это, вместе взятое, должно, по мысли Кампанеллы, обеспечить такое положение вещей, когда способности каждого члена общества получают всемерное развитие и используются в интересах общества.

На этом принципе организовано и управление Городом Солнца.

Общественная власть в Городе Солнца неразрывно связана с осуществлением таких функций, как управление на-

¹³ «Город Солнца», стр. 41 и сл.

¹⁴ Мысль о почетности труда красной нитью проходит через всю книгу Кампанеллы. Знатнейшим и достойнейшим в Городе Солнца почитается тот, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет их применять с большим знанием дела («Город Солнца», стр. 42), любая работа является почетной (см. там же, стр. 60), наиболее почетны самые тяжелые ремесла (см. там же, стр. 75), лицо, достигшее главенства в каком-либо занятии, называется «царем» (см. там же, стр. 79), в книгу героев заносятся все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное (см. там же, стр. 97) и т. д.

¹⁵ Кампанелла, как известно, противник индивидуальной семьи. Здесь влияние идей Платона на взгляды Кампанеллы вполне очевидно. Впрочем, общность жен введена только в Городе Солнца, но не во всей области (см. там же, стр. 37, 63). Аргументация этой общности двояка. С одной стороны, Кампанелла усматривает в индивидуальной семье основу себялюбия, противоречащую вместе с частной собственностью любви к общине (см. там же, стр. 37). С другой стороны, более развернуто и обстоятельно обосновывается необходимость регулирования деторождения в целях «улучшения человеческой природы». Эта цель достигается тщательной регламентацией отношений между полями на основе научных (в понимании Кампанеллы) данных; улучшение же человеческой природы ведет к искоренению ряда пороков, таких, как тунеядство, леность и другие (см. там же, стр. 54—59).

¹⁶ «Город Солнца», стр. 42.

родным хозяйством и воспитание, развитие науки и искусства, оборона страны; осуществлению этих функций в интересах общества всецело подчинены принципы организации, образования и деятельности органов управления Города Солнца. Высказывая мысль, что поскольку у соляриев нет частной собственности «и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им»¹⁷, Кампанелла в известной мере предвосхищает идею неполитической общественной власти, посредством которой, как указывал Ф. Энгельс, будет осуществляться «управление вещами и руководство производственными процессами»¹⁸.

Кампанелла понимал, что руководство централизованным хозяйством, основанным на общественной собственности, требует новых форм организации общества. Эта организация должна решать значительно более широкий круг вопросов, чем государства, известные истории.

Кампанелла — сторонник централизованного воздействия на многие стороны общественной жизни, причем это воздействие должно осуществляться в интересах всего общества и основываться на достижениях науки. Поэтому большую роль в управлении Городом Солнца играют ученые и лица, сведущие в какой-либо отрасли знания. Они образуют строго централизованную иерархию должностных лиц.

Во главе города стоит верховный правитель Солнце (Метафизик), выносящий окончательное решение по всем вопросам и спорам. При нем состоят три соправителя: Пон (Мощь), Син (Мудрость) и Мор (Любовь), ведающие соответственно военными делами, науками и питанием, одеждой, деторождением, воспитанием. Им подчинены должностные лица, ведающие узкими специальностями (так, Мудрости подчинены Астролог, Экономист, Политик, Перспективист, Поэт, Живописец, Скульптор, Астроном, Геометр, Арифметик и др.; Любви подчинены Агроном, Скотовод, Воспитатель и др.). Имеются начальники отрядов (десятники, полусотники и сотники), главные мастера (старшие начальники своего мастерства). Существуют и такие должности, как Великодушие, Мужество, Щедрость, Правосудие — уголовное и гражданское, Усердие, Правдолюбие, Веселость, Бодрость и т. д. (по числу добродетелей).

Должностные лица отвечают за воспитание подрастающего поколения, определяют таланты и склонности каждого, руководят осуществлением работ; они решают споры, возникающие между соляриями, следят за тем, чтобы никто не нанес обиды другому, наказывают нарушителей общественного порядка и поощряют достойных. Власть должностных

¹⁷ «Город Солнца», стр. 62.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 292.

лиц опирается на всеобщее уважение; достойно удивления, говорит Кампанелла, как солярии во всем подчиняются процессу работы своему «царю» («царем» называется лицо достигшее выдающихся успехов в каком-либо ремесле или занятии), «не проявляя при этом (подобно нам) никакого недовольства, ибо почитают его за отца или за старшего брата»¹⁹.

Внешние признаки достоинства должностного лица немногочисленны: это более пышный берет²⁰, а также большие и лучшие порции пищи; впрочем, из этих порций должностные лица уделяют часть наиболее отличившимся детям, что считается одной из величайших почестей (Кампанелла специально оговаривает, что в Городе Солнца, где всякий получает все, что ему нужно, пища представляет интерес лишь тогда, когда выдается в качестве почетной награды)²¹.

Регулярно собираются совещания должностных лиц; ряд вопросов решается коллегиально.

Солнце и трое главных правителей ежедневно совещаются о текущих делах. Каждый восьмой день собирается более широкое совещание (Солнце, три главных соправителя и по три помощника каждого соправителя); собираются и все начальники отрядов. Кроме того, Солнце ежедневно совещается с так называемыми «жрецами», посвятившими себя всецело богослужению и изучению наук на пользу соляриев²². Многие важные вопросы обсуждаются и решаются собранием всех соляриев (см. ниже).

Основой для избрания на ту или иную должность является пригодность лица для ее занятия; эта способность выявляется еще в школах, в период обучения.

Высшие должностные лица определяют, кто наиболее пригоден заведовать тем или иным мастерством и ведать ту или иную добродетель; по рекомендации должностных лиц и осуществляется избрание. «В нашем Государстве, — пишет Кампанелла о Городе Солнца, — должности доставляются, исходя из практических навыков и образованности, а не из благосклонности и родственных отношений, ибо мы свели на нет родственные связи. Каждый получает должность в той сфере, в которой он отличается своей добродетелью. И первые должностные лица не могут одних возвеличивать, а других унижать, так как они правят не по своему произволу, но руководствуясь природой, и предназначают для каждого пригодную должность»²³.

Особое внимание Кампанелла уделяет тем качествам, ко-

¹⁹ «Город Солнца», стр. 79.

²⁰ Там же, стр. 96.

²¹ Там же, стр. 49, 60.

²² Там же, стр. 86—87, 94—95.

²³ «О наилучшем государстве», стр. 157.

торыми должен обладать высший правитель Города. Солнце — всесторонне образованный человек, знакомый со всеми науками, искусствами, ремеслами; должность Солнца несменяема до тех пор, пока не найдется такого, кто окажется мудрее своего предшественника и способнее его к управлению. Несменяемы и три помощника Солнца, являющиеся не только специалистами в своей области знаний, но также философами, историками, политиками, физиками.

Отстаивая принцип назначения должностных лиц по способностям и знаниям, Кампанелла решительно осуждает тех, кто ставит «главами правительства людей невежественных, считая их пригодными для этого лишь потому, что они либо принадлежат к владетельному роду, либо избраны господствующей партией»²⁴.

Кампанелла вообще отрицательно относится как к наследованию должностей, так и к выборам и жребию, считая, что такой порядок назначения должностных лиц порождает честолюбие и приводит к замещению должностей неспособными и невежественными лицами²⁵. Главными качествами правителя должны быть мудрость, знание наук и искусств; тот, кто способен к познанию сути вещей, пригоден и к управлению²⁶.

Таким образом, иерархия должностных лиц, существующая в Городе Солнца — это иерархия знаний, способностей, опыта; она конструируется в целях наилучшего управления всеми областями жизни общества, рассматриваемого как единое целое, причем важнейшими функциями должностных лиц являются управление общественным производством и воспитание членов общества.

К сожалению, весьма интересные мысли автора «Города Солнца» о государстве не получили достаточно глубокого истолкования в литературе. Признавая несомненные заслуги Кампанеллы в развитии идей о коммунистическом обществе, многие авторы не считают передовыми его взгляды на будущее государство. Весьма распространены в литературе параллели между организацией управления Города Солнца и проектом кастового строя Платона (см. выше). Еще настойчивее высказывается мысль о сходстве государства Кампанеллы с иерархией католической церкви²⁷.

²⁴ «Город Солнца», стр. 44.

²⁵ «О наилучшем государстве», стр. 135, 155.

²⁶ «Город Солнца», стр. 44.

²⁷ «В конечном счете государство Кампанеллы — это теократия особого вида, в которой многое напоминает структуру монашеского ордена» (С. Б. Кан. Ук. соч., стр. 26). «Верховный правитель — метафизик и первосвященник — до известной степени напоминает папу римского» (В. В. Соколов. Очерки философии эпохи Возрождения. М., «Высшая школа», 1957, стр. 155; см. также «Краткий очерк истории философии». М., Соцэкгиз, 1960, стр. 144). См. также В. А. Новиков. Утопический социализм в Западной Европе. М., Изд-во ВПШ, 1961, стр. 6.

При описании Города Солнца Кампанелла в какой-то мере использовал те образцы, какие давали современные ему монашеские ордена. Но формальное сходство некоторых деталей жизни соляриев с монастырскими порядками не должно отвлекать внимание от качественно новых идей Кампанеллы об общественном и государственном строе будущего; равным образом, выяснению этих идей отнюдь не способствуют аналогии и параллели с взглядами Платона или с организацией католической церкви.

Известно, что К. Маркс относил Кампанеллу к числу первых мыслителей, которые «стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»²⁸. Кампанелла названа К. Марксом в ряду мыслителей, выступивших против теологического мировоззрения средних веков, причем мыслителей политических, совершивших такой же переворот во взглядах на государство, какой в астрономии был совершен Коперником, опрокинувшим библейскую космогонию²⁹.

Достаточно внимательное ознакомление с «Городом Солнца» Кампанеллы подтверждает эту мысль К. Маркса. Организация управления Городом Солнца не может быть названа ни «теократической» (ибо она всецело подчинена «земным» интересам), ни «церковно-иерархической».

Прямая аналогия этого управления с церковной организацией неуместна уже потому, что ни одна церковная иерархия не основывалась на отстаиваемых Кампанеллой принципах знания сути вещей, мастерства, совершенства добродетелей и т. д. Для любой церкви иерархия — нечто самодовлеющее средство подчинения верующих в интересах правящих кругов. Если при назначении на ту или иную церковную должность учитывалась какая-либо «мудрость», то именно против такого рода схоластической «мудрости» гневно выступал Кампанелла, утверждая, что для нее «потребна только рабская память и труд, от чего человек делается косным, ибо занимается изучением не самого предмета, а лишь книжных слов, и унижает душу, изучая мертвые знаки вещей...»³⁰.

Для Кампанеллы мудрость — знание живой жизни с ее потребностями. Иерархия должностных лиц, установленная в Городе Солнца, всецело вытекает из потребностей общественной жизни (как эти потребности понимал Кампанелла), организована в целях наилучшего управления делами общественного целого, а тем самым и удовлетворения потребностей каждого члена общества. Внешнее сходство иерархии должностных лиц Города Солнца и церковной иерархии чрез-

мерно отдаленно и формально для того, чтобы проводить здесь аналогии.

Некоторые основания для трактовки проекта Кампанеллы как «теократического» можно было бы усмотреть в том, что должностные лица Города Солнца одновременно являются священниками³¹, и, кроме того, Солнце постоянно совещается с 24 жрецами³². Но и эти основания недостаточны для такой трактовки.

При всей фантастичности некоторых рассуждений Кампанеллы (особенно относящихся к модной тогда астрологии), учитывая даже и религиозность самого автора «Города Солнца», нельзя не заметить в его сочинении светского, земного взгляда на религию.

Религия Города Солнца во многом подчинена земным потребностям. 24 жреца, с которыми постоянно совещается Солнце (из среды которых он большей частью и выходит), определяют дни посева, жатвы, сбора винограда, записывают замечательные события и занимаются научными изысканиями³³. Солнце рассуждает с ними о том, что они измыслили нового на благо Города и всех народов мира.

Большое значение, которое придает Кампанелла их советам, во многом объясняется его увлечением астрологией; он искренне считал астрологию точной наукой, изучение которой необходимо для блага людей³⁴. Жертвоприношения, совершаемые в Городе Солнца, сводятся к тому, что один из соляриев после соответствующего ритуала становится жрецом³⁵. Исповедь, регулярно совершаемая народом и должностными лицами, практически выглядит, как информация высших должностных лиц о недостатках государства, подлежащих устранению. Поучения, читаемые священниками, состоят из моральных назиданий, рассматриваются как одно из средств воспитания граждан и т. д.

В общем и целом религия в Городе Солнца подчинена земным интересам, а священническая (жреческая) организация, при всей мистичности отдельных рассуждений Кампанеллы, по сути дела, сливается с иерархией должностных лиц, основанной на принципах талантов, знаний и добродетелей.

Весьма большое значение придает Кампанелла народу в управлении Городом Солнца. Принцип назначения должностных лиц сообразно их способностям и знаниям сочетается

³¹ Кампанелла решает этот вопрос противоречиво, ибо в одном месте «Города Солнца» утверждается, что все должностные лица являются священниками (стр. 54), в другом — что священниками являются только высшие должностные лица (стр. 92).

³² «Город Солнца», стр. 94—95.

³³ Там же

³⁴ Там же, стр. 93—94.

³⁵ Там же, стр. 92—93.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 1, стр. 111.

²⁹ См. там же.

³⁰ «Город Солнца», стр. 44—45.

со значительной ролью народа в их избрании, контроле за деятельностью, смещении.

Все жители Города Солнца от 20 лет и старше образуют Большой Совет, собирающийся дважды в месяц (в новолуние и полнолуние).

На Совете каждый может высказать мнение о недочетах имеющихся в государстве, о том, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие — дурно. Правда Совет лишь обсуждает кандидатуры должностных лиц; однако, по воле народа сменяются все должностные лица, кроме четырех высших³⁶.

Такой порядок избрания и смены должностных лиц вытекает из основных принципов организации управления Городом Солнца. Никто, по мысли Кампанеллы, не может быть назначен на какую-либо должность, не имея соответствующих талантов и знаний; поэтому только должностные лица, «хорошо знающие, кто наиболее пригоден заведовать тем или иным мастерством и ведать ту или иную добродетель», имеют право предлагать Большому Совету соответствующую кандидатуру.

Кампанелла высказывается против обычного в те времена порядка, когда соискатель сам предлагал свою кандидатуру, в этом сказались, помимо изложенного, присущее еще Т. Морю (см. выше) опасение, что общественные должности могут быть захвачены честолюбцами.

На Большом Совете каждый высказывается за или против избрания определенного лица; само избрание осуществляется после того, как на Совете намечены кандидатуры корпорацией должностных лиц, включающей четырех главных правителей и руководителей соответственных наук и ремесел, а также начальников отрядов³⁷.

Такой порядок избрания должен обеспечить, по мнению Кампанеллы, назначение на все должности лиц, не только обладающих необходимыми качествами и познаниями, но и пользующихся доверием народа. «И мы подражаем природе, — пишет Кампанелла, — которая ставит начальниками наилучших, как это происходит у пчел, ибо если мы и прибегаем к избранию, однако оно согласно с природой, а не является произвольным: это означает, что мы избираем того, кто возвышается благодаря своим естественным и моральным добродетелям»³⁸.

Но если при назначении на те или иные должности роль Большого Совета ограничена, то смена должностных лиц осуществляется по воле народа.

Судя по всему, Кампанелла исходил здесь из мысли, что одним лишь познаний в той или иной области мало для того, чтобы должностное лицо успешно исполняло общественные функции. Необходимо доверие народа, которому принадлежит право критики и смены должностных лиц, хотя бы и обладающих специальными познаниями, но не стяжавших за время своего пребывания на том или ином посту популярности. Большой Совет при обсуждении кандидатур может также предупредить избрание лиц, не угодных народу.

Таким образом, принцип назначения на должности способных и знающих сочетается в Городе Солнца с началами довольно широкой демократии, которую никак нельзя признать, как это иногда делается, «формальной»³⁹. Правда, право смены должностных лиц не распространяется на четырех высших правителей, которые сами уступают свой пост мудрейшему; но это связано с представлением Кампанеллы, что человек, отличающийся высокой мудростью и добродетелью (а именно эти качества необходимы для назначения на высшие посты), никогда «не будет ни жестоким, ни преступником, ни тираном именно потому, что он столь мудр»⁴⁰.

Функции Большого Совета не сводятся только к контролю за должностными лицами. На Совете всем предлагается высказаться о том, какие есть в государстве недочеты⁴¹. Без обсуждения на Большом Совете не может быть решен вопрос об объявлении войны⁴². Отсюда видно, что народному собранию принадлежит решающий голос в решении ряда важных вопросов управления Городом Солнца⁴³.

Взгляды Кампанеллы на организацию управления новым обществом значительно отличаются от взглядов Мора. Автор «Утопии» в известной мере исходил из античных и современных ему образцов. В организации управления Утопией воспроизводятся некоторые черты республик Древней Греции, республиканского Рима, средневековых городских республик. Формой организации общества, основанного на коммунистических началах, Томас Мор считал соответствующим образом модифицированную «классическую республику». В рамках этой республики, по мысли Мора, должно осуществиться и выполнение новых общественных функций — управление производством, регулирование общественного потребления, просвещение и воспитание и другие.

³⁹ См. В. П. Волгин, Ук соч, стр. 11.

⁴⁰ «Город Солнца», стр. 44.

⁴¹ Там же, стр. 86.

⁴² Там же, стр. 67—68.

⁴³ Поэтому необоснованно утверждение, что простые граждане республики Кампанеллы, избрав должностных лиц, «передоверяют своим избранныкам все дела управления» (См. С. Б. Кан, Ук. соч., стр. 25)

³⁶ «Город Солнца», стр. 87.

³⁷ Там же, стр. 42, 86—87.

³⁸ «О наилучшем государстве», стр. 155

Организация управления Городом Солнца, как ее представлял Кампанелла, это нечто новое, не имеющее аналогов в истории. Переустройство общества на коммунистических началах, возникновение в связи с этим новых задач общественной власти потребуют, по мнению автора «Города Солнца», новых форм организации этой власти. Именно поэтому вопрос о системе управления Городом Кампанелла освещает прежде всего как вопрос о разграничении компетенции между должностными лицами, ведающими различными областями общественной жизни (военное дело, наука, воспитание, отрасли народного хозяйства).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Мореход, от лица которого ведется повествование, уклоняется от прямого ответа на вопрос, является ли Город Солнца республикой, монархией или аристократией⁴⁴, давая понять, что политический строй Города не подходит ни под одну из общепринятых классификаций (впрочем, Кампанелла считает этот строй скорее всего республиканским)⁴⁵. Наконец, говоря о порядке выбора должностных лиц, Кампанелла подчеркивает, что этот порядок не понятен для тех, кто не познакомился с образом жизни соляриев⁴⁶.

Вместе с тем Кампанелла, как и Томас Мор, понимает, что новые формы организации общества необходимо должны включать демократический элемент, участие народа в управлении, хотя, как показано выше, значение этого демократического элемента в Городе Солнца менее широко, чем в Утопии.

* *
*

Менее оригинальны и значительны взгляды Кампанеллы на право. Вслед за Томасом Мором Кампанелла высказывается за простоту законодательства и правосудия, доступность его для народа. «Законы их (соляриев. — О. Л.) немногочисленны, кратки и ясны»⁴⁷.

Текст законов вырезан на колоннах у дверей храма, где осуществляется правосудие. Лиц, занимающихся соответствующим мастерством, судят старшие начальники мастерства (главные мастера). Письменного судопроизводства не ведется, обвинение устно излагается перед судьей, который, заслушав свидетелей и ответчика, тут же решает дело. Приговор может быть обжалован перед тремя правителями; в этом случае оправдание или осуждение переносится на следующую

⁴⁴ «Город Солнца», стр. 36 и сл.

⁴⁵ Там же, стр. 35—36.

⁴⁶ Там же, стр. 40.

⁴⁷ Там же, стр. 91.

ший день. На третий день ответчик может быть помилован верховным правителем; в противном случае приговор вступает в законную силу.

Описывая судопроизводство Города Солнца, Кампанелла высказывал свое отрицательное отношение к инквизиционному процессу феодального государства. Процесс Города Солнца гласный, устный, быстрый; дело оперативно рассматривается и разрешается по существу. Пытка не применяется. Для уличения необходимо пять свидетелей; это правило вытекает из того, что солярии всегда ходят и работают отрядами. При меньшем числе свидетелей обвиняемый отпускается под присягой и с предостережением, но при повторном обвинении несет сугубое наказание. Не допускаются судебные поединки.

Осуждая ряд институтов феодального процесса, Кампанелла защищает некоторые прогрессивные принципы в области уголовного права. Он выдвигает требование соразмерности наказания и преступления: «Наказания воздаются по справедливости и соответственно проступку...». Впрочем, это требование еще представляется Кампанелле осуществлением ветхозаветного закона возмездия (око за око, нос за нос, зуб за зуб)⁴⁸.

Весьма интересны мысли Кампанеллы о причинах преступности.

Ликвидация частной собственности, а также преобразование брачно-семейных отношений в корне подрезает в Городе Солнца причины ряда преступлений: «...нельзя среди них встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы...»⁴⁹, — пишет Кампанелла.

Более развернута эта мысль в его трактате «О наилучшем государстве». Сам образ жизни в Городе Солнца «устраняет мятежи подданных, которые обычно вспыхивают вследствие произвола должностных лиц, их своеволия, либо вследствие бедности и чрезмерного унижения народа и пренебрежения к нему». Вместе с тем устраняются все пороки, которые порождаются двумя видами зла — богатством и бедностью: «Таковы клятвopеступления, низкопоклонство, ложь, воровство, неопрятность, проистекающие из бедности, разбой, надменность, гордость, похвальба, праздность и другие пороки, проистекающие из богатства»⁵⁰. Уничтожаются и такие пороки, как прелюбодеяние, распутство, убийство детей во чреве матери и другие.

В Городе Солнца нет места порокам, проистекающим из обладания собственностью, которое является причиной всех

⁴⁸ «Город Солнца», стр. 74, 88.

⁴⁹ Там же, стр. 40.

⁵⁰ «О наилучшем государстве», стр. 136.

зол. «К этим порокам относятся: скупость, ростовщичество, скряжничество, ненависть к ближнему, зависть по отношению к богатым и лучшим. Мы заменим их любовью к общине и истребим ненависть, которая порождается скупостью — корнем всех зол, и тяжбы, и обманы, и подделки завещаний и прочее»⁵¹.

Солярии, пишет Кампанелла, спорят друг с другом почти исключительно по вопросам чести; самым гнусным пороком они считают гордость, и надменные поступки подвергают жесточайшему презрению⁵². «...Они преследуют у себя не благодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, лень, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы»⁵³.

Смертная казнь (побитие камнями или самоожжение на костре из пороха) применяется за преступления против свободы государства, против бога, против высших властей, за бегство с поля боя, преступления против личности (по закону возмездия). Из других мер наказания применяются изгнание, бичевание, выговор, отстранение от общей трапезы, отлучение от церкви, запрещение общаться с женщинами. Лишение почетных преимуществ устанавливается на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка. Тюрем в Городе Солнца нет (кроме башни для заключения мятежных неприятелей).

Наказание смягчается или заменяется другим, менее строгим, для лиц, совершивших проступок во время ссоры (в пылу первого гнева), непредумышленно, добровольно повинившихся в своем поступке до того, как их обвинили, и т. д. «Прегрешения, совершенные по слабости или неведению, караются лишь выговорами и принудительными уроками воздержания или же изучением той науки или мастерства, к которым относилось прегрешение». Наказание рассматривается как средство искупления греха, проступка против общего блага; поэтому «обвинительные приговоры, — пишет Кампанелла, — являются истинными и верными лекарствами и воспринимаются скорее как нечто приятное, а не наказание»⁵⁴.

* * *

Вопрос о войне и мире Кампанелла освещает в духе учения Т. Мора. Он — противник агрессивных войн; в то же время признается правомерность справедливой войны.

⁵¹ «О наилучшем государстве», стр. 136—137.

⁵² «Город Солнца», стр. 60, 74

⁵³ Там же, стр. 40.

⁵⁴ Там же, стр. 90, 92.

На острове Тапробана, где находится Город Солнца, имеются еще четыре царства, население которых стремится жить по обычаям соляриев и предпочитает быть под их властью, чем под властью собственных царей. Завидуя благополучию соляриев, правители этих царств затевают агрессию против Города Солнца; нападают на соляриев также и другие государства.

Солярии отнюдь не являются сторонниками войн. «Сами они никому не причиняют насилия, но и по отношению к себе его не терпят и вступают в бой, только если на них нападают». Солярии вступают в войну по следующим причинам: если «они подвергаются насилию, оскорблению, разбоем или же когда угнетаются их союзники, или призывают их на помощь другие города, находящиеся под гнетом тирании...»; первоначально они требуют «возмещения за грабеж, или прекращения угнетения союзников, или низложения тирании».

Показательно, что к числу уважительных причин для войны Кампанелла вслед за Мором относит просьбу других городов помочь низложить тиранию; как и другие агрессоры, тиран рассматривается как «нарушитель естественного права и религии»⁵⁵.

Война, которую солярии ведут с большим искусством и мужеством, всегда кончается их победой. Солярии великодушны. Одержав победу, они оказывают своим врагам благодеяния, ибо «целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных».

«Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение. Города получают гарнизон и должностных лиц из соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца, общей их столицы, куда отправляют учиться своих детей, не входя для этого ни в какие расходы»⁵⁶.

* * *

О происхождении порядков, существующих в Городе Солнца, Кампанелла высказывается довольно туманно: «Народ этот появился из Индии, бежавши оттуда после поражения Монголами, разбойниками и насильниками, разорившими их родную страну, и решил вести философский образ жизни общиной»⁵⁷. Никаких причин этого, кроме осведомления соляриев в философии, а также в астрологии, Кампанелла не называет.

⁵⁵ «Город Солнца», стр. 67, 68.

⁵⁶ Там же, стр. 72, 74.

⁵⁷ Там же, стр. 37.

Вместе с тем Кампанелла выражает уверенность, что «весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям...»⁵⁸ Кампанелла пишет о грядущем соединении обитателей мира в единую паству, о возникновении новой монархии, преобразовании и обновлении законов и наук. Созиданию и насаждению новых порядков должно, по мысли Кампанеллы, предшествовать исторжение и искоренение старых⁵⁹. Рассуждения Кампанеллы в этой части туманны, пропитаны мистикой: грядущее развитие человечества мыслится им как осуществление воли провидения, воздействие светил на судьбы людей (астрология); вместе с тем предвестником создания новой монархии являются изобретение книгопечатания, огнестрельного оружия, компаса, великие географические открытия. Какую-то роль в этом должно сыграть и установление ряда стран правления женщин.

Более обстоятельно вопрос о создании строя общности рассматривается в трактате «О наилучшем государстве». Кампанелла излагает и подробно опровергает традиционные возражения против общественной собственности. Ссылкам на многочисленные авторитеты (Платон, «отцы церкви», священное писание, сочинения некоторых средневековых авторов) он стремится доказать, что общественная собственность не только не противоречит естественному праву и священному писанию, но и в большей степени, чем частная соответствует им. Осуществимость строя общности Кампанелла пытается доказать и примерами истории: он ссылается на раннехристианские общины, монастыри, даже на «еретические» общины анабаптистов. Государство, основанное на общественной собственности, является, по учению Кампанеллы, воплощением естественного права, воли бога; «...все страстно желают этого Государства, — пишет Кампанелла, — как наступления золотого века...»⁶⁰.

Предвидя возражения противников строя общности, что «никто не стал бы жить охотно в такой строгости, воздерживаясь от всех прегрешений, под надзором руководителей», Кампанелла пишет: «Разнузданность — причина зол, счастливая необходимость, которая принуждает к добру»⁶¹. Игрокам кости и кутилам, замечает Кампанелла, также кажется тягостной жизнь добрых граждан. Но Город Солнца не знает тех пороков, которые привлекательны для развращенных людей: поэтому для солариев вовсе не тягостно подчинение разумной необходимости.

⁵⁸ «Город Солнца», стр. 80.

⁵⁹ Там же, стр. 110.

⁶⁰ «О наилучшем государстве», стр. 143.

⁶¹ Там же, стр. 132, 144 (Кампанелла близко подходит в этом рассуждении к пониманию свободы, как осознанной необходимости).

Столь же несостоятельно возражение, будто государство, основанное на общности, будет ниспровергнуто собственными гражданами; сам образ жизни в Городе Солнца устраняет мятежи подданных, которые обычно вспыхивают вследствие произвола должностных лиц, их своеволия, либо вследствие бедности и чрезмерного унижения народа и пренебрежения к нему.

Что же препятствует учреждению такого государства? «...Оно не водворяется по причине злонамеренности государей, которые подчиняют державы своей власти, а не высшему Разуму»⁶². Здесь, как и в «Городе Солнца», Кампанелла противопоставляет государей простому народу, подчеркивая, что именно правители противятся введению строя общности.

Вместе с тем Кампанелла, делая шаг назад от Томаса Мора, не пытается вскрыть причины этого. Связь современного ему эксплуататорского государства с частной собственностью осталась ему неясной. Правда, в «Городе Солнца» есть беглое замечание о богатых и знатных, которые, ничего не боясь, грабят государство⁶³, но глубже этого Кампанелла не идет. В сонете «О корнях великих зол вселенной» в один ряд ставятся три основных зла: «софизмы, лицемерие, тиранство» (им противопоставляются мощь, разум и любовь); корнем главных зол объявляется себялюбие, а его источником — невежество. Соответственно, борьба с последним — задача философа: «Невежество сразить я в мир пришел»⁶⁴. Причина зол — в невежестве; свой проект «Города Солнца» Кампанелла рассматривал как средство просвещения, подготовки умов к установлению строя общности.

Кампанелла считал заслугой Томаса Мора то, что он «описал вымышленное государство Утопии с той целью, чтобы мы по его образцу создали свое государство или, по крайней мере, его отдельные устои»⁶⁵. Свой проект «Города Солнца» он называет «образцом для сильного подражания», как государственное устройство, «открытое посредством философских умозаключений», соответствующее в то же время священному писанию. Кампанелла выражает уверенность в том, что «золотой век» должен вернуться: «Коль позабудет мир «мое», «твое», — пишет он в сонете «О золотом веке», — «...я верю, раем станет бытие...»⁶⁶.

Осуждая тиранов, противящихся введению строя общности, Кампанелла в то же время скептически отзываясь о простом народе. В его представлении простой народ — «огром-

⁶² «О наилучшем государстве», стр. 143.

⁶³ «Город Солнца», стр. 37.

⁶⁴ Кампанелла. Город Солнца. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 164. (в дальнейшем обозначается: «Сонеты»).

⁶⁵ «О наилучшем государстве», стр. 133

⁶⁶ «Сонеты», стр. 167.

ВОЗЗРЕНИЯ ДИГГЕРОВ НА ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

ный пестрый зверь», не знающий своих интересов, робко подчиняющийся правителям, которые используют народ в своих целях. «Народ работает за грош, — пишет Кампанелла, — этот грош король же и получит». Просвещать простой народ — дело опасное и бесполезное: «Под небом все ему принадлежит, — ему же невдомек. А коль научит его иной, таим же и убит». Вместе с тем у Кампанеллы есть и иные высказывания. Он призывал швейцарцев и граубинденцев бросить служение тиранам, перестать лить кровь за темные дела. «Пусть вольный ваш народ, — пишет Кампанелла, — свое добро отнимет от господ, что втридорога вам же продается»⁶⁷.

Таким образом, представления Кампанеллы о путях установления строя общности туманны и противоречивы. Он возлагал надежды то на просвещение, то на движения угнетенных масс, то на волю провидения, астрологию и круговорот истории.

⁶⁷ «Сонеты», стр. 165, 166.

Большой интерес представляют политические взгляды диггеров — идеологов «того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»¹, выступивших в период Английской буржуазной революции XVII в. В их произведениях, как и в трудах других утопистов-социалистов, нашло свое выражение пролетарское требование равенства, не ограничивающееся уже областью политических прав, а распространявшееся на общественное положение каждой личности. Диггеры, как и другие идеологи складывавшегося пролетариата, доказывали необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий.

Движение диггеров, или «истинных левеллеров», возникло в период наивысшего подъема буржуазной революции в Англии XVII в. Выражавшая интересы буржуазии и нового (обуржуазившегося) дворянства партия индипендентов после бесплодных попыток завершить гражданскую войну сделкой парламента с королем встала на путь борьбы против монархии. Решающую роль в развитии революции сыграла крестьянская армия; именно благодаря вмешательству народных масс борьба против абсолютизма была «доведена до последнего решительного конца и Карл I угодил на эшафот...»². В начале 1649 г. в Англии были упразднены королевская власть и палата лордов; но управление Английской республикой осталось в руках индипендентов, стремившихся к укреплению военной диктатуры, возглавляемой Кромвелем.

Правительство Кромвеля с большой опаской относилось к движению народных масс, на которое оно само было вынуждено опираться в борьбе против короля и феодального дворянства. Еще в процессе гражданской войны Кромвель и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 191.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 308.

офицерская верхушка прибегали к репрессиям против левеллеров, выражавших интересы крестьянства и ремесленников Англии. Левеллеры требовали ликвидации монархии и палат лордов, установления ежегодных выборов в парламент на основе всеобщего избирательного права, проведения демократических реформ. Буржуазия и новое дворянство Англии боялись, что осуществление этих требований (особенно всеобщего избирательного права) поколеблет частную собственность; отсюда само название демократической партии: «левеллеры», т. е. уравниатели.

Однако руководители мелкобуржуазной партии левеллеров отнюдь не были противниками частной собственности; требования не шли дальше радикальных реформ политического строя Англии. Называя «клеветой» даже название, данное «левеллерам», глава этой партии Лильберн писал: «.. парламент не имеет права уравнивать состояние людей, разрушать собственность или делать все вещи общими»³.

Значительно радикальнее были требования диггеров («копателей»), или «истинных левеллеров», как они сами себя называли. Выступив в тот период революции, когда Кромвель и индепенденты вынуждены были частично осуществить требования крестьянства, диггеры объявили конечной целью революции упразднение частной собственности.

Защита коммунистических идей коренным образом отличает диггеров от других партий, выступавших в период Английской революции. В отличие от левеллеров диггеры подчеркивали, что установление только политических прав и свобод недостаточно, что истинная свобода заключается в свободном пользовании землей и другими благами природы, которые должны перейти в общественную собственность⁴.

Обоснование диггерами идей утопического коммунизма сопровождалось острой критикой эксплуататорского государства и права, выдвиганием ряда предложений о преобразовании государственной власти. В соответствии с общими особенностями движения и идеологии диггеров⁵ их политические взгляды, в отличие от взглядов Томаса Мора и других социалистов-утопистов XVI—XVII вв., носят характер конкретной программы преобразования Англии в ходе дальнейшего развития революции.

³ Д. Лильберн. Памфлеты М. Соцэкгиз, 1937, стр. 119.

⁴ См. Джерард Уинстенли. Избранные памфлеты. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 209—210 (в дальнейшем обозначается: Уинстенли).

Ю. М. Сапрыкин вполне обоснованно замечает, что эти рассуждения диггеров были критикой программ индепендентов и левеллеров (см. Ю. М. Сапрыкин. Социально-политические идеи диггеров. «Вестн. Моск. ун-та», ист.-филол. серия, 1959, № 2, стр. 205—206).

⁵ Эти особенности отмечает М. А. Барг (М. А. Барг. Социальная утопия Уинстенли. «История социалистических учений». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 58—59).

Идеология «истинных левеллеров» стала складываться еще в период ожесточенных споров левеллеров и индепендентов о политическом строе Англии; считая недостаточной только лишь политическую реформу, «истинные левеллеры» все настойчивее выдвигают на первый план необходимость преобразования отношений собственности⁶.

В декабре 1648 г. появился памфлет «Свет, сияющий в Бекингемшире»; автор памфлета не установлен, но многие идеи движения диггеров нашли свое выражение уже в этом произведении⁷. В январе 1649 г. опубликован памфлет Уинстенли «Новый закон справедливости». Весной возникла община диггеров на холме св. Георгия в графстве Серрей, существовавшая до весны 1650 г. Весь период существования общины публикуются памфлеты диггеров, написанные в основном Уинстенли и во многих случаях подписанные многими участниками движения. Наконец, в 1652 г. опубликовано основное произведение Уинстенли — «Закон свободы» (датировано 1651 г.). В этой книге воспроизводится содержание ряда ранних памфлетов диггеров; в то же время Уинстенли излагает здесь ряд новых идей, меняя взгляды по отдельным вопросам.

* * *

Социальная программа диггеров вкратце такова: народ Англии был поработан нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем и его дружиной (XI в.), которые захватили землю в свою собственность. Короли — потомки Вильгельма, лендлорды и фригольдеры — потомки его офицеров и солдат. Нормандское иго состояло прежде всего в том, что народ был лишен свободы пользования землей и в силу этого попал в рабство. Свержение и казнь Карла I Стюарта и провозглашение Англии республикой должно означать полное разрушение нормандского ига и восстановление прав народа на землю⁸.

Диггеры часто и настойчиво ссылались на то, что война против Карла I и его сторонников выиграна простыми людьми, народом Англии, пришедшим на помощь парламенту.

⁶ Процесс размежевания левеллеров и «истинных левеллеров» осветил М. А. Барг в ст. «Генезис идеологии истинных левеллеров» («История социалистических учений». М., «Наука», 1964, стр. 149—198).

⁷ См. М. А. Барг. Генезис идеологии истинных левеллеров, стр. 193, прим. 154.

⁸ Но, оговаривали диггеры, восстановления законов, существовавших до прихода Вильгельма Завоевателя, недостаточно. Должен быть восстановлен «чистый закон справедливости до грехопадения» (Уинстенли, стр. 123). Это означает, по мысли диггеров, что ликвидация феодальной собственности на землю должна влечь за собой установление общности имущества, а не уравнительного раздела земли (см. В. Стальный. Уинстенли — идеолог коммунизма в Великой английской революции. «Известия АН СССР», VII серия, 1935, № 1, стр. 60).

Они утверждали, что революция срубила только верхушку королевской власти, подобной большому развесистому дереву: эта власть сохраняется в руках лордов и джентри, захвативших землю по королевским законам и наживающихся за счет труда бедняков. «А разве это не рабство, — говорит народ, — хоть в Англии и достаточно земли, чтобы содержать в десять раз больше населения, чем в ней есть, а некоторые вынуждены просить милостыню у своих же братьев, исполнять на них тяжелую работу за поденную плату и либо гонимые, либо воровать и быть повешенным, как человек, недостойный жить на земле; больше того, им дозволяется возделывать пустоши для своего существования при условии, что они будут платить за это ренту...»⁹.

«Истинная республиканская свобода, — утверждают диггеры, — заключается в свободном пользовании землей». В Англии не будет свободного народа, пока бедняки, не имеющие земли, не получат разрешения вскапывать и обрабатывать общинные земли и жить в достатке; сама Англия не станет свободной республикой, пока бедные простые люди не получат свободного пользования и выгоды от земли.

При этом земля, обрабатываемая бедняками, должна, по мысли диггеров, быть общественной собственностью и обрабатываться общими силами; произведенные продукты должны принадлежать всем. План коммунистической организации производства и потребления обстоятельно изложен в «Записке о свободе». Следуя во многом Томасу Морю, Уинстенли пишет об общественных складах, куда сдаются продукты сельского хозяйства и изделия ремесла и откуда каждая семья получает необходимые для нее вещи, о всеобщей обязанности трудиться и т. д.

В целях превращения земли в общую собственность диггеры и предприняли попытку организации общины на холме св. Георгия; они полагали, что их примеру последуют другие, в результате чего все общинные земли и пустоши не только в Англии, но и всего мира будут взяты людьми, не имеющими собственности, и все человечество будет смотреть на землю, как на общую сокровищницу всех¹⁰.

При этом диггеры не требовали передачи беднякам сразу же всей земли; они претендовали лишь на общинные земли и пустоши, а также на земли короны, деканов, епископов и лордов и джентри имеют свои огороженные земли, народ же должен получить право свободно обрабатывать общинные и отвоєванные армией у угнетателей. Это приведет, как полагали диггеры, к тому, что через несколько лет в Англии не станет нищих и тунеядцев, ибо обработка всех земель создаст изобилие, а преимущества жизни общиной,

очевидные для всех, побудят собственников передать свои земли в общий фонд¹¹. Этот взгляд излагается и в «Законе свободы».

Вместе с тем взгляды диггеров на способы осуществления их программы претерпевали изменения. Поначалу они уповали на пробуждение «голоса справедливости» в сердцах людей, надеялись смягчить своих врагов «кротостью и непротивлением злу злом». Однако одна лишь попытка создать общину на холме св. Георгия навлекла на них преследования местной знати и зажиточного крестьянства. Весьма настроенно к диггерам отнеслись власти. Диггеров привлекали к суду, их посеы уничтожали, строения разрушали. Весной 1650 г. община на холме св. Георгия прекратила существование.

Диггерам становится ясно, что имущие классы Англии не позволят им обрабатывать даже пустоши. Уинстенли приходит к мысли, что прежняя тактика диггеров обречена на провал. Поэтому в «Законе свободы» он обращается к Кромвелю, пытаясь убедить его помочь диггерам в организации истинного республиканского правления. Вместе с тем, не доверяя главе правительства Англии, Уинстенли включает в «Закон свободы» обращение к парламенту, армии и народу, призывая их к утверждению истинного республиканского правления, основанного на общности земли. В «Законе свободы» уже нет призывов к «кротости» и «непротивлению»; Уинстенли излагает здесь обстоятельно разработанную программу преобразования общественного и политического строя Англии, подлежащую осуществлению с помощью государственной власти, опирающейся на революционную армию и народ.

В произведениях диггеров значительное внимание уделяется проблемам государства и права. Выражая интересы предшественников современного пролетариата, диггеры дали острую критику эксплуататорского государства и законов, высказали ряд догадок об изменении характера государства и права в связи с переходом от частнособственнического строя к обществу, основанному на общественной собственности¹².

¹¹ См. Уинстенли, стр. 132. Диггеры даже выражали готовность кормить тех передавших в общественный фонд свои земли собственников, которые были нежно воспитаны и не могут сами работать (см. там же, стр. 81).

¹² Диггеры, пишет Ю. М. Сапрыкин, «подшли к идее об экономической основе разделения общества на богатых и бедных (они их называли партиями) и борьбы их, к пониманию зависимости власти от богатства и роли государства, права, церкви и армии как защитников собственности и т. д. Огромное значение этих наблюдений и обобщений диггеров с точки зрения истории политических учений не подлежит никакому сомнению» (Ю. М. Сапрыкин. Социально-политические идеи диггеров, стр. 204).

⁹ Уинстенли, стр. 192—193.

¹⁰ См. там же, стр. 71, 119.

Критика эксплуататорского государства и права в произведениях диггеров Королевская власть, против которой осуществлялась революция, понизилась диггерами не только как абсолютная монархия, но как власть частных собственников. «...Королевская власть... писали диггеры, — является властью, которая правит мечом в алчности и себялюбии, наделяя землей одних и отказывая в ней другим. Эта королевская власть находится не в руках одного короля, но и лордов маноров и особенно судей-взыскателей и юристов, также поддерживающих ее, ибо он был главой, а они со священниками, взимавшими десятину, ветвями этой тиранической королевской власти»¹³.

Современное им государство диггеры осуждали, как орудие в руках собственников, используемое для грабежа и угнетения трудящихся масс.

Вследствие своей пронырливости лендлорды занимают места, требующие доверия, принуждают народ платить деньги на общественные нужды и присваивают их большую часть на народные деньги они покупают землю и становятся еще богаче. Чиновниками избираются лишь очень богатые люди, стремящиеся еще более поработить народ. Силой меча они поддерживают частную собственность. Свободны лишь джентри и духовенство, простой народ остается в рабстве пока сохраняется частная собственность и охраняющие ее законы. Джентри принуждают людей уплачивать им ренту за землю и работать на них по найму; духовенство взимает десятину. Стремление к наживе, к обогащению за счет неоплаченного труда неимущих — вот основная забота собственников, использующих государство в своих корыстных целях.

Диггеры считали недостаточным казнить короля и провозгласить ликвидацию монархии. Королевское правление, пишет Уинстенли, зависит не от названия; оно сохраняется пока земля находится в руках частных собственников, хотя бы верхушка древа тирании и была обрублена.

Весьма интересно решает Уинстенли в «Законе свободы» вопрос о возникновении королевского правления. Королевское правление возникло, пишет Уинстенли, только после того, как появилась купля-продажа земли. Возникшими в результате этого смутами и раздорами воспользовались коварные люди, которые натравливали одних людей на других. В конце концов хитрецы уговорили народ избрать короля, и народ сам отказался от своей свободы, возложив на себя угнетение.

¹³ Уинстенли, стр. 172—173.

«Таково было возникновение королевской власти. Сначала политикой отвлечения народа от общего пользования землей и вовлечения в лукавое дело купли и продажи. Затем, возвышаясь силой меча, когда занятие куплей и продажей привело народ к раздорам между собой». Лишив народ прирожденных прав на землю, хитрые обманщики становятся правителями земли, «ибо не мудрый бедняк, а хитрый богач всегда назначался должностным лицом и правителем, а он, вследствие своей заинтересованности в награбленной земле, наверняка стал бы удерживать других в рабстве у бедности и в зависимости от себя и своей партии.

А отсюда возникают угнетение и тирания на земле...»¹⁴.

Диггеры, таким образом, довольно отчетливо видели антинародный характер эксплуататорского государства. Не ограничиваясь критикой монархии как политической формы, они показывают связь «королевского правления» с частной собственностью, с корыстными интересами имущих классов. Правда, критика их носит ограниченный условиями характер, так как диггерам ясна была связь «королевского правления» прежде всего с интересами и выгодами земельных собственников (лорды и джентри). Это объясняется тем, что непосредственным объектом их критики было феодальное государство Англии. Однако, истолковывая революцию как борьбу не только против феодального гнета, но и против угнетения неимущих богатыми вообще, диггеры требовали ликвидации всех политических форм, созданных собственниками и служащих им для угнетения народа. По сути дела, их выпады направлены против всякого эксплуататорского государства, так как на смену обществу, основанному на частной собственности на землю, должно прийти, по мнению диггеров, общество, в основе которого лежит общественная собственность. Отрицание феодального государства — это, в их понимании, отрицание власти богатых вообще.

Не менее остро диггеры критиковали эксплуататорское право.

Все законы королей, пишет Уинстенли, имеют отношение к купле и продаже земли. И это не случайно: и священники, и юристы, и солдаты, и лендлорды — все, начиная от вора на большой дороге и до короля, восседающего на троне, стремятся к тому, чтобы отнять у кого-либо землю и жить в изобилии за счет труда других людей. Законы о земле поспешил издать нормандский герцог Вильгельм; все законы королей, его наследников, были изданы для закрепления завоевания земли.

Эти законы издавались в интересах лендлордов. Иначе и не могло быть: «Ибо в королевские времена никто не изби-

¹⁴ Уинстенли, стр. 232, 323.

рал и не был избран в парламент или в законодатели, крупные тяжбы, многие подвергаются наказанию за нарушение маноров и фригольдеров, лиц, которые получили право не известного им закона. Всем этим ловко пользуются моты на огороженные земли или хартии на свои торговые интересы. «Правосудие покупается и продается за деньги», — вольности.»¹⁵ Королевские законы держат народ в нищете. «Правосудие покупается и продается за деньги», — и рабстве; они предоставляют свободу только джентри и эпископам. Тот, кто обратится к законам, тот умрет духовенству.

Поскольку, по мнению диггеров, право частной собственности удерживается исключительно силой меча, королевские законы «поддерживаются кнутом, тюрьмами и виселицами». Это — «лишь веревки, узы, кандалы и ярмо, которые перемываются толканием, вообще искажающим их смысл, а то и бошечные англичане, подобно ньюгэтским узникам, властвуют просто произволом чиновников и судей, ставящих свою волю на руках и ногах, ходя по улицам».

Подчеркивая насильственный характер угнетательской власти и законов, Уинстенли называет королевское право «кулачным», пишет, что без поддержки в «палочном праве» королевское правление не смогло бы установить порядок. Диггерам ясен был антинародный характер королевских законов. Эти законы, противоречащие интересам трудящегося большинства, опираются лишь на принуждение. Насилие — террор против народа — единственная опора королевских законов, закрепляющих частную собственность.

Королевские законы носят угнетательский характер не только потому, что насильственно закрепляют частную собственность на землю, но еще и потому, что они «всегда составлялись против таких поступков, которые наиболее склонны совершать простой народ, с целью расставить ему западни в сессиях судов, чтобы юристы и духовенство, под держивавшие короля, могли получать таким образом деньги и жить в изобилии, трудами других людей»¹⁷. Диггеры подвергают уничтожающей критике произвол и крючкотворство королевских чиновников и юристов.

Юристы и духовенство, писал Уинстенли, созданы нормандским завоевателем, чтобы следить за исполнением королевских законов. Продажное духовенство, купленное королями за десятину, убеждает народ повиноваться королям, говоря о рае и аде (к существованию которых Уинстенли относится скептически).

Юристы же опутывают народ сетями крючкотворства. Уинстенли с ненавистью пишет о юристах и чиновниках, применяющих закон. Мало того, что королевские законы угнетают народ, лишая его земли, они еще и так запутаны, что только немногие знают, когда им повинуются, а когда нет. Многочисленность и недоступность народу законов породили великие бедствия — народ постоянно вовлекается в разори-

¹⁵ Уинстенли, стр 332—333

¹⁶ См там же, стр. 69, 142, 174, 228.

¹⁷ Там же, стр 339.

Эволюция взглядов диггеров на власть и принуждение. Отрицательное отношение диггеров к современному им эксплуататорскому государству в первый период движения привело диггеров к отрицанию власти и принуждения вообще.

Диггеры исходили из мысли, что частная собственность создана государством и держится на насилии. Эта власть обусловлена исключительно алчностью, она станет излишней, когда земля станет общей сокровищницей.

Поэтому диггеры на первых порах относились отрицательно к какой бы то ни было власти одного человека над другим. «Мы не осмеливаемся, — писали диггеры, — ...производить выбор человека или людей для управления нами. Мы избрали всемогущего господа бога нашим царем и покровителем»¹⁹.

Пробуждение закона справедливости, вложенного богом в сердца каждого, должно, по мнению диггеров, привести к упразднению частной собственности на землю, обращению

¹⁸ Уинстенли, стр 151. Жалобы народных низов на запутанность и несправедливость законодательства, а также на произвол профессиональных юристов нашли выражение и в памфлетах других авторов периода английской революции (См М А Барг Генезис идеологии истинных левеллеров, стр 182)

¹⁹ Уинстенли, стр 55—59, 108—109 См также стр. 65, 79, 88—89 и др

ее в общее пользование и тем самым сделать излишним какое-либо насилие, принуждение, управление. Они полагали, что, упразднив в своей общине частную собственность, порождая преступления и насилия, сами они во всяком случае уже могут жить по закону справедливости, не нуждаясь во внешней власти.

Отвергая обвинение в желании ниспровергнуть правительство Англии, диггеры писали: «Мы не против чего-либо, что управляется должностными лицами и законами, как управляют народы мира, но с нашей стороны мы не нуждаемся ни в том, ни в другом виде правления... А затем, какая нам нужда в законах, осуждающих на заключение в тюрьму, бичевание и повешение и на приведение одного в рабство другому»²⁰. Убеждение во всеилии истины, закона справедливости, содержащегося в сердцах всех людей, а также принципиальное осуждение принуждения первоначально обусловили мирную, непротивленческую тактику диггеров. На первых порах они полагали достаточным создать несколько коммун на общинных землях, чтобы продемонстрировать преимущества общественной собственности перед частной, побудить всю Англию последовать их примеру. Сознывая, что лендлорды, джентри, фригольдеры и иные собственники земли должны отнестись к ним враждебно, неоднократно сталкиваясь на практике с этим враждебным отношением, диггеры в то же время высказывали надежды на «пробуждение закона справедливости» в сердцах врагов, рассчитывали на то, что «кротость», «непротивление злу насилием» смягчит преследователей, побудит их последовать примеру диггеров.

В связи с этим в памфлетах диггеров 1649—1650 гг. неоднократно и настойчиво подчеркивается мирный характер движения, непротивление диггеров актам насилия со стороны земельных собственников и солдат армии Кромвеля.

Впрочем, это имело и ту причину, что диггеры стремились отклонить выдвигавшееся против них обвинение в мятеже и неподчинении властям. Собственники земель, прилегающих к холму св. Георгия в графстве Серрей, где обосновалась община диггеров, не только сами уничтожали дома и посеы диггеров, но и постоянно провоцировали их в надежде побудить власти Англии силой подавить это движение. В связи с этим диггерам приходилось соблюдать особую осторожность, не давая поводов для употребления против них военной силы. Мирный характер движения в значительной мере обуславливался и его слабостью, малочисленностью диггеров. Они сознавали, что призыв к насильственному изъятию земель у частных собственников не только побудит господ-

ствующие классы Англии к немедленному подавлению движения, но и не встретит поддержки в массах, так как Англия еще не познала преимуществ общественного пользования землей. Диггеры считали необходимым прежде всего доказать на практике эти преимущества (в этих целях они и основали общину в графстве Серрей); именно эта задача стояла перед ними в 1649—1650 гг., в связи с чем они отвергали все, что могло помешать их опыту ведения коммунистического хозяйства.

Однако движение диггеров отнюдь нельзя считать, как это делают многие буржуазные авторы, «анархистским» и «непротивленческим»²¹. Нужно, во-первых, учитывать эволюцию взглядов диггеров (см. ниже); во-вторых, и в период 1649—1650 гг. в памфлетах диггеров нередко встречались идеи, противоречащие позиции «мирного анархизма».

Прежде всего диггеры безоговорочно одобряли все насильственные меры, осуществленные революцией против короля, феодалов, духовенства Англии. Свое движение они всегда рассматривали как продолжение и доведение до конца революции, направленной против угнетения народа. Обращение земли в общественную собственность — закономерный результат свержения и казни Карла I Стюарта и провозглашения Англии республикой. В связи с этим отношение диггеров к современной им власти двойственно.

С одной стороны, это — осуждение власти и законов лендлордов и других угнетателей народа. «Вы порицаете нас, простой народ, за то, что будто бы мы не желаем никакого правительства, — писал Уинстенли. — Истинно говорю, джентльмены, мы от всего сердца желаем справедливого правительства, но нынешнее правительство предоставляет свободу и достаток джентри, дабы у них было изобилие и они собирали сокровища земли под замок от бедных, так, чтобы у богатых сундуки ломались от золота и серебра, куда ни глянешь, тогда как бедный, трудом добывающий все, едва перебивается и должен умирать с голоду, если не может работать, как раб»²².

С другой стороны, диггеры одобряли революционные акты парламента (провозглашение Англии республикой, казнь короля, ликвидацию палаты лордов) и надеялись на продолжение и углубление революции, на осуществление их идеа-

²¹ «Dictionary of national Biography». London, 1900, v. LXII, pp. 206—207, J. Woodcock. Anarchism. N. Y., 1962, p. 275; J. Joll. Anarchists. London, 1965, p. 5 (как курьез отметим, что тот же автор относит к «анархистам» также французского социалиста-утописта XVIII в. Морелли, который в знаменитом «Кодексе природы» изложил подробный проект конституции государства будущего); J. Martin Man against man. N. Y., 1957, p. 3 (этот автор усмотрел «анархистские взгляды» даже у Джефферсона и Линкольна в США).

²² Уинстенли, стр. 152.

²⁰ Уинстенли, стр. 106.

лов при поддержке государственной власти, в первую очередь парламента и армии Англии. Обращаясь к ним, диггеры писали: «...Англия не может быть свободной республикой до тех пор, пока угнетение не будет уничтожено. Вы уничтожили короля, вы уничтожили палату лордов; теперь ступайте два шага дальше и уничтожьте власть лордов маноров и судей, которыми искажаются законы, и ваша работа будет почетной»²³.

Полностью отходит от непротивленческой позиции «Закон свободы» Уинстенли²⁴, где не только излагается обширная программа республиканского переустройства Англии, но и содержатся прямые призывы к применению принуждения против врагов республиканской свободы.

Уинстенли в «Законе свободы» высказывает важные и новые в литературе утопического социализма мысли. Задолго до Бабефа он пишет по сути дела о необходимости переходного периода от строя, основанного на частной собственности, к строю коммунистическому, о диктатуре трудящихся над эксплуататорами²⁵.

Первоначальным действием республиканского правления должна быть передача народу общинной земли, пустошей, а также земель, конфискованных у церкви и короля. Осуществление этого потребует применения принуждения против феодалов-собственников. «Закон свободы» содержит прямые призывы подавлять врагов республиканской свободы. Так, призывая лишить священников права собирать десятину, лордов маноров — права требовать от крестьян исполнения повинностей, Уинстенли ссылается на то, что короли и завоеватели в свое время без зазрения совести угнетали и обирали народ: «И уместны ли теперь укоры совести, когда надо возвратить эти столь давно украденные блага?»²⁶

Но это — только первый шаг, «программа-минимум» революции²⁷. Ее конечная цель — утверждение социалистических порядков («республиканского правления») во всей Англии, а затем в других странах. Одним лишь принужде-

²³ Уинстенли, стр 173—174

²⁴ Расхождение между «Законом свободы» и ранними памфлетами Уинстенли в отношении к власти и принуждению отмечал В. П. Волгин (ст «Диггеры и Уинстенли» в кн Джерард Уинстенли Избранные памфлеты, стр 38—39). В Стальной на основе анализа «Закона свободы» Уинстенли подверг весьма обоснованной критике рассуждения английского историка Беренса (см L. H. Vegens The digger movement in days of the Commonwealth London, 1906) о том, что Уинстенли был сторонником «непротивления злу» (см В Стальной Уинстенли—идеолог коммунизма в Великой английской революции, стр 65, его же Утопия Джерарда Уинстенли «Исторический журнал», 1942, № 3—4, стр 96)

²⁵ Это правильно отметил В Стальной См его ст «Уинстенли—идеолог коммунизма в Великой английской революции», стр 62, 63, 69, его же Утопия Джерарда Уинстенли, стр 94—95

²⁶ Уинстенли, стр 198

²⁷ См В Стальной Утопия Джерарда Уинстенли, стр. 90

нием эту цель достичь невозможно. «Я не требую и не хочу, — писал Уинстенли, — чтобы каждый был принужден испробовать на опыте это республиканское правление, ибо умы многих будут сначала ему враждебны, хотя впоследствии окажутся наиболее расположенными и истинными его друзьями». Кто пожелает — пусть на опыте испробует «республиканское правление» (т. е. жизнь в общине). «А другим, кто не согласен, пусть будет позволено оставаться при их купле и продаже, т. е. при законе завоевателя, пока им будет угодно»²⁸.

Но «сосуществование» частной и общественной собственности не продлится вечно. Уинстенли полагал, что после создания коммунистических общин на тех землях, которые должны быть немедленно переданы трудящимся, пройдет не более года до полного утверждения республиканской свободы²⁹. За этот период богатые будут перевоспитаны в республиканском духе. Они на практике познают преимущества нового строя — «нужды они не будут знать, ибо они обладают свободой пользоваться общественными запасами». Республика освободит их от забот и тревог, связанных с управлением поместьями. «...Будет полное изобилие всех земных благ при меньшем труде и волнениях, чем теперь при монархии»³⁰.

Однако на период перехода к строю общности принимаются и меры принуждения по отношению к его врагам. Немедленно устанавливается самая широкая демократия трудящихся. Они получают политические права и, напротив, избирательных прав лишаются враги республиканской свободы. Новое государство поддерживает переход к общественной собственности, подготавливает условия для полного искоренения частной собственности, купли-продажи, найма рабочей силы, денег. Затем вступят в силу уголовные законы, карающие за попытки восстановления частной собственности и связанных с ней институтов.

В «Законе свободы» план постепенного перехода к строю общности не изложен так стройно и последовательно, как у французского социалиста-утописта Бабефа, выступившего после Великой французской буржуазной революции 1789—1794 гг. Но сама идея такого перехода, начало которому кладет установление власти трудящихся, впервые в истории социалистической мысли высказана Уинстенли.

Порывая с идеями «непротивленчества», Уинстенли неоднократно говорит о неизбежности возмущения народа и его праве низложить угнетательское правительство. Очень важны рассуждения Уинстенли о задачах парламента и особенно об армии, содержащие почти открытый призыв к сверже-

²⁸ Уинстенли, стр 203—204.

²⁹ См там же, стр 255

³⁰ Там же, стр 198, 202.

нию правительства, противящегося утверждению республиканской свободы (см. ниже).

* * *

Большое внимание в «Законе свободы» уделено правильной организации республиканского государства

Необходимость управления Уинстенли выводит из закона общего самосохранения, мира и свободы. Республиканское правление, пишет он, произошло из отеческой власти Адама. Отец был первым звеном цепи правителей; он заботился о детях, нуждающихся в руководстве, обучении, поддержке. В разросшейся семье, именуемой приходом, возникла надобность в избрании блюстителей закона; в округе, графстве и республике нужны должностные лица для охраны общего мира; в случае необходимости (вторжение, бунт, смута) народ выступает в защиту законов и должностных лиц с оружием в руках. Но затем должностные лица захватили земли и из слуг народа стали его господами; так возникло угнетение, произошла замена республиканского правления королевским³¹.

Очевидно, что здесь Уинстенли объясняет происхождение государства иначе, чем возникновение «королевской власти». Республиканское правление, пишет он, может быть названо «ветхим денми», ибо оно существовало ранее всех угнетательских правительств. И до появления частной собственности существовала необходимость в общем управлении; оно осуществлялось народом и избранными им должностными лицами. Необходимость в таком управлении остается и после ликвидации частной собственности. Поскольку Уинстенли не проводит различия между политической и общественной властью, «республиканское управление» будущим обществом мыслится им как преобразованное на демократических началах государство.

Говоря о возникновении «республиканского правления», Уинстенли стоит, казалось бы, на позициях патриархальной теории, проповедовавшейся в период английской революции монархистом Фильмером. Однако точки зрения Фильмера и Уинстенли диаметрально противоположны. Если монархист Фильмер из «отеческой власти Адама» выводил власть Стюартов, оснащая свои выводы ссылками на библейские тексты о необходимости подчиняться существующей власти, то Уинстенли усматривал в семье «корень правления» по совсем иным причинам. Он настойчиво подчеркивает «отеческий»

характер власти в тех целях, чтобы осудить королевскую власть, противостоящую народу.

Задача власти — заботиться о слабых и угнетенных; сама эта власть должна основываться на общей собственности (как в семье) и цель ее состоит в руководстве общественным хозяйством, охране общего мира и свободы, в воспитании членов общества.

Давая общее понятие правления, Уинстенли определяет его, как «мудрое и свободное устройство земли и обычай человеческого рода соблюдать особые законы или правила, чтобы все население могло жить мирно в благосостоянии и свободе...»³² Это понятие Уинстенли толкует весьма широко, включая в него не только политическую организацию общества, но и «устройство земли», разумея под этим отношения собственности; это — общая тенденция диггеров.

Уинстенли усматривает три составные части правления: законы, пригодные должностные лица и добросовестное исполнение этих законов.

Необходимым признаком хорошего правления является законность; Уинстенли настойчиво подчеркивает, что подлинная жизнь правительства заключается в добросовестном исполнении законов должностными лицами, так и каждым гражданином.

Все должностные лица республики должны ежегодно переизбираться; в этом Уинстенли видит гарантию против возникновения честолюбия и алчности, нового проникновения гнета в республику. Кроме того, ежегодная смена должностных лиц дает возможность каждому способному к управлению побывать у власти; республика получит способных и опытных людей.

Правом избирать должны обладать все мужчины, достигшие двадцатилетнего возраста; избирательных прав лишаются осужденные за совершение преступления, тот, кто старается убедить народ избрать его должностным лицом³³, и ему помогающие в этом, а также лица, покупавшие и продававшие республиканскую землю³⁴, либо поддерживающие

³² Уинстенли, стр. 226.

³³ Здесь Уинстенли воспроизводит мысль Томаса Мора: «Кто путем происков добивается получить какую-либо должность, лишается надежды на получение всех» (Т. Мор. Утопия. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 175).

³⁴ Правительство Кромвеля распродало земли, конфискованные у короны, церкви и делинквентов, та же участь постигла земли ирландских «мятежников». Условия распродажи земель были таковы, что крестьяне не имели возможности их приобрести. Земли скупались парламентариями, дельцами и армейскими грандами Кромвеля (см. В. М. Лавровский, М. А. Барг. Английская буржуазная революция XVII в. М., Соцэкгиз, 1958, стр. 250—251, 326—327, 340 и след.)

Предложение Уинстенли лишить избирательных прав тех, кто покупал и продавал республиканскую землю, направлено прямо против сторонников партии Кромвеля, обогатившихся на спекуляциях землей в период революции

³¹ См. Уинстенли, стр. 237, 241—248.

короля (последняя категория не получает политических прав временно, до перевоспитания в республиканском духе).

Правом быть избранным должностным лицом обладают мужчины, достигшие сорокалетнего возраста; в виде исключения могут быть избраны лица моложе этого возраста, известные своим трудолюбием и сдержанностью в разговоре. Не могут быть избраны должностными лицами республики, помимо тех, кто не имеет активного избирательного права, люди, обладающие беспокойным характером, легко ссорящиеся и оскорбляющие своих соседей, пьяницы, сварливые и чудовищно невежественные люди, люди, боящиеся говорить правду, чтобы не раздражать других, а также те, кто всецело отдается удовольствиям и спорту, или очень болтливые люди³⁵.

Уинстенли указывает, кого следует избирать должностными лицами. Это — поборники общей свободы, те, кто страдал от королевского гнета, рисковал утратой своей жизни и имущества, чтобы освободить землю от рабства, люди мирного характера, опытные в законах республиканского правления, мужественные люди, не боящиеся говорить правду. «Закон свободы» содержит прямой призыв избирать тех, кто ненавидит алчность и сочувствует людям, страдающим от угнетения. Беднякам, избранным должностными лицами, предлагается назначить содержание из общих запасов на год, ибо за этот срок будет утверждена республиканская свобода и надобность в подобном жалованьи отпадет.

Из этого видно, что перевыборы должностных лиц, включая членов парламента, Уинстенли считал одной из неотложных задач преобразования Англии, доведения революции до конца. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что Уинстенли не отдавал себе отчета в классовой природе правительства индипендентской республики, наивно верил, что Кромвель одумается и проведет благодетельные для народа законы³⁶. Многие места «Закона свободы» свидетельствуют о недоверии Уинстенли к правительству Кромвеля. О том же говорят и изложенные идеи о необходимости избрания на государственные посты неимущих, поборников республиканской свободы, о лишении избирательных прав тех, кто покупал и продавал республиканские земли (в последнем Уинстенли обвинял «грандов» Кромвеля).

Уинстенли разработана система должностных лиц в республике. Эти должностные лица не противостоят народу; все они, пишет Уинстенли, «подобны звеньям одной цепи; они вырастают из одного и того же корня — из необходимости общего мира, и вся их работа направлена на сохранение

³⁵ См. Уинстенли, стр. 248—254, 266, 352—353

³⁶ См. С. Б. Кан История социалистических идей. М., «Высшая школа», 1963, стр. 29

общего мира, поэтому они должны помогать друг другу и все другие должны помогать им, по мере надобности, под страхом наказания за нарушение законов: руководство хорошего правительства, таким образом осуществляемое, может превратить всю страну, нет, даже всю земную фабрику в единую семью человечества и в единую хорошо управляемую республику...»³⁷.

Верную характеристику взглядов Уинстенли на будущее государство дал В. Сталин: «Уинстенли не мыслит себе будущего общества без власти, однако власть эта должна радикально отличаться от существовавшей до сих пор. Он не является, следовательно, противником централизованного управления, он лишь против власти, угнетающей народ. Вообще же существование управления (magistracy), по его мнению, вполне целесообразно, когда оно направлено к общему благу народа. Осуществление коммунистических отношений Уинстенли связывал с определенной политической формой — с республиканским строем, в котором все чиновники должны быть выборными... Несмотря на то, что производство в республике Уинстенли обобществлено только в пределах общины, коммунизм Уинстенли должен быть признан централистическим, так как организация принудительной власти сохраняется и имеет централизованный характер»³⁸.

Весьма показательно, что основной задачей республиканского правительства Уинстенли считает руководство народным хозяйством; успешное осуществление этой задачи требует сочетания централизации в организации власти с широкой демократией, участием народа в управлении.

Поскольку основной производственной единицей в республике является семья, должностным лицом является отец или хозяин. Главой семьи можно стать, лишь проработав семь лет под началом мастера, дабы получить необходимый опыт и достигнуть соответствующего возраста. Он обязан заботиться о детях, обучать и воспитывать их, подготовить к какой-нибудь работе или приучить к ремеслу. Отец семьи (хозяин) обязан бережно относиться к инструментам и орудиям, необходимым для работы всей его семьи; если он окажется небрежным в этом отношении, его после соответствующих увещаний и предупреждений направляют на принудительные работы, а руководство этой семьей передают другому. Он также подлежит наказанию, если допускает постыдную порчу пищи в семье и т. д.

В приходе или в городе избираются миротворцы; их обязанность — заседать в совете прихода, предупреждать

³⁷ Уинстенли, стр. 258

³⁸ В. Сталин Уинстенли — идеолог коммунизма в Великой английской революции, стр. 62, 64

и увещевать лиц, чье поведение нарушает общий мир, предупреждать лиц, пренебрегающих своим долгом.

В приходе или городе имеются четыре вида (степени) наблюдателей. Первые обязаны предупредить волнения, блюсти мир (в этом качестве наблюдатели выступают как помощники миротворцев и именуются «блюстители мира»).

Во-вторых, наблюдатели руководят ремеслами, следят за обучением молодежи, за организацией производственного процесса в каждой семье, помогают мастерам своими советами. Они избираются из знатоков соответствующего ремесла (или сельского хозяйства) лицами, занимающимися этим самым видом труда. «Эта служба наблюдателей, — пишет Уинстенли, — держит весь народ в мирной гармонии ремесел, наук или труда, чтобы в республике не было ни нищих, ни тунеядцев».

Третья обязанность наблюдателей — контролировать доставку отдельными ремесленниками предметов их производства на склады и в магазины, наблюдать за деятельностью хранителей складов.

Четвертый вид наблюдателей, к которому Уинстенли относит всех людей старше шестидесяти лет, помогает всем должностным лицам, наблюдает за соблюдением законов, ибо, пишет Уинстенли, «если много глаз зорко следят, то законам будут повиноваться ради сохранения мира»³⁹. Однако злые и завистливые или нарушающие закон старейшины могут быть после соответствующих внушений и предупреждений лишены прав наблюдателей.

В приходе или городе имеются также солдат-смотритель за осужденными к принудительным работам и палач. Их обязанность — применять меры принуждения к злостным нарушителям закона.

В области или графстве имеется палата судей или сенат графства, состоящий из судьи, миротворцев, наблюдателей и солдат. Эта палата должна осуществлять надзор и контроль за деятельностью должностных лиц, применять закон, в случае необходимости принимать решения (подлежащие рассмотрению парламентом) по делам, не урегулированным законом.

Весьма интересно освещает Уинстенли вопрос об обязанностях начальников почты республики. Они избираются в каждом приходе и каждый месяц отправляют в столицу сообщения о всех важных происшествиях своего прихода; в столице эта информация собирается воедино и о

наиболее серьезных событиях оповещается вся страна. Это дает возможность оперативно оказать помощь той части страны, где произошло какое-либо бедствие (чума, голод, вторжение врага или восстание и т. п.), учесть и предупредить ошибки, где-либо допущенные; служба информации дает возможность также узнать всей стране об открытой кем-либо тайне природы или изобретении, сделанном в искусстве, ремесле или сельском хозяйстве; сверх того, вся страна узнает о почестях, которых удостоен изобретатель, а это служит мощным стимулом для всех в постижении тайн природы.

Рассуждения Уинстенли об обязанностях должностных лиц республики свидетельствуют о том, что идеолог диггеров по-новому решает вопрос о функциях государства. Если королевское правительство занималось главным образом подавлением и принуждением, то перед республиканским правлением встают совершенно новые задачи. Республика должна заниматься в первую очередь вопросами производства и распределения, обучения и воспитания. Необходимость принуждения останется и в республике, но его осуществление не будет основной и главной задачей нового государства. Само это государство строится на строго демократических началах. Все должностные лица и коллегиальные органы избираются народом. При этом учитываются и новые, специфические задачи государства, состоящие в руководстве хозяйством и воспитанием (избрание ряда должностных лиц «по профессиям», назначение должностными лицами «отцов семейств» и т. п.).

Вместе с тем Уинстенли не представлял себе иной власти, кроме государственной. Идея «отмирания государства», замены его неполитической общественной властью осталась чуждой идеологу диггеров. Поэтому в его «идеальной республике» остаются такие должности, как «надсмотрщик», «палач», «солдат» и т. п.

* *
*

Значительное внимание в произведениях диггеров уделялось парламенту, игравшему большую роль в истории Англии и английской революции XVII в.

Еще в 1647 г. появился памфлет (написан предположительно Кларксоном, близким к «истинным левеллерам»), весьма метко характеризующий Долгий парламент как орудие знати и джентри, угнетающих и обманывающих простой народ. Автор памфлета призывал к изменению социального состава парламента; только парламент, избранный из неиму-

³⁹ Уинстенли, стр. 267—268, 271

щих, способен облегчить положение простого народа⁴⁰. В другом памфлете, «Свет, сияющий в Бекингемшире», опубликованном в 1648 г., еще до провозглашения в Англии республики и отмены палаты лордов, о парламенте говорится, как о прислужнике королевской власти, прикрывающем тиранию законом. Автор призывает народ не доверять парламенту, стремящемуся восстановить нормандскую власть⁴¹.

В 1649—1650 гг. отношение диггеров к парламенту противоречиво, как вообще противоречиво их отношение к власти в тот период.

С одной стороны, они довольно недвусмысленно указывают на классовую природу современного им парламента, состоящего из лордов маноров и джентри. Парламент, представляющий только собственников земли, противопоставляется простому народу, не имеющему представительства. Диггеры неоднократно подчеркивают, что существовавшее избирательное право давало доступ к власти только собственникам, в силу чего законы издаются лишь к их выгоде, но не в интересах простого народа. «Союз этих двух партий» — парламента и народа — диггеры объясняют необходимостью свержения королевской власти, которая угнетала и джентри, и народ. Диггеры отмечали, что лорды и джентри, собранные в парламенте, сами призвали простых людей Англии помочь им в борьбе против короля, обещав им уничтожить королевскую власть и утвердить свободу. Это обещание должно быть выполнено. Исходя из этого, диггеры особо выделяли акты парламента, закрепляющие завоевания революции: «ваши два парламентских акта прекрасны и справедливы: первый — об изгнании королевской власти; второй — о превращении Англии в свободную республику».

На эти акты диггеры ссылались неоднократно, подчеркивая, что парламент связан своими обещаниями и должен осуществить их. Разумеется, указанные акты парламента диггеры истолковывали в духе своего учения; ликвидация королевской власти мыслилась ими как уничтожение угнетения простого народа Англии собственниками земли, а превращение Англии в свободную республику обуславливалось передачей в совместное пользование первоначально общинных и некоторых иных земель, а затем всей вообще английской земли. Рассматривая осуществление своих идей как естественное продолжение и завершение революции, начатой парла-

⁴⁰ См. М. А. Барг. Генезис идеологии истинных левеллеров, стр. 179—181. В этом памфлете, пишет М. А. Барг, «проявляется такое глубокое понимание классовой обусловленности всей политики парламента, такая ясность в обрисовке подлинных причин угнетения бедных, что в нем нельзя не видеть отражения пробуждения социального самосознания обездоленных масс...» (там же, стр. 179).

⁴¹ См. В. П. Волягин. Ук. соч., стр. 12 и сл.

ментом, диггеры утверждали, что их цель представляет «жизнь и костяк» того дела, за которое высказывался парламент и боролась армия. «...Мы усовершенствуем победу над королем Карлом, которую одержали вы от имени коммунеров, — писал Уинстенли лорду Ферфаксу. — Поступая так, мы скорее ожидали покровительства, чем уничтожения»⁴².

В связи с этим диггеры высказывали и иной, чем изложенный выше, взгляд на природу парламента. Противоречия своим характеристикам парламента как органа лишь определенных классов Англии (лордов и джентри), а избирательного права как способа обеспечения господства имущих, диггеры нередко называли депутатов парламента «служителями нации», утверждали, что «они выбраны нами (т. е. народом) на специальную работу и на определенное время из нашей среды не для того, чтобы стать угнетающими нас господами, но слугами, помогающими нам».

Диггеры рассчитывали на помощь революционного парламента и армии: «...мы живем в претворении той работы, которая является самой жизнью и отражением дела парламента, каковой мы делаем честь парламенту и его делу; ...этим самым должны быть созданы нерушимые основы английских законов, или свободы республики, каковыми являются справедливость и разум».

В «Законе свободы» Уинстенли рассматривает парламент как «высшую палату справедливости в стране». Так же как отец заботится о своем семействе, так и парламент должен снять все тяготы с народа страны. При этом «его заботливое око должно прежде всего помогать угнетенным, стонущим под законами и властью тиранов: сильные люди или люди, пользующиеся поддержкой тирана, не нуждаются в помощи»⁴³.

Однако, продолжает Уинстенли, при королях деятельность парламента была направлена на укрепление власти тиранов, усиление богатых и сильных. Это происходило по той причине, что «в королевские времена никто не избирал и не был выбран в парламент или законодатели, кроме лордов маноров и фригольдеров, лиц, которые получили торговые вольности... Весь низший люд не мог ни выбирать, ни быть выбранным...»⁴⁴. Кроме того, в старом парламенте никто из его членов не мог противоречить воле короля, так как король или палата лордов отдавали в таком случае приказ заключить его в тюрьму, либо король вообще распускал парламент. Лишь одну строку свободы, пишет Уинстенли, получил простой народ благодаря мудрости, смелости, верности и усердию некоторых парламентских деятелей. «Эти хорошие строки

⁴² Уинстенли, стр. 147, 110

⁴³ Там же, стр. 279.

⁴⁴ Там же, стр. 332—333

о свободе в Великой хартии были получены с большим трудом, благодаря настойчивости»⁴⁵

Но, пишет Уинстенли, не будем касаться прошлого, так как есть надежда на улучшение «теперешний парламент провозгласил Англию свободной республикой и изгнал нашу королевскую власть. На этом основании я радую себя надеждой, что последующие парламенты будут нежными и сердечными отцами угнетенным детям страны»⁴⁶.

Показательно, что свои надежды Уинстенли возлагает на последующие парламенты, т. е. избранные после современного ему Долгого парламента, состоящего из лордов и джентри. В «Законе свободы» он высказывает беспокойство по поводу того, что «поток сменяющих друг друга парламентов остановлен». Рассматривая такую смену как одну из величайших гарантий мира, безопасности и свобод народа, он выражал опасение, что «если эта остановка продолжится, мы будем обижены наследственным парламентом еще более, чем мы были угнетены наследственным королем».

Не высказываясь прямо за переизбрание Долгого парламента (и не исключая возможности осуществления именно этим парламентом программы, изложенной в «Законе свободы»), Уинстенли выдвигал в общей форме требование ежегодного переизбрания парламента. Весьма возможно, что он исходил из того, что преобразование общественного и государственного строя Англии будет осуществлено не Долгим, а вновь избранным парламентом. Это видно из его предложения назначить избранным на республиканские должности (в том числе и в парламент) беднякам «содержание из общих запасов на год, ибо за этот срок республиканская свобода будет утверждена и тогда не будет нужды в подобном жалованьи»⁴⁷.

Уинстенли указывает, какие именно меры должен провести парламент в интересах народа. Он разработал довольно конкретную систему мероприятий, осуществление которых парламентом должно было превратить Англию в «истинную республику», основанную на общественной собственности.

⁴⁵ Уинстенли, стр. 334

⁴⁶ Там же, стр. 280

⁴⁷ Там же, стр. 255 М. А. Барг усматривает здесь «перемежение идеала и действительности» в сочинении Уинстенли, так как, по мнению М. А. Барга, очевидно, что до установления идеального строя бедный не может попасть в парламент (М. А. Барг Социальная утопия Уинстенли, стр. 78—79). Но ведь Уинстенли писал здесь явно и определенно о периоде перехода к идеальному строю, в осуществлении которого важную роль должен сыграть парламент. Поскольку же Уинстенли беспокоило преобладание в Долгом парламенте лордов и джентри, отнюдь не исключено, что автор «Закона свободы» ставил в связь преобразование общественного строя Англии прежде всего с избранием в парламент немущих

Парламент должен немедленно дать возможность бедным угнетенным людям страны обрабатывать на коллективных началах общинные земли, а также монастырские, епископские, коронные земли, конфискованные у их прежних владельцев. Для этого должны быть обузданы богатые лендлорды и фригольдеры, препятствующие беднякам обрабатывать эти земли. Парламент должен также объявить неправомерными все сделки купли-продажи общинных земель. Он должен наказать должностных лиц, нарушавших республиканские законы, а также обуздать лордов, сборщиков десятины, юристов, угнетавших народ на основе старых королевских законов⁴⁸.

Парламент должен отменить старые угнетательские законы и разработать, а затем утвердить новые законы для облегчения положения и свободы народа.

Уинстенли выдвигает новую и важную мысль, что изменение законов в интересах народа не может осуществляться без его участия. Члены парламента «должны просить согласия не тех людей, которые заинтересованы в старых угнетающих законах и обычаях, как обычно делали короли, но тех, кто был угнетен». Поэтому, выработав по какому-либо вопросу заключение, парламент не должен сразу превращать его в закон. Должна быть обнародована декларация для одобрения народом новых постановлений. Если в течение месяца не поступит возражений от народа, парламент может принять молчание народа за согласие и придать постановлениям силу закона, чтобы они стали принудительным правилом для всей страны⁴⁹.

Здесь, несомненно, сказались недоверие Уинстенли к современным ему парламентам, законодательную деятельность которых он считал необходимым поставить под контроль народа. Вместе с тем участие народа в законодательстве Уинстенли рассматривал как необходимое условие не только учреждения, но и сохранения свободной республики.

Характерна аргументация Уинстенли. «Если народ должен быть весь подчинен закону под угрозой наказаний, следовательно, есть полное основание ему узнать этот закон прежде, чем он будет введен в силу, для того, чтобы можно было обнаружить и исправить, если б оказалось нечто от совета угнетения в нем».

⁴⁸ См. Уинстенли, стр. 281—282, 285—286 М. А. Барг усматривает и здесь перемежение идеала и действительности в сочинении Уинстенли на том основании, что в идеальной республике вся земля должна стать общенародным достоянием (М. А. Барг Социальная утопия Уинстенли, стр. 78). Непонятно, в чем здесь можно усмотреть такое перемежение, так как Уинстенли довольно ясно указывает на то, что это — неотложная задача именно существующего парламента («Теперь задача парламента» и т. д.). Обращение в общенародное достояние всей земли Англии Уинстенли полагал возможным осуществить в последующем

⁴⁹ См. Уинстенли, стр. 283—284

Но ведь может случиться, предвидит Уинстенли возможное возражение, что люди так разойдутся в своих суждениях, что мы никогда не договоримся. На это Уинстенли отвечает, предвосхищая идеи Руссо об общей воле «Существует только рабство и свобода, частный интерес или общий интерес; и тот, кто будет ратовать за то, чтобы внести частный интерес в свободную республику, тот будет тотчас же обнаружен и изгнан, как человек, стремящийся снова вернуть королевское рабство»⁵⁰. К этому он добавляет и то соображение, что люди, занимающие государственные должности, с которыми сопряжены величие и почести, могут быть скорее развращены настолько, чтобы внести свои частные интересы, чем может быть развращена вся страна, которая должна либо страдать под обременительным законом, либо радоваться при законе свободы.

Прежние законы, пишет Уинстенли, «не были изданы простыми людьми, так как простому люду свободной республики еще надлежит издать законы»⁵¹.

Характеру и содержанию этих законов Уинстенли уделяет большое внимание

* *
*

Учение Уинстенли о законе основывается на некоторых идеях школы естественного права

Давая общее определение закона, Уинстенли трактует его как «правило, которым руководствуются человек и другие творения в своих действиях для сохранения общего мира»⁵². Это — закон природы, сила жизни, определяющая действие не только человека, но также животных и растений. В человеке этот закон природы проявляется двояко: неразумно (когда человек из алчного себялюбия стремится к немедленному удовлетворению своих желаний) и разумно (когда путем опыта и наблюдения люди вырабатывают правила для достижения определенных результатов). Этот сдерживающий самоконтроль, пишет Уинстенли, есть тот же закон природы в более высоком виде, чем первый (закон природы, проявляющийся неразумно)

Писанные законы имеют своим источником либо разум, либо неразумие, они создаются в соответствии с волей правящей власти. Разумные законы защищают общую свободу и принижают неразумное своеволие, таковы республиканские законы, законы неразумные создаются алчностью и высоко-

мерием, они поддерживают только свободу завоевателей и порабощают простой народ⁵³

Корнем истинных республиканских законов Уинстенли считает общее самосохранение «Все отдельные законы, созданные на основе опыта и вызываемые к жизни необходимостью общего самосохранения, являются отростками и ветками этого древа»

Корнем древа тирании, закона несправедливости и всех специальных королевских законов, измышленных алчной политикой ради порабощения, является личное самосохранение, когда отдельные должностные лица ищут собственного блага, довольства, почестей, богатства и свободы на земле⁵⁴.

Вопрос о «корнях закона» решается Уинстенли в конечном счете идеалистически, однако здесь необходимо учесть и то, что Уинстенли ссылается на обусловленность «природы человека» природой правления, а основой королевского либо республиканского правления считал законы о земле. Он нащупывал связь законодательства с отношениями собственности, что в известной мере было отходом от идеалистической концепции школы естественного права

Необходимость государственных законов Уинстенли обосновывает следующим образом

Во-первых, должны и могут происходить нарушения общественного порядка из-за невежества, грубости, глупости, эгоизма, своеволия отдельных лиц. Предвидя возможность таких эксцессов, Уинстенли указывает на необходимость «заставлять подчиняться закону или правилу недисциплинированных людей, для которых именно и был добавлен закон, чтобы поддерживать мир среди населения во время обработки земли, сбора урожая и для спокойного пользования последним»⁵⁵. Иными словами, закон, снабженный принудительной санкцией, по мысли Уинстенли, необходим для пресечения эксцессов отдельных лиц, нарушающих общественный порядок.

Во-вторых, господство закона обеспечивает общую свободу и равенство, исключая чей-либо произвол «Не будет ни королей-тиранов, ни лордов маноров, ни облагающих десятиной попов, ни угнетающих юристов, ни вымогателей ленд-лордов, ибо справедливый закон будет правилом для каждого и судьей всех человеческих поступков»⁵⁶

Здесь Уинстенли высказывает мысль о том, что равное подчинение всех справедливому закону исключает произвол, зависимость одного лица от другого, обеспечивая тем общую свободу.

⁵³ См Уинстенли, стр 336—339

⁵⁴ См там же, стр 243—244

⁵⁵ Там же, стр 246

⁵⁶ Там же, стр 238

⁵⁰ Уинстенли, стр 284

⁵¹ Там же, стр 332

⁵² Там же, стр 335

Наконец, законы необходимы, по мнению Уинстенли, для того, чтобы урегулировать весьма обширную деятельность органов новой республики, занятых уже не только принуждением (как королевское правление), но и руководящих хозяйством, распределением, воспитанием, обучением.

Основой истинного республиканского управления Уинстенли называет закон общего сохранения мира и свободы, закон общего самосохранения, закон необходимости, по которому земля должна быть обработана для общего сохранения и мира ⁵⁷.

Исходя из такого широкого понимания закона, Уинстенли пишет. «Должны быть подходящие законы для каждого случая и почти для всех действий, совершаемых людьми, ибо закон не может быть применим во все времена года, но каждое время года и каждый поступок имеет свои особые законы, которые предусматривают поддержание надлежащего порядка. Так, например, существует время для пахоты и законы, правильно толкуемые, регулируют эту работу; и существует время для сбора урожая земли и законы, требующие правильного соблюдения этого».

Совершенно очевидно, что Уинстенли смешивает юридические и технические нормы; это смешение связано с мыслью Уинстенли, что истинная республика должна не только охранять общественный порядок, но и руководить в централизованном порядке народным хозяйством. Отсюда и проистекает представление Уинстенли о том, что законодательство республики охватит все стороны жизни общества: «Принимая во внимание, что у нас ежегодно будет созываться парламент, будут выработаны правила для каждого действия, которое может предпринять человек» ⁵⁸.

Однако Уинстенли высказывается против многочисленности, обширности и сложности законодательства. Многочисленность законов королевских времен в Англии, их запутанность и противоречивость были, как отмечено, источником ряда зол. Народ не знал законов, бесчисленны были раздоры к выгоде корыстолюбивых юристов и королей.

В республике законов должно быть мало, они будут кратки и известны народу. Краткие и сильные законы, пишет Уинстенли, лучшие для управления республикой. Эти законы должны оглашаться священниками перед народом четырежды в год «Если бы существовали хорошие законы, но народ не знал их, для республики было бы так же плохо, как если бы законов не было вовсе» ⁵⁹.

В книге Уинстенли излагаются те специальные законы или система законов, коими может управляться республика ⁶⁰. Этот проект состоит из 62 законов, содержащих государственно-правовые, брачно-семейные, процессуальные, уголовные, исправительно-трудовые и иные нормы. Ими регулируются наиболее важные стороны жизни республики. В конституцию включены, в частности, законы об обработке земли, законы против праздности, законы о складах, законы о наблюдателях, законы против купли и продажи, законы навигации, законы о серебре и золоте, законы о выборе должностных лиц, законы против измены, закон о свободе, законы о браке, законы о лицах, утративших свою свободу, и другие.

Резкой критике подвергал Уинстенли произвол и беззаконие, допускавшиеся при королевском правлении. Основой республиканского устройства должна быть законность: «Ибо когда правят правильно созданные законы, правление здраво, но когда воля должностных лиц господствует над законом, такое правление поражено смертельным недугом... Должно быть добросовестное исполнение этих законов; и в этом именно заключается подлинная жизнь правительства».

Уинстенли уделяет особое внимание необходимости соблюдения законов должностными лицами, «ибо, — пишет он, — конечно, беспорядочные поступки должностных лиц более чем каких-либо людей нарушают мир республики» ⁶¹. Именно нарушение закона отдельными должностными лицами, ищущими собственного блага, довольства, почестей, богатства и свободы на земле, является корнем древа тирании и закона несправедливости; свобода гибнет, пишет Уинстенли, обращаясь к Кромвелю и явно имея в виду его «грандов», когда должностные лица захватывают землю в свои руки и тем самым поднимаются до положения господ над своими хозяевами, народом, избравшим их ⁶².

Исходя из мысли, что «закон сам по себе, как он дан нам в тексте, является разумом и решением парламента и народа страны», Уинстенли категорически возражает против какого-либо толкования закона при его применении.

⁶⁰ См Уинстенли, стр 342—358

«Впервые в истории социалистической мысли, — писал В Стальний, — идея коммунистического общества была изложена не в форме рассказа о строе, существующем в какой-то фантастической стране, а в виде детального, разделенного на статьи законопроекта Тут Уинстенли на 100 лет опередил Морелли с его «образцом законодательства, согласного с намерениями природы», и на 150 лет Бабефа, предполагавшего на другой день после переворота ввести в действие проекты своих декретов» (В Стальний Уинстенли — идеолог коммунизма в Великой английской революции, стр 68)

⁶¹ Уинстенли, стр 227, 244.

⁶² См там же, стр. 243, 247.

⁵⁷ См Уинстенли, стр 242

⁵⁸ Там же, стр 202

⁵⁹ Там же, стр 283—290, 340—342

«Сам закон является судьей всех людских поступков...», «...простая буква закона будет одновременно и судьей и юристом, контролируя поступки каждого человека...», «судья есть уста для произнесения закона...», «...если и закон будет хорош, но толкование его может быть предоставлено воле судьи, то выполнение его может часто оказываться плохим», «вся работа судьи заключается в объявлении суждений и смысла закона» — многократно и настойчиво повторяет Уинстенли. Первый из законов республики, предлагаемых в «Законе свободы», гласит: «Буквальный текст закона, утвержденного парламентским актом, будет руководством для должностных лиц и народа и главным судьей всех поступков»⁶³.

Уинстенли предусматривает специальные меры для пресечения нарушений законов должностными лицами. Те, кто добавят или убавят что-нибудь в законе, исполнят свою волю вопреки закону или в том случае, когда не будет закона, будут сняты со своей должности и никогда более не будут избраны на должность. Применение закона за деньги или вознаграждение карается смертью.

Палата судей (сенат графства) осуществляет надзор и контроль за каждым должностным лицом в своем графстве или в его определенной части; наблюдение над всеми палатами, должностными лицами, отдельными лицами и их поступками принадлежит парламенту.

Весьма интересно решает Уинстенли вопрос о необходимости принуждения для охраны законов. Если «королевские законы», закрепляющие частную собственность, представляют собой «кулачное право», опирающееся исключительно на принуждение в самых его суровых формах, то законы республики отвечают интересам большинства народа и потому для их соблюдения требуется прежде всего воспитание и просвещение граждан, разъяснение им содержания законов.

Но и в республике остается необходимость принуждения. Это вытекает из того, что невежественные, грубые и эгоистичные люди могут нарушать республиканские законы. Поэтому в республике должны иметься суды и карательные органы для наказания и исправления правонарушителей.

Уинстенли пишет также, что «если должностное лицо будет ослеплено алчностью и высокомерием и невежество будет руководить им, то и стоящий ниже него человек может указать ему, где он сбился с пути». В обоснование этого Уинстенли ссылается на то, что закон общего самосохранения «написан в сердце каждого человека, чтобы быть его руко-

⁶³ Уинстенли, стр. 201—202, 274—276, 278, 342. Лишь в случае обнаружения пробела в законе палата судей (сенат графства) имеет право сама решать то или иное дело, причем это решение подлежит обязательному рассмотрению парламента (там же, стр. 278).

водителем и вождем»⁶⁴. Здесь Уинстенли использует ссылку на «внутренний закон» в иных целях, чем в памфлетах 1649—1650 гг.: если там она делалась в обоснование «ненадобности» какой-либо внешней власти, то в «Законе свободы» она подкрепляет уже иной тезис — о необходимости и допустимости контроля снизу за деятельностью должностных лиц, об участии народа в управлении и охране законности.

В целом «Закон свободы» совершенно порывает с теми «непротивленческими» нотками, которые содержались в произведениях диггеров 1649—1650 гг. и обосновывает необходимость принуждения в целях охраны общей свободы.

Нельзя поэтому согласиться с теми упреками, которые по этому поводу делает Уинстенли М. А. Барг, утверждая, что необходимость принуждения в идеальной республике Уинстенли аргументируется весьма расплывчато. Как пишет М. А. Барг, возможность мятежей и преступлений со стороны отдельных граждан в такой республике должна быть исключена Уинстенли же, по мнению М. А. Барга, наделял будущее общество чертами современной ему Англии (возможность роялистских мятежей, моральная неполноценность современников Уинстенли)⁶⁵.

Во-первых, Уинстенли, говоря о необходимости принуждения, далеко не всегда имеет в виду республику, как полное осуществление своего идеала. Ясно, например, что взимание денег за применение закона, караемое, по проекту Уинстенли, смертной казнью, а также купля-продажа земли и ее плодов, оплата труда⁶⁶, согласно общей идее «Закона свободы», возможны лишь в переходный период, когда в общественную собственность перешла лишь часть земли Англии и еще существуют деньги. Отстаивая же необходимость принуждения в переходный период, Уинстенли не только не совершал ошибку, но, напротив, преодолел присущий диггерам в 1649—1650 гг. ошибочный взгляд на принуждение, как нечто вообще греховное и недопустимое.

Во-вторых, исходя из представления, что «перед глазами Уинстенли в качестве членов идеального общества стояли его современники, с их страстями, типичными для тогдашнего общественного строя»⁶⁷, М. А. Барг считает ошибочным мнение Уинстенли, что в идеальном обществе причиной правонарушений будут жадность, гордыня, страсть к накоплению, мотовство и аналогичные качества отдельных лиц. Однако Уинстенли указывает иную причину проступков, возможных в идеальной республике. Такой причиной он на-

⁶⁴ Уинстенли, стр. 243

⁶⁵ См. М. А. Барг Социальная утопия Уинстенли, стр. 80.

⁶⁶ См. Уинстенли, стр. 342, 349—350.

⁶⁷ М. А. Барг. Социальная утопия Уинстенли, стр. 80.

зывает не отрицательные моральные качества, порожденные частной собственностью, а невежество, грубость, глупость, эгоизм, своеволие. Исходя из представления, что «алчность, гордость, лицемерие, зависть, уныние, страх, отчаяние и безумие — все это вызывается внешним рабством, которое одни люди налагают на других», Уинстенли утверждал, что после свержения королевского рабства и установления республиканской свободы «знание покроеет землю, как вода моря, но не раньше этого»⁶⁸. Но и тогда, по мнению Уинстенли, возможны нарушения законов со стороны отдельных лиц в силу их эгоистичности или недостаточной просвещенности.

Такое обоснование возможных эксцессов в будущем обществе само по себе не является ошибочным. Как известно, марксизм-ленинизм не отрицает возможности эксцессов отдельных лиц при полном коммунизме, равно как и необходимости подавлять такие эксцессы⁶⁹. Обосновывая необходимость принуждения на период перехода к идеальному строю, а также для подавления эксцессов отдельных лиц после утверждения строя общности, Уинстенли не только не совершает ошибку, но, что важно отметить, исправляет присущее диггерам на первых порах их движения неправильное представление о «пробуждении внутреннего голоса справедливости» в каждом человеке, делающем вообще излишней всякую власть и принуждение.

Но Уинстенли совершает другую ошибку. Автор «Закона свободы» не имел представления о закономерностях развития государства и права, обусловленных ликвидацией частной собственности и заменой ее собственностью общественной. Ему неясна перспектива перерастания норм права в моральные и другие неюридические нормы. Так же как в будущем коммунистическом обществе Уинстенли сохраняется государство, так остается и право. Мысль о самодействующей организации коммунистического самоуправления, подавляющей эксцессы отдельных лиц без специального аппарата принуждения, осталась ему неизвестной, хотя Уинстенли и весьма настойчиво подчеркивал необходимость активного участия народа в охране законов республики.

* *
*

Рассуждая об уголовном праве и процессе в свободной республике, Уинстенли высказывает ряд прогрессивных по тому времени мыслей.

Республика будет карать совсем иные проступки, чем королевское правительство.

⁶⁸ Уинстенли, стр. 211—212, 292.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 435—436.

Смертью будет караться купля или продажа земли и ее плодов, попытка поднять восстание в целях утверждения частной собственности, взимание денег или вознаграждение за применение закона, убийство, изнасилование.

Исправительные работы, а в некоторых случаях телесные наказания или позорный стул применяются за куплю и продажу, попытку присвоить землю в собственность, уплату и получение платы за работу, уклонение от труда, нерадивое отношение к труду или к общественной собственности, сопротивление должностному лицу, оскорбление других лиц, посягательство на их личную собственность⁷⁰, сплетни, клевету.

Применяются также такие меры, как публичный выговор, лишение политических прав и другие.

Применению наказаний за правонарушения обычно должно предшествовать увещание правонарушителя, принятие мер предупредительного характера. Этому Уинстенли уделял исключительно большое внимание. Им разработана целая система предупреждения правонарушений в свободной республике.

В случае возникновения ссоры или совершения кем-либо мелкого правонарушения должностные лица (миротворцы, наблюдатели) увещают нарушителя порядка, стремятся примирить спорящих; если цель достигнута, нарушитель получает выговор и дело на этом кончается. Если должностные лица не сумели убедить нарушителя исправиться, дело передается в суд, который назначит соответствующее наказание.

Такой порядок, оговаривает Уинстенли, применяется в случае мелких правонарушений; если преступление привело к чьей-либо смерти, нарушитель передается суду без каких-либо попыток примирения и до суда заключается в тюрьму. Другие нарушители до суда в тюрьму не заключаются, во-первых, чтобы избежать жестокости тюремного заключения, во-вторых, чтобы получить возможность опаматоваться и исправить свое поведение, в силу чего приговор может быть смягчен. Однако бегство, попытка укрыться от суда карается смертью, а укрывательство беглых преступников — лишением свободы.

⁷⁰ Уинстенли одним из первых обосновал идею личной собственности граждан коммунистического общества «Дом каждого человека будет составлять его личную собственность, и вся обстановка, находящаяся в нем, а также и запасы, которые он получил со складов, будут принадлежать только ему». Соответственно посягательство на личную собственность должно караться законом (см. Уинстенли, стр. 223—224). Это, однако, вовсе не означает, будто диггеры стремились «уравнять всех людей до положения мелких индивидуальных производителей, крестьян и ремесленников» («Английская буржуазная революция XVII века», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 177—178). Весьма настойчиво и последовательно диггеры проводили идею коллективного труда на основе общественной собственности.

Дело на суде слушается без наемного адвоката; обвиняемый и обвинитель излагают суть дела. Для изобличения преступника необходимы два или три свидетеля или его собственное признание. Наказание может быть наложено только за действительное преступление или за оскорбительные слова; ни одного человека нельзя притеснять за его религиозные убеждения.

Очень интересен «Закон против праздности», изложенный в книге Уинстенли: «Если кто-либо откажется учиться ремеслу или нести работу во время сева или жатвы, или откажется быть хранителем в складах, однако захочет питаться и одеваться, как и трудящиеся люди, то блюститель сначала будет увещевать его наедине; если он будет пребывать в праздности, блюстители сделают ему выговор, после чего ему будет дан месячный срок в присутствии народа; при дальнейшей праздности он будет наказан кнутом и снова оставлен на свободе на один месяц; при дальнейшем неповиновении он будет передан в руки смотрителя за принудительным трудом и определен на работу на двенадцать месяцев или на срок, пока не подчинится правильному порядку. Причиной, по которой каждый юноша должен быть обучен тому или иному труду, является предотвращение высокомерия и недовольства; это делается ради их физического здоровья, для наслаждения ума, чтобы они имели возможность свободно трудиться совместно с другими. И это обеспечит республику изобилием пищи и всего необходимого»⁷¹.

В этом проекте наслоения XVII в. (телесные наказания) весьма причудливо переплетаются с гуманными и целесообразными мерами борьбы с тунеядством; обращает на себя внимание и обоснование этих мер, содержащееся в тексте закона.

Одним из видов наказания, как отмечено, являются принудительные работы. К этому виду наказания приговариваются лица, совершившие антиобщественные проступки (каковы уклонение от труда, покупка и продажа, попытка присвоения земли в частную собственность, взимание или уплата вознаграждения за труд, нерадивое отношение к общественным обязанностям, попытка насилия, ссоры, драки и т. д.) и не исправившиеся, несмотря на предупреждения со стороны должностных лиц. «...Тот, кто имеет возможность жить на свободе, но не хочет этого, должен испробовать рабства»⁷². Принудительные работы могут быть назначены на срок — обычно на 12 месяцев (но иногда и на 3 месяца) или без срока — пожизненно или до исправления осужденного.

Осужденные к принудительным работам носят отличительную одежду (из белой шерсти). Они используются на более тяжелых работах, чем свободные люди. Разумеется, жены и дети лишенных свободы не становятся рабами, если сами они не осуждены за совершение преступлений. Смотритель назначает осужденных носильщиками, возчиками или сельскохозяйственными рабочими к кому-либо из свободных людей. Если лишенные свободы выполняют свои нормы, они получают достаточное количество пищи и одежды; легкомысленные, ленивые, оскорбляющие законы наказываются и получают грубую пищу. Побег или бунт заключенных карается смертью.

Осужденные, давшие явное доказательство своего смирения, прилежания и старания соблюдать законы республики, могут быть освобождены по приговору судей. Освобождение возможно по истечении срока лишения свободы; но если осужденный не исправился, он пребывает в рабстве до истечения второго срока. Забывая, очевидно, что в некоторых случаях принудительные работы назначаются на 3 месяца, Уинстенли пишет, что никто не может быть освобожден ранее, чем через год, ибо они должны находиться зиму и лето в одинаковых условиях.

Так Уинстенли решает вопрос о «рабах» в идеальной республике. Вряд ли можно отрицать влияние идей Томаса Мора на эти взгляды Уинстенли. Как и Мор, он исходит из мысли, что «законы республики требуют исправления, а не уничтожения». Смертная казнь за наиболее тяжкие преступления остается. Но чаще правонарушители подвергаются после соответствующих увещеваний и предупреждений лишению свободы, сопряженному с принудительным трудом для республики. «А какую цель это преследует? — пишет Уинстенли. — Убить их высокомерие и неразумие, чтобы они стали полезными людьми для республики»⁷³.

Уинстенли, как и Мор, нередко именует осужденных к лишению свободы «рабами». Выше уже показана условность этого наименования. Речь здесь идет не о рабстве, а о такой мере наказания за серьезные проступки, которая состоит не только в лишении свободы, но и в использовании осужденных на общественных работах в целях их перевоспитания и исправления. Это более гуманная мера наказания, чем тюремное заключение и смертная казнь, широко применявшиеся во времена Мора и Уинстенли. Обосновывая эту меру, социалисты-утописты исходили из новой и прогрессивной мысли об общественно полезном труде, как важном средстве перевоспитания правонарушителей. Надо добавить, что указанному наказанию подвергаются лица, нарушающие

⁷¹ Уинстенли, стр. 346.

⁷² Там же, стр. 347.

⁷³ Уинстенли, стр. 272—274, 354—356

законы государства, основанного на общественной собственности и всеобщей обязанности трудиться; об особенностях этих законов уже говорилось.

В связи с этим нельзя согласиться с упреком, который нередко делается Мору и Уинстенли за сохранение «рабства» в их утопиях. Сочинение Уинстенли особенно ясно показывает, что так называемая «проблема грязных работ» вовсе не обуславливает мысль о «необходимости рабства» в идеальном государстве. Речь идет не о рабстве, а о новой, более прогрессивной мере наказания и перевоспитания лиц, совершивших антиобщественные поступки. В связи с этим нельзя принять мнение М. А. Барга: «Хорошо известно, что порабощение как меру наказания за проступки против общего блага знают почти все утопии XVI—XVII вв. Утопия Уинстенли не является исключением. В ней даже предусматривается в каждом приходе должность надсмотрщика за принудительными работами общественных слуг»⁷⁴. Мысль Уинстенли не заслуживает порицания, которое здесь содержится. Напротив, эта мысль, очищенная от наслоений XVI—XVII вв., в известной мере созвучна некоторым положениям нашего исправительно-трудового законодательства.

Но в целом учение Уинстенли о государстве и праве (в том числе уголовном) будущего общества ненаучно и утопично. Уинстенли не понял (и по условиям времени не мог понять), что развитие коммунистического общества, переход к полному коммунизму, обуславливает отмирание государства и права, их постепенное перерастание в неполитическую организацию общественного самоуправления, в систему норм общежития, не имеющих юридического характера. Уинстенли осознал, что государство необходимо трудящимся для утверждения «строения общности». Им высказан ряд по тому времени гениальных догадок о принципах организации и деятельности этого государства, об основных чертах права, о роли трудящихся в управлении государством и охране законности. Но сама «идеальная республика» рисуется им как нечто застывшее и неизменное, не меняющееся с развитием общества.

Особого внимания заслуживают страницы «Закона свободы», посвященные армии. Здесь с наибольшей ясностью выразился отход Уинстенли от первоначальной «непротивленческой» тактики. Рассуждения Уинстенли об армии ан-

⁷⁴ М. А. Барг. Социальная утопия Уинстенли, стр. 80. Аналогичное суждение см. в кн. С. Б. Кана «История социалистических идей»: «Рабство сохраняется и им (Уинстенли) в такой же, как у Т. Мора, смягченной форме» (стр. 30).

лийской республики содержат слабо замаскированный призыв к продолжению революции, обращенный к солдатам и всему народу Англии. Довольно прозрачно Уинстенли указывает и на силы, противящиеся революции: это Кромвель и высшие офицеры, «гранды-индепенденты», обманувшие солдат и присвоившие народные земли.

Уинстенли начинает с изложения вопроса о войне и мире. Он неоднократно подчеркивал, что ликвидация частной собственности уничтожит причины агрессивных войн; республиканское правление перековывает мечи и копья на орала и серпы⁷⁵. Но и республике приходится вести войны против вторжений иноземных врагов либо для подавления реакционных мятежей. В этих случаях парламент должен ознакомить народ с причиной войны, собрать армию и дать отпор врагам республики⁷⁶.

Рассуждения Уинстенли об армии свидетельствуют о том, что идеолог диггеров не только не исключал насильственного ниспровержения остатков королевской власти, но и прямо призывал английскую армию и народ к такому ниспровержению.

Задача республиканской армии — помогать должностным лицам, следящим за соблюдением законов, и защищать их. В случае необходимости народ должен с оружием в руках выступить на защиту своих законов и должностных лиц, которые правят хорошо; это необходимо в случае вторжения врага, восстания или мятежа себялюбивых должностных лиц или темного народа, для подавления мятежа любого глупца, желающего нарушить общий мир.

Армия, пишет Уинстенли, делится на два рода.

Правящей армией в мирное время Уинстенли называет магистратуру; все должностные лица, от отца семейства до парламента, являются главами и вождами армии, весь народ — ее рядовым составом. Правящая армия охраняет законы, которые, замечает Уинстенли, «своею кровью в боях отвоевала у угнетателей сражающаяся армия»⁷⁷. Отметим, что уже здесь Уинстенли ясно дает понять читателю, что законы свободной республики должны быть добыты в бою, отвоеваны у угнетателей; отсюда видно, что ко времени опубликования «Закона свободы» диггеры окончательно отказались от «непротивленческой» позиции времен общины на холме св. Георгия.

Сражающаяся армия, именуемая полевыми войсками, используется либо для обороны от иностранного вторжения, либо для ликвидации невыносимого гнета. Когда свободе рес-

⁷⁵ См. Уинстенли, стр. 203, 235 и др.

⁷⁶ См. там же, стр. 287—288.

⁷⁷ Там же, стр. 306.

публики грозит опасность, народ поднимается в качестве армии, чтобы зарубить и растерзать на куски либо выродившихся должностных лиц, либо темных людей, ищущих своей собственной корысти и изменнически стремящихся уничтожить законы общей свободы, поработить страну и народ, подержать или снова восстановить королевское рабство. Уинстенли пишет, что «если какая-нибудь страна будет завоевана и поработана так, как была поработана Англия своими королями и их захватническими законами, тогда армия должна быть создана в величайшей тайне, насколько это возможно, для восстановления страны и освобождения ее, чтобы земля могла стать общей сокровищницей... Эта последняя война называется гражданской войной. Это война простых людей Англии против короля Карла, ныне свергнутого...».

Ныне, пишет Уинстенли, простые люди Англии создали армию, свергли нормандское иго и снова мечом отвоевали свои законы и вольности; но, добавляет он, существует опасность, что Государственный совет и офицерские комитеты (состоящие из «грандов-индепендентов» Кромвеля) могут одурачить солдат и снова ввергнуть их в рабство на новом основании. Враг стремится восстановить королевский авторитет; он не смог победить народ на поле битвы, но может одолеть его своей политикой в новых органах, если народ не будет держаться сплоченно. «Следи за этим, армия Английской республики!»⁷⁸.

Если вожди боровшейся против королевского гнета армии, продолжает Уинстенли, не выполняют своих обязательств дать угнетенному народу республиканскую свободу, сохраняют в своих личных интересах часть королевской власти, то такие вожди «будут хуже грабителей и тиранов, хуже, чем короли, коих они свергли». Усевшись на трон тирана и присвоив себе землю, право на которую принадлежит народу, такие вожди и должностные лица изменяют республике, попирают общую свободу.

Осудив почти открыто Кромвеля и его «грандов», Уинстенли заключает: «Монархическая армия поднимает горы и вытаптывает долины, т. е. выдвигает тиранов и попирает угнетенных, оттесняя их на бесплодную стезю бедности.

Республиканская же армия подобна Иоанну Крестителю, который сравнивает горы с долинами, свергает тирана и возвышает угнетенных и тем самым пролагает путь миру и свободе, дабы они правили и наследовали землю.

Из всего сказанного Англия может видеть, когда армия поступает хорошо и когда она приносит вред»⁷⁹.

⁷⁸ Уинстенли, стр. 308—309.

⁷⁹ Там же, стр. 312—313.

Вряд ли эти слова идеолога диггеров требуют особых комментариев. В «Законе свободы» Уинстенли через голову Кромвеля, грандов и парламента обращался непосредственно к армии и народу Англии, призывая их бороться за республиканскую свободу. Книга Уинстенли адресована отнюдь не только Кромвелю⁸⁰.

Поэтому совершенно неосновательны рассуждения некоторых авторов о «мирной, непротивленческой позиции диггеров». Нельзя согласиться, в частности, с выводами А. М. Деборина, будто Уинстенли «полагал, что можно добиться освобождения крестьянства путем сговора с помещиками и властями. Он, как и все диггеры, был против применения насилия, считая возможным осуществление общинного коммунизма мирными средствами... Он проповедовал непротивление и любовь даже к угнетателям народа, которых он величал «старшими братьями», и считал, что их не следует «обижать»⁸¹. Приведенные выше выдержки из «Закона свободы» достаточно ясно свидетельствуют о необоснованности таких выводов.

Уинстенли, что очевидно, не очень рассчитывал на содействие властей Англии в осуществлении идеалов диггеров; поэтому он включил в «Закон свободы» почти открытый призыв к продолжению революции силами народа.

⁸⁰ О том, что «Закон свободы» посвящен Кромвелю, пишется часто. Однако в посвящении Уинстенли обращается не только к Оливеру Кромвелю, а также к «братьям-англичанам.. и всем народам мира». См. полный текст посвящения: Уинстенли, стр. 179.

⁸¹ А. М. Деборин Социально-политические учения Нового времени, т. I М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 176. См. также рецензию Г. П. Беляевой, Г. Б. Гальперина, И. Б. Зильбермана и других на кн «История политических учений», ч. I М., Изд-во ВЮЗИ, 1959, где мне, как автору соответствующего раздела указанной книги, делается упрек, что в рецензируемой книге «не подчеркнут пассивный «непротивленческий» характер их (диггеров) учения» «Вестн. ЛГУ», серия экономики, философии и права, 1961, № 5, вып. 1, стр. 150.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УТОПИИ ДЕНИ ВЕРАСА

«История севарамбов» Дени Вераса, опубликованная в 1675—1679 гг. сначала в Англии, а потом и во Франции, — первая французская утопия. Произведение Вераса написано в форме романа. Этот жанр получил значительное развитие во Франции второй половины XVII в.; некоторым романам присущи были определенные социальные нотки; так, в романах Шарля Сореля обличалась знать и буржуазия и в то же время с теплотой говорилось о бесправных крестьянах и ремесленниках. Традициям французского романа следует и Верас. В форме записок капитана Сидена автор описывает многочисленные приключения и путешествия; там же говорится о Государстве Солнца севарамбов, находящемся в Австралии.

Это произведение стоит ниже «Утопии», «Города Солнца» и «Закона свободы». Не случайно имя Дени Вераса не приобрело той широкой известности за пределами круга специалистов, какую имеют имена Мора и Кампанеллы. Ряд особенностей отличает утопию Вераса от произведений иных социалистов-утопистов. Верас больше внимания уделяет развлекательной стороне повести (описание различных приключений и т. п.), чем обоснованию социалистических идей. Само это обоснование отнюдь не вытекает из изложения: социалистический строй севарамбов установлен у них чуть ли не случайно, после колебаний основателя их государства между частнособственническим и социалистическим строем. Как пишет В. П. Волгин, первое (английское) издание книги Вераса вообще было почти лишено социального содержания¹.

¹ В П. Волгин Французский утопист XVII в. В кн. Дени Верас. История севарамбов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, стр. VII (в дальнейшем обозначается «История севарамбов»).

Некоторые идеи Вераса не просто ошибочны, а даже реакционны (например, оправдание рабства).

Однако утопия Вераса, недостатки которой во многом можно объяснить более медленным темпом развития капитализма во Франции, более медленным темпом пролетаризации масс, что, как отмечает В. П. Волгин, обусловило позднее появление утопического социализма в этой стране², оказала значительное влияние на последующих французских социалистов-утопистов. «Верас не занимает в истории социалистических идей такого места, как Мор или Кампанелла; все же он занимает в ней свое место и потому заслуживает изучения»³.

В отличие от Мора и Кампанеллы Верас довольно обстоятельно описывает историю возникновения Государства Солнца севарамбов.

Основателем этого государства был Севарис (Севариас) — знатный перс древнего рода, получивший блестящее образование. Многочисленные приключения и путешествия дали Севарису богатый жизненный опыт. «Небо при рождении вложило в него столько прекрасных качеств и подготовило его душу столькими испытаниями и несчастьями лишь для того, — пишет Верас, — чтобы сделать его создателем законов самых справедливых, какие когда-либо существовали, и орудием счастья самой счастливой страны в мире»⁴.

Прослышав про южную землю, где жил необыкновенный народ, раздираемый религиозными войнами, Севарис отправился туда с большим отрядом персов. Он нашел в южной земле дикие племена престарамбов и струкарамбов. Возглавив престарамбов, он одержал ряд побед над струкарамбами, а затем, заключив мир, постарался объединить эти народы, с которыми слились и пришедшие с ним персы.

Добившись верховной власти над народом севарамбов (так стал называться народ, образовавшийся в результате слияния туземных племен и персов), Севарис приступил к созданию основных законов государства.

После колебаний он отверг проект разделения народа на классы, подчиняющиеся один другому⁵. Верас пишет, что

² См. В. П. Волгин Французский утопист XVII в., стр. X.

³ Там же, стр. VII.

⁴ «История севарамбов», стр. 164.

⁵ Первоначальный проект предусматривал создание семи классов: 1 Земледельцы, 2 Занимающиеся грубыми ремеслами (каменщики, плотники, ткачи и т. п.), 3 Занимающиеся более тонкими и сложными ремеслами (живописцы, вышивальщики, столяры и т. п.), 4 Купцы, 5 Богатые буржуа, титраторы и другие люди, занимающиеся свободным искусством, 6 Простые дворяне, 7 Знатные вельможи.

Все эти классы, однако, платили подушную подать, достаточно богатые люди могли перейти в высший класс, сделав соответствующий взнос государству («История севарамбов», стр. 199—201).

было почти решено разделить земли и предоставить их ¹³ собственность частным лицам, на чем настаивали все персы ⁶

Севарис сам составил проект, «несравненно более справедливый и лучший, — пишет Верас, — чем те, которые изменялись до сих пор». Исходя из того что общественные бедствия (раздоры, войны и другие беды, омрачающие жизнь людей) исходят главным образом из трех источников: гордости, алчности и праздности — он принял решительные меры для их искоренения.

Гордость и честолюбие поддерживаются существованием наследственного дворянства. Для того чтобы люди различались не по неравенству происхождения, а по добродетелям, Севарис установил деление только на должностных и на частных лиц, а среди последних — по возрасту.

Алчность, зависть, вымогательство и множество других пороков проистекают из богатства и обладания собственностью, вызывающих большие контрасты в обществе. Поэтому Севарис отменил право частной собственности и установил право собственности государственной. Государство неограниченно распоряжается землей и народными богатствами, должностные лица обеспечивают народ всем необходимым.

Наконец, для искоренения праздности и связанных с ней пороков Севарис разделил день на три равные части: восемь часов для труда, восемь — для развлечений, восемь — для отдыха ⁷.

Указанные законы, пишет Верас, без труда были усвоены севарамбами; этому способствовало как «одобрение их божеством», так и то немаловажное обстоятельство, что эти законы немногим отличались от обычаев туземцев, живших общинами и не имевших почти никакой собственности. Напротив, пишет Верас, персам трудно было привыкнуть к общности имущества ⁸.

Одним из первых Верас обстоятельно описывает общественный уклад племен южной земли, живущих в условиях отчасти сохранившегося первобытного коммунизма. Отдельные обычаи этих племен осуждаются Верасом (такова, например, допустимость кровосмешения у одного из племен; впрочем, многоженство, соответствующее обычаям персов, возражений Вераса не вызывает); но в целом Верас считал их уклад

⁶ Персы и впоследствии выступали за раздел собственности. Во избежание подобных беспорядков севарамбы прекратили сношения с материком («История севарамбов», стр. 221).

⁷ «История севарамбов», стр. 201—204. В П. Волгин отмечает, что Верас первым провозгласил эту трехчленную формулу, ставшую столь популярной в XIX в. (там же, стр. XXI). Еще в XVIII в. мы находим соответствующее требование в произведениях Гельвеция на Западе, Козельского в России.

⁸ «История севарамбов», стр. 205, 207.

жизни благоприятствующим установлению у них законов, основанных на общественной собственности ⁹.

Эта мысль Вераса получила развитие в «Кодексе природы» французского социалиста-утописта XVIII в. Морелли, а также в произведениях Мабли, вообще считавшего возможным установить строй, основанный на общественной собственности, лишь у дикарей, не утративших «первобытной чистоты и невинности».

Общественный строй севарамбов таков. Все они живут и работают в «осмазиях» — больших зданиях, вмещающих около тысячи человек. Таких осмазий в стране севарамбов более пяти тысяч. Осмазия — эта община. Ее члены делятся на «дюжины», каждая из которых работает под руководством бригадира. Одни осмазии занимаются более сельским хозяйством, другие — воспитанием подрастающего поколения, иные — разными ремеслами. Земледелие и строительство — основные занятия севарамбов. Труд обязателен для всех. Но обоснование этого своеобразно: праздность — мать всех пороков, поэтому правители севарамбов иногда специально придумывают те или иные работы, чтобы не было праздных. Подрастающее поколение воспитывается государством в общественных школах; обучение связано с производительным трудом.

Распределение осуществляется через общие склады и склады осмазий; должностные лица выдают каждому все, что ему требуется. Верховным собственником всего имущества является государство.

«В конце концов, — пишет Верас о севарамбах, — если подумать о счастье этого народа, то придется признать, что оно настолько совершенно, насколько это возможно на этом свете, и что все остальные народы очень несчастны по сравнению с ними» ¹⁰.

Государственный строй севарамбов Верас определяет как «монархический, деспотический и гелиократический». Но это — по отношению к главе государства, каковым считается Солнце; ему принадлежит господство и высшая власть, оно является единственным хозяином и собственником всего государственного имущества ¹¹.

Провозглашение Солнца главой государства преследует ту цель, чтобы подкрепить общественный и политический строй севарамбов божественной санкцией. Надо, полагал Верас, «укреплять религию, чтобы связать людей совестью, убедив их, что не только в этой жизни, но и после смерти оно (божество. — О. Л.) приготовило награды для добрых и нака-

⁹ «История севарамбов», стр. 184—186.

¹⁰ Там же, стр. 237.

¹¹ Там же, стр. 227.

зания для злых»¹². В этих целях основатель государства Севарис устроил настоящий спектакль, с музыкой и пением, в результате которого народ уверовал, что голос с неба возвестил им волю бога, согласно которой и устанавливаются учреждения и законы севарамбов. Верас считает поведение Севариса весьма замечательным, достойным его ума и прудусмотрительности, хотя и замечает не без иронии, что все умные люди считали «голос с неба» ловкой выдумкой законодателя, чтобы придать больше веса и полноты своей власти¹³.

Верас, таким образом, довольно откровенно высказывает взгляд на религию, как на одно из средств управления простым народом.

Рассматривая государственную власть в той части, где управляют люди, Верас определяет ее как монархию последовательную и деспотическую, с которой сочетаются аристократия и демократия.

Вице-король Солнца (т. е. фактически глава государства) избирается Великим советом и, пишет Верас, народом; эти выборы проходят при участии Солнца, ибо жребий определяет, кто из четырех кандидатов, избранных Великим советом из своей среды, станет вице-королем. Со званием вице-короля нераздельно связан сан главного жреца¹⁴.

В Государстве Солнца севарамбов имеются коллегиальные органы, ограничивающие власть вице-короля.

Должностные лица сначала избираются народом в каждой осмазии. Руководители осмазий (осмазионты) образуют Генеральный совет.

С ростом численности населения из Генерального совета выделился Постоянный совет (один представитель от четырех, затем от шести и, наконец, от восьми осмазий).

Из старших по должности членов Постоянного совета пополняется коллегия сенаторов, которые числом 24 образуют Высший государственный совет.

Сенаторы помогают вице-королю советами; почти все они занимают высшие государственные посты (генералы, адмиралы, префекты важнейших отраслей и т. д.). Из среды членов Постоянного совета назначаются также губернаторы городов и провинций. Все высшие должностные лица имеют при себе особые советы.

К должностным лицам более низкого ранга относятся воспитатели молодежи, руководители сельского хозяйства и построек (эти три категории должностных лиц в большом почете, ибо заняты наиболее полезным для государства де-

лом), префекты по охоте, рыбной ловле и другим отраслям, интенданты строений, публичных празднеств и т. д.

Власть вице-короля Верас называет неограниченной. Он пишет, что вице-король по своему желанию объявляет мир или войну тогда, когда это ему кажется необходимым, ему повинуются во всем, и никто не осмеливается противиться его воле¹⁵.

Однако власть его все же не безгранична. Описывая историю вице-королей севарамбов, Верас пишет, что Совет воспротивился намерению IV вице-короля завоевать новые земли, в связи с чем это намерение потерпело неудачу¹⁶.

Законы севарамбов предусматривают специальные меры, предупреждающие превращение власти вице-короля в тираническую. В случае, если вице-король окажется злым, нечестивым, тираном и пожелает нарушить основные законы, причем окажется невозможным его образумить, Генеральный совет, созданный старейшим сенатором, объявляет о назначении опеки над вице-королем. Эта опека поручается избранному жребием сенатору: вице-король рассматривается как потерявший разум и лишается всех политических прав. В случае, если он одумается, восстановление его в правах осуществляется в том же порядке, в каком он был их лишен¹⁷.

Ограничение власти вице-короля севарамбов осуществляется скорее в пользу аристократического, а не демократического элемента. Хотя Верас и пишет, что вице-король избирается Великим советом и народом, но народ в Государстве Солнца севарамбов почти не принимает участия в управлении государством. Исходя из представления, что «одни рождены, чтобы подчиняться, а другие, чтобы властвовать», Верас считает необходимым создание иерархии должностных лиц, возвышающейся над народом (с этим связано и отмеченное выше использование религии, как средства управления «простым народом»).

¹⁵ «История севарамбов», стр. 216, 237.

¹⁶ См. там же, стр. 222.

¹⁷ См. там же, стр. 232—233.

К. Гуго писал, что Верас, умышленно противопоставляя «неограниченную» власть вице-короля и его фактическую зависимость от других государственных органов, стремился создать скрытую сатиру на Людовика XIV (См К. Гуго. Социализм во Франции в XVII и XVIII столетиях. В кн.: «Предшественники новейшего социализма», ч. II. СПб., 1907, стр. 365—366). Не слишком ли, однако, скрыта и завуалирована эта сатира? Даже в период абсолютизма одни читатели книги Вераса видели в ней «лишь занимательный роман, другие доверчивые люди — рассказ о новом открытии, наконец третьи, более проникательные, думали найти в ней опасное произведение, которое под покровом выдумки прямо нападает на религию и правительство» (см. там же, стр. 366, прим 1, по Prosper Marchand Dictionnaire historique, 1758). Во всяком случае в «Истории севарамбов» нельзя усмотреть, как это делал К. Гуго, «резкую критику государственного строя тогдашней Франции» (см там же, стр. 357).

¹² «История севарамбов», стр. 207.

¹³ См. там же, стр. 196—198.

¹⁴ См. там же, стр. 209—210, 212, 227.

Народ избирает только должностных лиц осмазий; все прочие должности замещаются иным путем (многостепенные выборы, замещение по возрасту, жребий). Должностные лица несменяемы; они занимают свои должности до тех пор, пока это угодно вице-королю и его совету; смещение их крайне редко и связано либо с их добровольным отказом от должности в связи с достижением преклонного возраста, либо (что бывает очень редко) с тем, что они плохо исполняют свои обязанности.

Власть Генерального совета, члены которого (управляющие осмазиями) избираются народом, скорее номинальна, чем реальна. Правда, Генеральный совет решает вопрос о назначении и снятии опеки над вице-королем; однако инициатива постановки этого вопроса и избрание опекуна принадлежит только сенаторам. Сенаторы же избирают из своей среды кандидатов на пост вице-короля¹⁸; они вместе с вице-королем по сути дела и образуют высший орган власти¹⁹.

Что касается Генерального совета, то он созывается новым вице-королем в основном для торжественной церемонии. Совет собирается также для принятия новых законов; в этом случае каждому управляющему осмазией дается проект закона и предлагается высказать по нему мнение; через девять дней закон утверждается и каждый уносит с собой его копию²⁰.

Должностные лица, пишет Верас, стоят выше народа; обязанности их более почетны, чем у простых людей, поэтому они заслуживают большего вознаграждения, которое получают в зависимости от положения, занимаемого ими. Удовлетворение они получают прежде всего от оказываемого им повиновения. Им разрешено иметь больше жен, чем другим гражданам, каждый из них имеет определенное число рабов. Обычно они имеют лучшие жилища, лучшее питание и одежду, чем частные лица. Сверх того, каждый может добиться высшей власти по сравнению с той, какую имеет; все вице-короли, после Севариса, прошли по соответствующим ступеням к высокому посту.

Верас дает весьма своеобразное обоснование иерархии должностных лиц и их преимуществ. Он исходит из того, что все люди по своей природе стремятся к богатству и почестям. Между севарамбами и нами, пишет Верас, лишь та

¹⁸ Первоначально выборы вице-короля осуществлялись Генеральным советом, так был избран преемник Севариса («История севарамбов», стр. 209, 212). Затем, очевидно с ростом числа осмазий и выделением из его среды Постоянного совета, а из среды последнего — Сената, к последнему перешло право избрания вице-короля, закрепленное законом

¹⁹ Поэтому при избрании вице-короля сенаторы обещают ему свою помощь и верность, а все остальные обещают повиноваться и подчиняться вице-королю и его совету («История севарамбов», стр. 231).

²⁰ «История севарамбов», стр. 231—232.

разница, что по условиям жизни мы сплошь да рядом доходим до низостей и преступлений, чтобы выкарабкаться из бедности и темноты, тогда как средства, используемые для возвышения севарамбами, вполне законны и честны.

Севарамбы, которым разрешены лишь благие поступки, могут сохранить свое имущество и общественное положение постоянными добродетельными действиями. «...Все лица, обладающие заслугами и честолюбием, стараются добиться любви и уважения у своих сограждан, чтобы иметь их голоса при выборах».

Верас пишет, что если севарамбы «не все занимают общественные должности, то, по крайней мере, они имеют удовлетворение, что их занимают те, которые возвысились благодаря своим достоинствам и уважению своих сограждан»²¹.

Рассуждения Вераса весьма близки к «теории интереса», развиваемой французскими материалистами XVIII в. (Гельвеций, Гольбах). Однако если Гельвеций и другие идеологи буржуазного просвещения считали средством соединения интересов личности с интересами общества «разумное законодательство», относящееся в основном к области политической (ликвидация сословий и провозглашение равенства перед законом, неприкосновенность личности и частной собственности и т. д.), то Верас усматривал главную связь интересов личности и общества в способе распределения благ. С этих позиций он критикует общество, основанное на частной собственности: «Среди нас есть люди, у которых богатства через край, а другие нуждаются во всем; есть такие, которые проводят жизнь в праздности и наслаждениях, а другие в поте лица зарабатывают на жизнь и влачат нищенское существование. Есть люди, занимающие высокие должности, но не обладающие ни достоинствами, ни способностями для выполнения своих обязанностей. И, наконец, есть вполне достойные люди, которые, не обладая богатством, погрязают в нищете и обречены на вечно жалкую жизнь»²².

Законы севарамбов, пишет Верас, очень справедливы и очень просты. Основными законами закрепляется политический строй Государства Солнца, государственная собственность, всеобщее равенство, запрет праздности, общественное воспитание детей и т. д. Их соблюдение Севарис обеспечивал «мягкостью и угрозой своего оружия» (в другом месте Верас пишет, что «справедливое распределение наград и наказаний» — единственная возможность славного царствования). Если эти законы, пишет Верас, «были мало приятны для злых, то все добрые их одобряли, как правильные и справедливые». Поэтому находилось мало людей, осмеливав-

²¹ «История севарамбов», стр. 230, 236.

²² Там же, стр. 235—236.

шихся им противиться. Незыблемость основных законов поддерживается и воспитанием детей, которые с самых ранних лет приучаются к соблюдению законов и повиновению должностным лицам²³.

Законы Севариса, пишет Верас, извлечены из древних и новых книг, из наблюдений, сделанных во время путешествий, из собственных познаний; понимая, что нельзя предусмотреть далекого будущего, Севарис разрешил своим преемникам принимать новые законы для счастья и славы нации. Но эти новые законы не должны вводить ничего, противоречащего естественному праву или основным законам государства. Эти законы — законы мудрости, которая неизменна; правитель севарамбов должен быть их хранителем, толкователем и исполнителем, не расширяя и не сокращая их²⁴.

Незыблемость законов должна поддерживаться убеждением, что они внушены Солнцем, наместниками которого являются вице-короли. В тех же целях для принятия какого-либо нового закона должен созываться Генеральный совет, собирающийся, как выше отмечено, весьма редко.

Проблемам уголовного права и процесса Верас почти не уделяет внимания; он замечает мельком, что убийство и нарушение законов о браке караются длительным тюремным заключением (десять лет, семь лет, три года и т. д.), телесными наказаниями²⁵. Высказанная Мором мысль об использовании труда для перевоспитания осужденных не оказала на Вераса влияния.

В отличие от других социалистов-утопистов Дени Верас — сторонник рабства. Рабы используются для грязной работы. Рабыни становятся наложницами. Источник рабства — ежегодная дань девушками и юношами, взимаемая с южных струкарамбов, потерпевших поражение после их набега на земли севарамбов²⁶. Вполне справедливо замечание В. П. Волгина, что «более чем терпимое отношение к рабству в его самых отвратительных проявлениях резко выделяет Вераса среди ранних утопистов»²⁷.

Политический строй Государства Солнца севарамбов далек, разумеется, от «монархии последовательной и деспотической». Можно согласиться с В. П. Волгиным, что проект Вераса для времени Людовика XIV поразителен своим демократизмом²⁸. Но идеи этого проекта следует сравнивать не только с государственным строем Франции XVII в. и ее политической литературой, но и с политическими идеями предше-

ствующих Верасу социалистов-утопистов, с произведениями которых он был знаком. Это сравнение — не в пользу Вераса.

Верас делает шаг назад не только от Мора и Уинстенли, выступавших в защиту широкой по тому времени демократии, но и от Кампанеллы. Заимствовав в известной мере мысль Кампанеллы о необходимости строгой централизации в управлении обществом и производством (отсюда идея государственной собственности), а также мысль о «правлении ученых» (у Вераса эта мысль четко не выражена, но само собой предполагается, что должностные лица — наиболее способные и образованные севарамбы), Верас почти не уделяет внимания формам народного контроля за деятельностью должностных лиц (у Кампанеллы должностные лица избираются на срок и могут быть смещены; значительна и роль народного собрания в его Городе Солнца, чего нет у Вераса). В этом, несомненно, сказалось недоверие Вераса к творческим способностям народа. С этим связано и отношение Вераса к религии, его довольно циничное оправдание беззастенчивой спекуляции на религиозных чувствах «простых людей», их обмана ссылками на «голос с неба», явного для «умных людей». Это, безусловно, слабая сторона утопии Вераса.

Отличительной чертой «Истории севарамбов» является и прямое осуждение народных восстаний. Мор, как отмечено, оправдывал «благородный дух возмущения» подданных против тиранов; Кампанелла сам принимал участие в подготовке восстания, а позже, в своих сонетах, высказывал революционные идеи. Еще дальше Мора и Кампанеллы, в чьих сочинениях все же скептически говорилось о способности народа в результате революционного переворота установить справедливый строй, шел Уинстенли, взывавший в «Законе свободы» к английскому народу, требуя довести революцию до конца. Всего этого нет у Вераса.

Разграничивая «добрых монархов» и тиранов, Верас ограничивается чисто моральным осуждением последних²⁹. Следом идет обширное рассуждение на тему о том, что «самый великий долг подданных состоит в уважении, повиновении и верности государю. Хотя одобрение и согласие народа необходимо для его вступления во власть, но не следует воображать, что воля народа — основной ее источник, — продолжает Верас³⁰, — провидение принимает большее участие в избрании монархов, чем народ, монархи же на земле должны рассматриваться как живое воплощение божества, и

²³ См. «История севарамбов», стр. 205, 207, 216 и др.

²⁴ Там же, стр. 122—123, 205, 215—217.

²⁵ Там же, стр. 93 и сл.

²⁶ Там же, стр. 225—235.

²⁷ В. П. Волгин. Французский утопист XVIII в., стр. XXII.

²⁸ См. там же, стр. XXVII.

²⁹ «История севарамбов», стр. 214—215.

³⁰ В связи с этим рассуждением Вераса нельзя согласиться с мнением В. П. Волгина, что источником власти у севарамбов является народное избрание (там же, стр. XXV).

хотя бы они плохо исполняли свои обязанности, их подданные не должны уклоняться от своих, ибо небо часто благословляло несправедливые поступки монархов, чтобы наказать народ, который своими проступками навлек на себя гнев небесного правосудия. Народ должен безропотно подчиняться наказанию, не следуя мятежным советам. Возмущение — не только самое тяжкое преступление, но и самое большое безумие, ибо вместо того, чтобы доставить свободу тем, кто подпадает под его влияние, оно приводит лишь к более жестокому угнетению, независимо от того, на чьей стороне окажется победа. Наконец, подчиняться законной власти не только долг всех подданных, но в этом заключается их же собственная польза»³¹.

Дальнейшее развитие социалистической мысли не восприняло слабых сторон утопии Вераса. Однако известное воздействие они все же оказали на тех социалистов-утопистов, чьи взгляды сложились под влиянием «Истории севарамбов». Такое влияние испытал, как справедливо отмечает В. П. Волгин, Морелли. У последнего мы находим ряд высказываний отрицательного характера о политической борьбе и ряде институтов демократии (стремление обойтись без выборов в будущем обществе и т. п.).

При всех своих недостатках книга Вераса оказала влияние на развитие социалистической мысли Франции и в другом отношении. «История севарамбов» вызвала бесчисленное множество подражаний. Многие политические романы и описания путешествий XVII и XVIII столетий прямо или опосредствованно испытали на себе влияние не только литературной формы «Истории севарамбов», но и ее социально-политических идей. Повествование о путешествиях в фантастические страны у таких писателей, как Фонтенель, Ретиф, Фенелон, Рамзай, Пехмейя и других³², в той или иной степени служило обоснованию идеи общности имуществ или, по крайней мере, распространению этой идеи. Через этих писателей «История севарамбов» Вераса оказала влияние на развитие утопически-социалистической мысли Франции последующих веков³³.

³¹ «История севарамбов», стр 217—218

³² «Предшественники новейшего социализма», ч. II, стр 369—391.

³³ Так, например, на Фенелона, который в «Телемаке» описывал как строй общности («Бетика»), так и общество, разделенное на семь классов («Салента»), ссылались впоследствии утопические социалисты Мелье, Вильгардель, Дезами (См. В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр 25, 254, 282).

Утопические социалисты XVI—XVII вв. сделали существенный шаг в развитии политической и правовой мысли. Их взгляды на государство и право противостояли как феодальному теологическому мировоззрению, так и зародившейся в ту же эпоху буржуазной политической идеологии.

Основной заботой буржуазных политических мыслителей XVI—XVII вв. было укрепление и охрана частной капиталистической собственности. Эту задачу по-разному формулировали и обосновывали такие идеологи буржуазии этого периода, как буржуазный теоретик абсолютизма во Франции Жан Боден, итальянский буржуазный мыслитель Никколо Макиавелли, один из основателей буржуазной школы естественного права Гуго Гроций, буржуазные и мелкобуржуазные политические деятели времен Английской революции XVII в. Борясь с феодальным мировоззрением, они высказывали различные представления о наилучшей форме государства и принципах права. Но для всех них общим был взгляд на частную собственность как на незыблемую основу общества, как на «естественное право», для защиты которого и существует государство. Соответственно в их понимании «равенство» состояло лишь в ликвидации феодальных сословий, в провозглашении формального равенства всех перед законом. Выступая против феодализма, идеологи буржуазии провозглашали «царство разума», «вечную справедливость», «равенство» и «неотъемлемые права человека»

«Мы знаем теперь, — писал Ф. Энгельс, — что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых суще-

ственных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность»¹.

От буржуазной политической мысли радикально отличалась возникшая в ту же эпоху идеология утопического социализма. Она сопровождала первые выступления того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. «Требование равенства, — писал Ф. Энгельс о теориях социалистов-утопистов XVI и последующих веков, — не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий»². Соответственно, социалисты-утописты высказывали совершенно новые взгляды на государство и право, взгляды, радикально отличающиеся от политической идеологии эксплуататорских классов.

В пределах единого течения политической идеологии утопического социализма существовали различные направления. Социалисты-утописты по-разному решали те или иные вопросы государства и права. На их взглядах отражались классовые противоречия страны и эпохи, степень зрелости пролетариата, идеологические формы, в которых велась классовая борьба, даже, наконец, субъективные настроения авторов социальных утопий. Не имея научного критерия для решения вопросов общественной и политической науки, утопические социалисты часто решали их произвольно³. Отсюда — значительное разнообразие их политических взглядов, разнообразие, не исключающее, однако, ни общих тенденций в решении проблем теории государства и права, ни единства в выборе самих этих проблем, которым утопический социализм уделял первостепенное значение.

Внимание утопических социалистов привлекала прежде всего оценка современного им государства и права.

Осуждая общество, основанное на частной собственности, социалисты-утописты дали острую критику эксплуататорского государства и права.

Громадным шагом в развитии политической науки была их попытка установить связь современного им государства и права с интересами имущих классов. Уже в «Утопии» Томаса Мора государство определяется как «заговор богатей», угнетающих и эксплуатирующих трудящихся. Как орудие насилия в руках частных собственников, в первую очередь феодалов, остро критиковал современное ему государство Уинстенли.

На такой шаг в познании эксплуататорского государства по вполне понятным причинам оказалась неспособной политическая мысль буржуазии XVI и последующих веков. Весьма остро осуждая порой феодальные политические и правовые учреждения, буржуазные идеологи не шли далее разоблачения их «неразумности». Им казалась опасной одна лишь попытка установить общую связь государства и права с отношениями частной собственности, с интересами имущих классов. Если такая попытка и предпринималась отдельными буржуазными и мелкобуржуазными мыслителями, то лишь для обоснования преимуществ капиталистической частной собственности перед собственностью феодальной (например, Гаррингтон) или мелкой «трудовой» собственности перед собственностью крупной, обуславливающей имущественное неравенство (например, Руссо).

Политическая идеология утопического социализма XVIII—XIX вв. продолжала критику эксплуататорского государства, начатую еще Томасом Мором. Государство как орудие частных собственников обличали Мелье, Морелли и другие утопические социалисты. Еще ближе к пониманию сущности современного им государства как «диктатуры буржуазии» подходили Бабеф, Бланки, Дезами. В России к раскрытию классовой сущности феодального и буржуазного государства приближались Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

Однако несмотря на ряд гениальных догадок в этой области политической теории, утопический социализм все же не смог дать подлинно научной критики эксплуататорского государства, ибо его теоретики не поняли коренной связи политической надстройки с экономикой общества, не знали научного понятия класса, не имели представления о закономерностях развития государства. Некоторые из них доходили в своей критике эксплуататорского государства до осуждения «государства вообще», усматривая в нем абстрактное «зло» (в известной мере это было присуще диггерам на ранних этапах движения, позже — Роберту Оуэну и другим).

Социалисты-утописты положили начало острой критике эксплуататорского права. Томас Мор показал, что современное ему право далеко от справедливости, что оно представляет собой лишь выражение интересов богатей, ратующих за свои выгоды. Эти идеи развивал Уинстенли, которому

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 190.

² Там же, стр. 191.

³ Говоря о социалистах-утопистах XIX в., Ф. Энгельс отмечал, что социализм представлялся им выражением абсолютной истины, разума и справедливости, они думали, что стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир. «При этом, — пишет Ф. Энгельс, — абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы; особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 201; см. также т. 20, стр. 19).

принадлежит и та заслуга, что он показал иллюзорность буржуазного понятия равенства как равенства, выгодного лишь имущим, обосновал важную мысль, что трудящиеся нуждаются в материальных гарантиях равенства и свободы, которые могут быть обеспечены лишь при условии замены частной собственности общественностью. Вслед за Морем и Уинстенли эти идеи развивали Морелли, Бабеф, Фурье, русские социалисты-утописты XIX в. и другие.

Ни о чем подобном, разумеется, не было и речи в буржуазной политической идеологии XVI и последующих веков. Ее представители не шли далее требования формального равенства всех перед законом, наделения членов общества абстрактными правами, осуществление которых фактически будет зависеть от имущественного положения личности.

Почти все социалисты-утописты, начиная с Томаса Мора, выдвигали требование простоты законодательства, его доступности народу. Ими вскрыт антинародный характер ряда институтов эксплуататорского права.

Однако вся эта критика носила, как правило, отвлеченно-моральный характер, не доходила до научного раскрытия соотношения экономики общества и политически-правовой надстройки. Вскрыв это соотношение, марксизм дал ключ к научному познанию закономерностей развития эксплуататорского государства и права, доказал необходимость и неизбежность их уничтожения в социалистической революции.

Значительное место в политической идеологии утопического социализма занимала проблема государства и права будущего. В ее решении утопический социализм стоит дальше от истины, чем в критике эксплуататорского государства и права. Не располагая ни научной теорией, ни фактическим материалом, на основе которого можно было бы предугадать черты будущего, утопические социалисты высказывали порой весьма фантастические представления о судьбе государства и права при коммунизме. Но и здесь сквозь фантастический покров прорывались, как писал Ф. Энгельс о социалистах-утопистах XIX в., «зародыши гениальных идей и гениальные мысли...»⁴.

По мнению одних социалистов-утопистов, надобность в государстве и праве исчезнет немедленно по утверждении строя общности (это было в известной мере присуще дигтерам на первом этапе их движения, позже — Роберту Оуэну и другим).

Другие полагали, что государство и право, соответствующим образом преобразованные, сохранятся и в будущем. При этом многие социалисты-утописты, не различая понятий

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 194; см. также т. 20, стр. 269.

«общество» и «государство» (что было общим недостатком домарксовской социологии), не видели разницы между государством и общественным самоуправлением, представляли организацию будущего общества как организацию политическую (в наибольшей степени это присуще Верасу).

Вместе с тем ими высказан ряд гениальных догадок о принципах организации будущего общества.

Красной нитью через труды социалистов-утопистов проходит идея неразрывной связи социализма с широким участием народа в управлении общественными делами. Ни один буржуазный политический мыслитель XVI в. не выдвигал столь демократического идеала, как Томас Мор. С защитой самой широкой по тому времени демократии выступали Томас Мюнцер в период Крестьянской войны в Германии и Джерард Уинстенли в эпоху Английской революции. Даже более «умеренные» в этом отношении Кампанелла и Верас обосновывали политический строй, резко отличающийся своим демократизмом от современных им политических порядков и идеалов буржуазных теоретиков. Политическая мысль утопического социализма всегда опережала в этом отношении буржуазную политическую идеологию. Гениальная догадка о том, что демократия имманентна социализму — значительнейшее достижение уже первых шагов утопического социализма. Эта идея получает все более широкое и полное обоснование в процессе дальнейшего развития политической идеологии утопического социализма. Ее настойчиво высказывают Мелье, Морелли, Бабеф, Дезами, Кабэ, русские революционные демократы XIX в. и многие другие социалисты-утописты.

Другим достижением политической мысли социалистов-утопистов XVI—XVII вв. была догадка о новых задачах и функциях государства, основанного на общественной собственности. Если эксплуататорское государство осуществляет лишь принуждение в целях охраны частной собственности, подавляет народные массы, то функции социалистического государства будут иными. Новое устройство общества потребует от государства осуществления таких задач, как управление производством и распределением, воспитание членов общества. Осуществление принуждения отходит на задний план как в связи с качественно новым соотношением интересов личности и общества, их совпадением, так и в связи с тем, что государство должно взять на себя руководство народным хозяйством и воспитанием граждан. Это находит свое выражение и в устройстве самого государства, органы и должностные лица которого при широком участии народных масс осуществляют, пользуясь современной терминологией, хозяйственно-организаторские и культурно-воспитательные функции.

Эти идеи нетрудно обнаружить уже в произведениях Мора, Уинстенли, Вераса. Еще резче они выражены в «Городе Солнца» Кампанеллы, явившегося прямым предшественником Сен-Симона, в трудах которого, как указывает Ф. Энгельс, «совершенно ясно высказана та мысль, что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. мысль об «отмене государства»...»⁵.

Последующая социалистическая мысль восприняла и развила эти идеи. В противоположность буржуазным теоретикам, отводившим государству роль «ночного сторожа», охраняющего частную собственность и «свободу индивидов», понимаемую как свободу частной инициативы и конкуренции (особенно четко это выражено у идеологов буржуазного либерализма), политическая теория утопического социализма рассматривала новое государство как средство управления народным хозяйством в интересах общества. Морелли, Бабеф, Сен-Симон, Герцен, Чернышевский и многие другие социалисты-утописты высказывали и обосновывали эту мысль. При этом социалисты-утописты настойчиво подчеркивали, что вмешательство нового государства в экономику и культуру осуществляется в целях обеспечения подлинного равенства и свободы личности, что личные интересы при социализме совпадают с интересами общества.

Значительное место в политической идеологии утопического социализма занимает и обоснование новых задач социалистического государства в области внешней политики. Отвращение к агрессивным войнам и вероломству в международных отношениях современных ему правителей весьма недвусмысленно выразил в своей «Утопии» Томас Мор. Социалистическое государство ведет лишь справедливые войны, когда его к этому вынуждают; оно уважает суверенитет других наций, проводит честную внешнюю политику. Вслед за Морем те же идеи высказывали Кампанелла, Уинстенли и другие социалисты-утописты. Они осуждали не только агрессивную внешнюю политику эксплуататорских государств, но и применение силы в международных отношениях. Задолго до Гроция, сформулировавшего ряд прогрессивных принципов международного права, и значительно более последовательно утопические социалисты отстаивали идеи мира, незыблемости нравственных норм в отношениях между народами, решительного противодействия агрессорам. Мысль о неразрывности мира и социализма — важное достояние политической идеологии утопического социализма.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 196.

Ряд гениальных для своего времени догадок содержится в учении социалистов-утопистов о праве. В целом их правовые взгляды складывались под влиянием господствовавшей в ту эпоху рационалистической концепции. Право представлялось им выражением «справедливости», его источник они искали в области морали. Но в процессе конкретизации абстрактных, рационалистических понятий утопические социалисты порой высказывали материалистические догадки. Громадным шагом в развитии науки права был, как отмечалось, их вывод о том, что эксплуататорское право выражает интересы только имущих классов, служит угнетению и эксплуатации. Право, основанное на справедливости, должно соответствовать интересам трудящихся, обеспечивать их подлинное равенство и свободу, гарантированное материально. Эти догадки содержались уже в «Утопии» Томаса Мора. Еще ближе к познанию классового характера современного ему права, к пониманию необходимости материальных гарантий прав и свобод человека подошел Уинстенли. Большим достижением утопического социализма была мысль о социальном содержании права, о его связи с материальными интересами классов и социальных групп в современном им обществе, с интересам всего народа — в обществе будущего. Утопические социалисты рассматривали социалистическое право прежде всего как средство закрепления социальной справедливости, состоящей в освобождении человека от эксплуатации. Они настойчиво проводили мысль о том, что новое коммунистическое общество обеспечит трудящимся широкие демократические права и свободы, гарантированные материально. Идея неразрывной связи коммунизма с реальной свободой личности — важное достижение политической теории утопического социализма.

Совершенно иной характер носила буржуазная теория права XVI и последующих веков. Школа естественного права, возникшая в ту эпоху, покоилась на сугубо идеалистической основе. Источником права теоретики этой школы считали «человеческий разум», который, как указывает Ф. Энгельс, «был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа»⁶. Соответственно интересам своего класса к основным «заповедям разума» и «справедливости» они относили частную собственность, защита которой должна быть, по их учению, основной заботой права. Их построения были абстрактными и формальными, им была совершенно чужда мысль о связи права с материальными интересами каких-либо классов и социальных групп. Равным образом, «права и свободы» лич-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 192, см. также т. 20, стр. 267.

ности они трактовали сугубо формально, совершенно не заботясь о материальных гарантиях этих прав и свобод.

Материалистическая струя в учении о праве явственно обнаруживается и в трудах социалистов-утопистов XVIII и XIX вв. Ее можно обнаружить в «Завещании» Мелье, «Кодексе природы» Морелли, в сочинениях Бабефа, Фурье, Сен-Симона, Оуэна, Герцена, Чернышевского и других социалистов-утопистов.

Уже начиная с Томаса Мора утопический социализм выдвигает требование простоты законодательства, его доступности народу, широкого участия трудящихся в законодательной деятельности. Разрабатываются проекты конституций будущего (Уинстенли, затем Морелли, Бабеф и другие). Выдвигается требование твердой законности как метода осуществления демократической власти в будущем обществе (Уинстенли, вслед за ним — Морелли, Дезами и другие).

Весьма интересны и плодотворны мысли социалистов-утопистов о причинах преступности и путях ее искоренения. Этому вопросу значительное внимание уделяли Томас Мор, Кампанелла, Уинстенли. Они высказали и обосновали совершенно новое положение о связи преступности с отношениями частной собственности, о резком сокращении преступлений и других правонарушений в социалистическом обществе. В основе этого вывода лежала их догадка о слиянии общественных и личных интересов при социализме, о ликвидации социальных корней преступности, о возрастании роли воспитанной и убеждения в будущем обществе. Гуманной и прогрессивной была мысль Томаса Мора, Уинстенли и их последователей о труде, как средстве перевоспитания и исправления правонарушителей.

Ни о чем подобном не было и речи в буржуазной теории права той эпохи. Вопрос о социальных корнях преступности был поставлен социалистами-утопистами за несколько веков до того, как буржуазная криминология отважилась отойти от формального определения преступления и попытаться установить связь преступности с какими-либо «социальными факторами» (при этом, разумеется, частную собственность буржуазные криминалисты отказываются считать фактором, порождающим преступность). Буржуазной криминологии в целом осталась чуждой и гуманная мысль об общественно полезном труде, как средстве перевоспитания правонарушителей.

Наконец, некоторые социалисты-утописты высказывали догадку о постепенном отмирании государства и права, о преобразовании политической власти в общественное самоуправление (Сен-Симон, Чернышевский и другие). Этот вывод не был четко сформулирован в произведениях утопических социалистов XVI—XVII вв. Но уже тогда были выска-

заны идеи, заложившие основания для этого вывода. Мысль о новых задачах власти, заботящейся уже не о принуждении и подавлении, а об управлении народным хозяйством и воспитании, логично вела к идее такого преобразования государства, при котором последнее теряет политический характер. С этим сочеталось требование качественно новой демократии, осуществления власти самим народом. Народоуправство, описанное как атрибут коммунистического строя в «Утопии», «Городе Солнце» и «Законе Свободы», еще не тождественно коммунистическому самоуправлению (поскольку сохраняется специальный аппарат управления и принуждения); но и здесь заложены логические основания для вывода о таком преобразовании власти, при котором она будет осуществляться самодействующей общественной организацией. Рядом с этой мыслью сформулировал Томас Мюнцер, отождествлявший «власть общины» с «упразднением всяких властей».

Наконец, третьей проблемой, волновавшей социалистов-утопистов, была проблема перехода от частнособственнического строя к строю общности. В решении этой проблемы утопический социализм дальше всего от истины.

«Первоначальный социализм, — писал В. И. Ленин, — был утопическим социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации».

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества»⁷.

Одни социалисты-утописты уповали на «просвещение» как путь к новому обществу; высказывались и надежды на «просвещенного правителя», «философа на троне», проводящего соответствующие реформы (Томас Мор, Дени Верас).

Однако в XVI—XVII вв. эти надежды еще не были связаны с упованием на реально существовавших феодальных монархов, классовая сущность феодальной монархии была, как правило, ясна социалистам-утопистам. Поэтому «философ на троне» мыслился как реформатор новой, еще не вкусившей «благ» частнособственнического строя страны (Утопия Томаса Мора, Севарис Вераса). Позднее аналогичная идея высказывалась Мабли и Морелли. Но после бурь Великой французской революции XVIII в. у многих социалистов-утопистов появляются иллюзорные надежды на «внеклассового» монарха, проводящего «социальные реформы» (Сен-Симон, Фурье, Оуэн). Соответственно правление «философа на тро-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 46.

не», осуществляющего свою власть совместно с другими органами, мыслится ими как промежуточный этап между эксплуататорским и коммунистическим строем, при котором прежняя власть станет излишней.

Другие социалисты-утописты надеялись на революцию, как на средство преобразования общества. Таковы Томас Мюнцер и Джерард Уинстенли, а позднее — Мелье, Бабеф, русские революционные демократы XIX в. Но и эти надежды были иллюзорны, так как главную силу такой революции социалисты-утописты видели (и иной в свое время не могли видеть) в крестьянстве. Соответственно осуществление их идей на практике объективно могло привести (при отсутствии руководящей роли пролетариата в такой революции) к утверждению буржуазно-демократического, а не социалистического строя.

Некоторые представители революционного направления политической идеологии утопического социализма высказывали мысль о государстве переходного периода от частнособственнического строя к социалистическому. Мысль о таком государстве, представляющем собой демократическую диктатуру народа, еще в XVII в. выдвинул Уинстенли; позднее ее развивали Бабеф и другие участники «Заговора равных», Бланки, русские революционные демократы XIX в. и другие социалисты-утописты.

Однако классовая основа такой революции была, как правило, не ясна утопистам-социалистам, как не ясна им была и классовая сущность нового государства и права, используемых для строительства социализма.

Имелись у некоторых социалистов-утопистов и высказывания, вообще осуждающие политическую борьбу и политические преобразования как не только недостаточные, но и якобы вообще вредные для социальных перемен (отчасти Морелли, Оуэн, Кабэ и другие).

Марксизм научно обосновал историческую роль пролетариата, который в союзе с широкими массами непролетарских трудящихся классов свергает диктатуру буржуазии, ломая старую государственную машину, устанавливает свою диктатуру и использует ее для строительства социализма (первой фазы коммунистического общества).

На основе обобщения опыта классовой борьбы классики марксизма-ленинизма определили основные черты государства диктатуры пролетариата, как государства по-новому демократического, сформулировали его задачи и функции. Важный шаг в развитии марксистско-ленинской теории государства диктатуры пролетариата в общенародное государство диктатуры пролетариата в развитии, условия его существования, определившим его задачи и пути развития, условия его отмирания при полном коммунизме. Дальнейшее развитие

демократические принципы государственного строительства получили на XIII съезде КПСС.

Марксистско-ленинская теория государства и права коренным образом отлична от всех предшествующих политических учений, включая и политическую идеологию утопического социализма. Но это отнюдь не исключает некоторой общности идей марксизма и домарксистской социалистической мысли, в том числе и в решении отдельных вопросов теории государства и права. Это определяется общностью классовой базы этих учений, обуславливающей и их коренное различие: и марксизм, и утопический социализм выражают интересы пролетариата различных этапов его развития, но если утопический социализм отражает во многом фантастические чаяния незрелого пролетариата, то марксизм — научное выражение интересов пролетариата развитого.